

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ОБЪЕДИНЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И
ФИЛОСОФИИ
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ, ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ И
ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОБЛЕМНАЯ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ**

В. М. КУЛЕМЗИН И В. В. ЛУКИНА

ЗНАКОМТЕСЬ: ХАНТЫ

Ответственный редактор член-корреспондент РАН *В. И. Молодин*

ВО «НАУКА»

НОВОСИБИРСК 1992

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ИЗ ИСТОРИИ ЗНАКОМСТВА	5
СЕМЬЯ И ОБЩЕСТВО	11
ДОМ И ОЧАГ	23
В ЛЕСУ КАК ДОМА	35
НА ВОДЕ КАК НА СУШЕ	46
НА ОЛЕНЯХ КАК НА ВЕЗДЕХОДЕ	55
ИНСТРУМЕНТЫ ПРОСТЫ - ИЗДЕЛИЯ СОВЕРШЕННЫ.....	61
КАКИМ БОГАМ ПОКЛОНЯЛИСЬ ХАНТЫ	72
ЧЕЛОВЕК И ЕГО СОСТОЯНИЯ	84
ОХОТНИКИ - СОЗДАТЕЛИ ЭПОСА	98
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	103
ПРИМЕЧАНИЯ.....	106

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждый народ заявляет о себе через деятельность, т. е. культуру. Только в рамках определенных законов, передающихся от одного поколения к другому (неписаных) или юридически оформленных (писаных), осуществляются различные виды отношений. Самыми существенными из них являются отношения, которые складываются в системе человек-природа, а также в обществе - между членами коллектива. Отношения и связи, зародившиеся в незапамятные времена, ревниво оберегались традицией, закреплялись в обычаях, обрядовых действиях, религиозных верованиях. Разумеется, какие-то утраты были неизбежны, но стремление к постоянству оставалось неизменным. Поэтому мы встречаемся с прошлым не только в виде рисунков на отвесных скалах или набора вещей в погребальных склепах, но и в повседневной реальности.

Благодаря объединенным усилиям специалистов разных отраслей знания удалось сформулировать важные методологические положения, без которых немислимо дальнейшее познание любого общества. Одно из этих положений гласит, что в основе взаимодействия человека и окружающей среды лежит культура. Уже для самых ранних этапов развития человечества можно говорить о вторжении человека в природу, осуществляемом благодаря фактору культуры, а именно - орудиям охоты. Гораздо позднее взаимодействие двух систем - общества и природы - осуществлялось на основе скотоводства, земледелия и, наконец, индустрии. Характерно, что в этом взаимодействии все решающие события разворачивались и разворачиваются на уровне, определяемом только одной стороной - человеком. Поэтому средства контроля над разрушительным воздействием человеческой деятельности должны быть найдены именно в культуре, в поведении человека.

Острота экологической проблемы вызывает у науки интерес к любым формам взаимодействия человека и природы. Одна из форм известна по сибирским народам — охотникам и рыболовам. К ним относятся и ханты. В их культуре нарушение экологического равновесия, объективно вызываемое существованием за счет природы, сводилось к минимуму, и потому данный опыт природопользования заслуживает пристального внимания. Кроме того, немалый научный и практический интерес представляет само традиционное общество как функционирующая система. Знания о нем могут помочь в объяснении многих сложных ситуаций современного индустриального общества. В любой традиционной культуре, в том числе хантской, действовали надежные механизмы снятия биолого-социальных, территориальных, межнациональных и прочих противоречий. Часть этих механизмов, увы, оказалась разрушена прежде, чем они были изучены или хотя бы описаны, но некоторые из них мы надеемся здесь показать. Ну и наконец, мы надеемся, что знакомство с культурой хантов поможет читателю

лучше понять традиции и обычаи собственного народа. Эту мысль предельно точно выразил еще в прошлом веке один из основателей мировой этнографии Макс Мюллер: «Кто знает одну культуру — не знает ни одной».

Данная работа написана профессиональными этнографами по просьбе хантов. Ее цель — ознакомить читателя с одной из древнейших сибирских культур. После небольшой работы Г. Старцева «Остяки» (1928 г.) это первая книга с общей характеристикой культуры хантов. Мы попытались рассмотреть отдельные сферы жизни народа как в материальном, так и в духовном выражении. Наше исследование обращено не только в прошлое, но касается судьбы традиционных явлений и в настоящем; оно прогнозирует также возможности сохранения и возрождения ценного народного опыта в будущем. Структура, стиль и форма подачи материала объясняются как задачами книги, так и спецификой этнографии как науки. Этнограф получает информацию, т. е. сведения о той или иной грани культуры, от самих носителей этой культуры. Затем информация подвергается отбору, классификации, научной обработке, осмыслению. Среди рассказчиков бывают лица разных возрастов и убеждений — от глубоких стариков, свято верующих в своих идолов, до современной творческой интеллигенции. По-разному они смотрят на некоторые вещи, по-разному поясняют, хотя всякий раз мы имеем дело с достоверной информацией. И она не должна быть искажена учеными при обработке или трактовке материала. Вместе с тем его научная подача требует использования специальных понятий и терминов, а они не всегда совместимы с традиционным народным пониманием явлений, о которых идет речь... Мы выбрали компромиссный вариант изложения, и насколько он удался — судить читателю.

При написании научных работ, как и этой книги, мы с глубокой благодарностью вспоминаем всех наших помощников-хантов. Они дружески принимали нас в своих домах, рассказывали и показывали все, что нас интересовало. Теперь мы возвращаем народу полученные у него знания.

При подготовке книги использован широкий круг литературы, а также наши собственные экспедиционные материалы. Они собраны среди разных групп хантов, проживающих от самой южной современной границы — Томской области — до Полярного Урала. Все наши материалы хранятся в архиве Музея археологии и этнографии Томского университета. Изучены, кроме того, музейные коллекции Томска, Тобольска, Омска, Ханты-Мансийска, Салехарда, Санкт-Петербурга, Тарту.

Предисловие и заключение подготовлены авторами совместно; Н. В. Лукиной написаны разделы: «Из истории знакомства», «Семья и общество», «Дом и очаг», «На оленях как на вездеходе», «Инструменты просты — изделия совершенны», «Охотники — создатели эпоса»;

В. М. Кулемзиным подготовлены разделы: «В лесу как дома», «На воде как на суше», «Каким богам поклонялись ханты», «Человек и его состояния». Иллюстрации подобраны Н. В. Лукиной, рисунки выполнены С. Г. Бардиным.

ИЗ ИСТОРИИ ЗНАКОМСТВА

Югры, остяки, ханты — три названия одного и того же народа. Самым точным является последнее, в котором заложено древнее самоназвание *кантах*, *хантэ*, что означает и 'народ', и 'человек'. В советское время оно стало официальным названием этноса, но в зарубежной научной литературе по сей день употребляется и прежнее — остяки. Происхождение последнего слова имеет разные объяснения, и одно из них возводит термин к самоназванию *ас-ях* 'обские люди'. *Югра* — это коми-зырянское и русское название предков хантов и близкородственных им манси, которых прежде называли вогулами. Оно известно по письменным источникам с XI в., но к XVII в. исчезает из них, чтобы через два столетия возродиться в научной литературе. В XIX в. было установлено, что ближайшие родственники хантов и манси по языку — венгры и возникло понятие «угорские языки и народы». Хантов и манси в отличие от венгров стали называть «обские угры». Их языки относятся к более широкой лингвистической общности — финно-угорской группе уральской языковой семьи. Термин «Югра» обладает какой-то притягательной силой для современной хантыйской и мансийской интеллигенции, он становится символом собственного языка и культуры. В 1989 г. в Ханты-Мансийском округе родилось народное движение «Спасение Югры».

В настоящее время основная масса хантыйского населения проживает в Тюменской области. Если учитывать административное деление, то основные районы их расселения — Нижневартовский, Сургутский, Октябрьский, Ханты-Мансийский, Белоярский и Березовский в Ханты-Мансийском автономном округе и Шурышкарский, Приуральский в Ямало-Ненецком автономном округе. Небольшая часть народа живет на севере Томской области, в Каргасокском и Александровском районах. Общая численность хантов, по переписи 1989 г., — 22 283 чел. Их исконные поселения и угодья располагались в последние века по бассейнам Иртыша и Оби с притоками рек Демьянка, Конда, Васюган, Вах, Аган с Тромъёганом, Юган, Ним, Салым, Казым, Назым, Сы-ня, Куноват, Сось. По данным русских документов XVI в., хантыйское население проживало и западнее, по Северной Сосьве, Туре, Чусовой, где позднее стали преобладать манси. Южными соседями издавна были татары и томско-нарымские селькупы, восточными — кеты и переселившиеся на Таз и Турухан селькупы, а также свободно кочующие эвенки, северными — ненцы. С начала XVII в. шло активное освоение Сибири российским населением, а коми проникали сюда еще раньше. Естественно, что в пограничных районах люди поддерживали контакты, учились друг у друга языку и разным ремеслам, женились. Но не всегда отношения были мирными. В хантыйском фольклоре немало

преданий о военных сражениях, особенно с предками ненцев, татар. Сейчас это — не более чем факт истории. Один из наших рассказчиков так закончил повествование о каком-то из сражений: «А теперь ханты, ненцы — все вместе живут».

Исторически сложилось так, что хантыйское население не было однородным ни по языку, ни по культуре. Одни ученые разделяют хантыйский язык на две крупные группы — западную и восточную, а другие еще подразделяют западные диалекты на южные и северные. Согласно первой точке зрения², западные, т. е. северные и южные, ханты говорили на трех диалектах: обдорском, приобском и прииртышском, но последний теперь практически исчез. Восточное наречие имеет два диалекта: сургутский и вах-васюганский. Существуют и другие классификации хантыйского языка. Различия между диалектами проявляются в фонетике, морфологии и лексике. Между удаленными диалектами они настолько велики, что некоторые ученые считают возможным говорить о существовании не одного, а нескольких хантыйских языков. Вот несколько примеров общих и различающихся терминов у двух групп, проживающих сравнительно недалеко друг от друга — в бассейнах рек Казым и Тромъёган (в соответствующем порядке): белка — *ланки*, *ланки'*, внук — *хилы*, *мокмок'*, дом — *хот*, *кат*; здравствуй — *вуся*, *петявола*; имя — *нам*, *нэм*; карась — *маланг хул*, *муги*; крыльцо — *хот ов ел-ни\ лэпынг'*, лодка-долбленка — *хон*, *рыт'*, лошадь — *лов*, *лэх'*, платок — *ухшам*, *суминьтах'*, рубашка — *ер-нас*, *ернис*; рыба — *хул*, *кул*.

Письменность была создана для хантов советскими учеными в 1930—1950 гг. на шести диалектах и говорах: обдорском, казымском, среднеобском, шу-рышкарском, ваховском, сургутском. Художественная литература в настоящее время выпускается в основном на трех диалектах — шурышкарском, сургутском и казымском.

В антропологическом отношении ханты являются наиболее характерными представителями уральского антропологического типа, к которому относятся также манси, селькупы и ненцы. Самые близкие родственники хантов по происхождению, языку и культуре — манси; особенно близки северные группы. Не случайно многие путешественники и ученые с давних пор говорили о них вместе, а созданный на их территории округ получил двухчастное название.

Вещный и духовный мир хантыйского этноса складывался веками, если не тысячелетиями. За столь долгую историю было выработано два фонда культуры: один общехантыйский, а другой — групповой. Реалии общехантыйского культурного фонда: способ приготовления жарено-копченой рыбы, большие крытые лодки, закрывание лица женщины перед старшими родственниками мужа, медвежий праздник, богатейшее декоративно-прикладное искусство и др. Нужно заметить, что многое из этого фонда известно не только у хантов, но и у других народов. Особенности же объясняются тем, что расселился народ очень широко и у

отдельных его групп оказались разные географические условия, неодинаковыми были и традиции соседних народов. Не удивительно поэтому, что ханты Томской области, например, вообще не знали оленеводства, а в Ямало-Ненецком округе тот же народ подстраивал свою жизнь под привычки оленя; первые могут по-настоящему насытиться только рыбой, а вторые — мясом; первые никогда не жили в чумах, а у вторых это основное жилище. Особенности такого рода можно объяснить различными природными условиями. Но чем объяснить отличия между двумя соседними группами, например пимской и казымской? В первой женщины носят одежду, запахивая одну полу на другую, а во второй полы распашной одежды стыкуются, но не запахиваются. В первой для ребенка изготавливают строгую дощатую колыбель, а во второй — узорную берестяную. Почему мастерица на р.Аган выскабливала орнамент по бересте свободным движением руки, а на Казыме рука как бы сдерживалась и узор получался более строгим?

Список подобных «почему?» может быть очень длинным, вот лишь некоторые примеры. В социальной организации, религии и фольклоре северных хантов большую роль играет деление народа на две половины — Пор и Мось; у восточных же хантов на их месте выступают три группы — Лося, Бобра и Медведя. У первых было обыкновение изготавливать изображения умерших людей, а у вторых — нет. В фольклоре северян у священного зверя медведя больше подчеркивали его небесное происхождение, а на востоке — земное.

Несомненно, между отдельными группами были контакты, и слухом о «других хантах» полнилась земля, но вряд ли, например, васюганские ханты имели представление о сынских. Сейчас территориальные барьеры в какой-то мере снимаются. Например, в Ханты-Мансийском Доме народного творчества работают представители казымских, аганских, васюганских хантов, и им известно, насколько богата и разнообразна культура народа в целом.

Особенности занятий, традиций, верований требуют долговременного и тщательного изучения каждой группы в отдельности. Пока наука не выполнила такой задачи. И, видимо, поэтому до сих пор нет солидной работы общего характера о традиционной культуре этого народа, хотя подобные книги о соседях — ненцах, кетах, татарах — уже изданы. Правда, уже в 1715 г. Григорий Новицкий написал книгу «Краткое описание о народе остяцком» — первое крупное сочинение по народам Сибири [3]. Оно касается почти исключительно южных хантов, но тем-то и ценно, ибо сейчас эта группа едва ли не полностью утратила свой язык и национальную культуру. Почти полтора столетия после Г. Новицкого никто всерьез не занимался изучением хантов, хотя интересные сообщения о тех или иных традициях, обычаях время от времени появлялись в печати. В 1840-х гг. сразу двое молодых исследователей — финн А. М. Кастрен и венгр А. Регули — заинтересовались своими далекими родственниками. Один увлекался

языками, другой — фольклором, оба долго жили и путешествовали в Сибири. Они работали независимо друг от друга, но их человеческие судьбы оказались сходными: собрав огромный материал, оба умерли сравнительно молодыми от перенапряжения и подорванного здоровья, оставив после себя многочисленные опубликованные и еще не опубликованные работы.

Следующий всплеск интереса к хантам приходится на конец XIX — начало XX в. В 1880-х гг. финн А. Алквист опубликовал на хантыйском и немецком языках собранные им фольклорные тексты и исследование «О языке северных остяков» [4], а затем на немецком — описание своего путешествия «Среди остяков и вогулов» [5]. Из отечественных авторов нужно назвать лесничего А. А. Дунина-Горкавича, издавшего в начале XX в. три тома своего труда «Тобольский Север» с детальным описанием разных сфер жизни коренных народов [6]. У экономиста С. Патканова неожиданно пробудился интерес к героическим сказаниям хантов, и он провел по ним увлекательное и вполне профессиональное исследование. Его труды «Иртышские остяки и их народная поэзия», «Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям» изданы на русском и немецком языках [7]. Героический эпос — предмет увлечения и венгра И. Папай. Он был послан для расшифровки записей А. Регули, но собрал и собственный богатый материал. Записи того и другого составили семь томов и публиковались в Венгрии на хантыйском, венгерском и немецком языках с начала века до 1970-х гг. [8].

На рубеже веков в течение нескольких лет подолгу жили и работали среди хантов финские ученые У. Т. Сирелиус и К. Ф. Карьялайнен. Первый дал подробное описание и анализ некоторых занятий и, так сказать, материальных объектов. Солидные работы Сирелиуса о жилище, домашних ремеслах и средствах передвижения вошли в сборники, но имеются также две отдельные книги: «О запорном рыболовстве финно-угорских народов» и альбом «Орнаменты на бересте и мехе у остяков и вогулов» [9]. Они опубликованы в Финляндии на немецком языке почти сразу после написания, а недавно там же увидели свет экспедиционные дневники У. Т. Сирелиуса с новой ценной информацией [10]. К. Ф. Карьялайнен изучал разные диалекты хантыйского языка, и его «Остяцкий словарь», вышедший в 1948 г., — единственное в мире многодиалектное издание [11]. Этому же автору принадлежит наиболее полное исследование и в другой области — его «Религия югорских народов» опубликована в трех томах в 1920-х гг. на финском и немецком языках [12]. Вскоре в Финляндии увидели свет «Вогульские и остяцкие мелодии», записанные К. Ф. Карьялайненом и его соотечественником А. Каннисто [13]. Срок издания фольклорных записей К. Ф. Карьялайнена наступил в 1970-х гг. Пока увидел свет один том — «Южно-остяцкое собрание текстов» на хантыйском и немецком языках [14]. Все его работы опубликованы в Финляндии. Там же в 1980 г. изданы на хантыйском и немецком языках сразу четыре тома «Южно-остяцкого собрания текстов», записанного в самом начале XX в. еще одним финским

ученым — Х. Паасоненом [15]. Посетил одну из групп хантов и швед Ф. Р. Мартин, издавший в 1897 г. в Швеции свой труд «Сибирика» на немецком языке [16].

В 1920-е гг. на Северный Урал попадает еще подростком, жаждущим приключений, В. Н. Чернецов — самая яркая личность среди советских угроведов. Его этнографические экспедиции в Северо-Западную Сибирь продолжались целую четверть века. Среди хантов он работал немного — больше среди манси и ненцев, но каждая его статья или книга становилась настоящим открытием. Без его работ не понять древнюю историю хантов и их культуру. В. Н. Чернецов интересовался всем — и жилищем, и изобразительным искусством, и социальной организацией, и фольклором, и обрядами. Он же открыл и раскопал интереснейшие археологические памятники. Еще его притягивали наскальные изображения Урала, и он написал о них книгу в двух частях [17]. Работы В. Н. Чернецова издавались с 1920-х по 1980-е гг., и последними под названием «Источники по этнографии Западной Сибири» были опубликованы этнографические дневники [18].

В середине 1920-х гг. Комитет по делам народов Севера проводил экономическое обследование. К хантам с этой целью ездили Г. Старцев и М. Б. Шатилов, но они изучали и другие стороны жизни народа. Вскоре у первого вышла небольшая книга «Остяки» [19], а у второго более основательная работа «Ваховские остяки» [20]. В 1930-х гг. участвует в создании письменности для хантов Н. Ф. Прыткова. Тогда начинается, а в трудные военные годы продолжается ее собирательская работа. Позднее было опубликовано глубокое исследование Н. Ф. Прытковой по одежде хантов [21]. Вместе с В. Н. Чернецовым она помогла Е. Д. Прокофьевой написать большой очерк о хантах и манси в солидном томе «Народы Сибири» [22].

В 1930-х гг. собирал материал по хантыйскому языку и фольклору немецкий ученый В. Штейниц. Он работал среди студентов только что созданного в Ленинграде Института народов Севера и совсем недолго в Сибири. Его записи и исследования издавались уже тогда, а после 1975 г. на хантыйском и немецком языках они переизданы в ГДР в виде четырехтомника «Остяковедческие труды» [23]. Жители некоторых хантыйских деревень, видимо, помнят, как в 1980-х гг. немецкие кинематографисты снимали фильм о В. Штейнице. В годы работы в Институте народов Севера он был учителем будущего хантыйского ученого Н. И. Терешкина, который в 1940—1950 гг. собрал на разных диалектах родного языка огромный материал по языку и фольклору. Им была задумана серия «Очерков диалектов хантыйского языка», но при жизни собирателя вышла только первая часть: «Ваховский диалект», а через 20 лет «Словарь восточно-хантыйских диалектов» [24]. Ценнейшие фольклорные записи Н. И. Терешкина, так и не увидев света, хранятся сейчас в семейном архиве.

В 1950-х гг. начинается серьезное изучение изобразительного искусства обских угров. В Финляндии была издана солидная работа Т.

Вахтер по орнаменту [25]. В эти и последующие годы публиковал свои исследования известный советский ученый С. В. Иванов. Кроме статей он выпустил три книги: «Материалы по изобразительному искусству народов Сибири», «Орнамент народов Сибири как исторический источник», «Скульптура народов севера Сибири», где по интересующей нас теме имеются большие разделы [26].

С 1950-х гг. обско-у горской этнографией занимается З. П. Соколова. Вначале вышли ее статьи по жилищу, затем по религиозным верованиям, этнической истории и современным процессам; но более всего исследователя интересовали вопросы, изложенные в книге «Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв.» [27]. Ею написаны научно-популярные книги «Страна Юго-рия», «Путешествие в Югру» [28].

1960—1970-е гг. дали новое поколение венгерских исследователей, имевших возможность вести сбор материала только среди хантыйских студентов в Ленинграде. Из них Я. Гуя и К. Редей опубликовали в США каждый свою остяцкую хрестоматию [29] на английском и хантыйском языках, а последний еще и «Североостяцкие тексты (казымский диалект) с очерком грамматики» на немецком и хантыйском языках в ФРГ [30]. Несколько лет назад вышла «Остяцкая хрестоматия» Л. Хонти на венгерском и хантыйском языках [31]. В Венгрии же издано и исследование М. С. Бакро-Надь «Термины медвежьего культа в обско-угорских языках» [32]. Среди работающих сейчас наряду с этими авторами нужно назвать и Э. Вертеш, которая готовила и продолжает готовить упомянутые выше фольклорные записи Х. Паасонена и К. Ф. Карьялайнена. Первый зарубежный исследователь, получивший после 1930-х гг. возможность недолго поработать в Ханты-Мансийском округе, — это венгерская аспирантка Ленинградского университета Е. Шмидт. Ее фольклорные записи 1980-х гг. скоро увидят свет в Венгрии. Заканчивая этот сюжет, заметим, что многие зарубежные издания, даже старые, можно получить и сейчас в обменных фондах.

Мы почти ежегодно ездим в научные экспедиции к хантам последние два десятилетия. О том, что нас интересует, можно узнать из книг, которые мы написали вместе — «Васюганско-ваховские ханты» и «Материалы по фольклору хантов» [33] — либо каждый самостоятельно: В. М. Кулемзин — «Человек и природа в верованиях хантов», «Шаманство васюганско-ваховских хантов»; Н. В. Лукина — «Альбом хантыйских орнаментов», «Формирование материальной культуры хантов», «Мифы, предания и сказки хантов и манси» [34].

Приведенный перечень включает далеко не все имена и работы угроведов. Названы лишь авторы самых больших работ, но и среди малых есть настоящие жемчужины, которые перечитывает каждое новое поколение исследователей либо просто заинтересованных людей.

Следует отметить, что те моменты истории и культуры хантов, которые привлекали внимание своей яркостью, необычностью, были отмечены уже в

ранних описаниях, а позднее нашли отражение в специальных исследованиях. Это касается прежде всего верований, танцев, фольклора. Гораздо меньше внимания уделялось материальной сфере бытия, почему иногда складывается впечатление об отсутствии особенного в ней. Мы здесь попытались избежать членения живого организма культуры на материальную и духовную составляющие.

СЕМЬЯ И ОБЩЕСТВО

Сын бога дал богатырю три зернышка величиной с косточку ягоды черемухи. Богатырь дал их съесть своей любимой жене. Тогда в углу ее обжорливого живота свернулся дорогой клубок из золотистого шелка. Целые 10 лунных месяцев она его носила. После того, как она его носила, она разрешилась от бремени у комля дерева, у которого женщины рожают. Из героического сказания

Когда в хантыйской семье появлялся на свет новый человек, здесь его ждали сразу четыре мамы. Первая мама — которая родила, вторая — принявшая роды, третья — та, что первой подняла ребенка на руки, и четвертая — крестная мама. Ребенок очень рано начинал ощущать и свою роль будущего родителя. У северных хантов считалось, что в новорожденного вселяется душа кого-либо из умерших, и нужно было определить, чья именно. Для этого проводилось гадание: называли поочередно имена умерших родственников и каждый раз поднимали люльку с новорожденным. На каком-то из имен люлька как бы «прилипла», ее не могли поднять. Это было сигналом, что к ребенку «прилипла» душа названного человека, чье имя и получал ребенок. Вместе с именем к нему как бы переходила и родительская функция. Дети умершего человека считались теперь детьми новорожденного. Они называли его мамой или папой, делали подарки и относились как ко взрослому.

Духовный мир ребенка формировался под влиянием еще одной сильной привязанности — к животным, будь то щенок, олененок, прирученная птица или выдра. Он воспринимал их как равных себе и только со временем узнавал, что это существа другого рода и живут они по своим законам. Разъясняли подростку и то, что дети бывают только у взрослых, а родителем он считается только в силу старинного обычая. Таким путем у ребенка пробуждали интерес к биологическим и социальным сферам жизни, он осознавал ее многообразие.

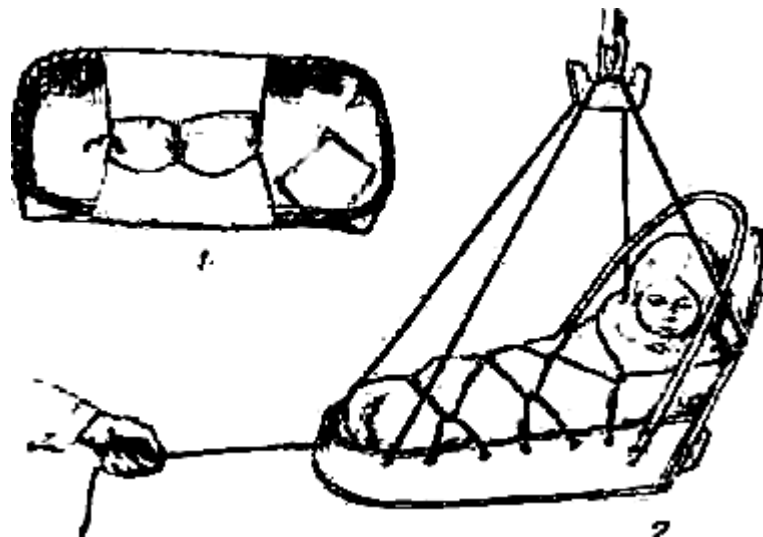

Рис. 1. Ночная (1) и дневная (2) колыбели (с фото Н. Лукиной).

На некоторое время после родов, если была возможность, мать и ребенка изолировали от остальных членов семьи - в специальном «маленьком доме» либо просто в другом жилище. Их одежда не могла быть совершенно новой. Ребенка помещали в колыбель из старой бересты. После прекращения выделений у женщины и отпадения пуповины у ребенка их очищали чагой или бобровым мускусом. По представлениям хантов, ребенок первые дни связан с миром духов, с *Анки-пугос*, *Калтась-анки*, которая дает детей. К ней адресуются его первые звуки, улыбки во сне, беспричинный плач. Конец этой связи определяется по тому, что ребенок начинает улыбаться «почеловечески».

После временной колыбели ребенок получал две постоянные — ночную *етн онтьт*, *сахан* и дневную *хат-левин онтьт* (рис. 1). Первая — это берестяная коробка с закругленными углами, завязками над тельцем и дугой над головой — для накидывания покрывала. Дневные колыбели — двух типов: деревянная со спинкой и берестяная со спинкой, украшенная узорами. На спинку, под головку ребенка прикрепляли мягкую шкурку. Внутри колыбели на берестяную подстилку насыпали размельченные древесные гнилушки. Они хорошо впитывали влагу и придавали ребенку приятный запах. При намокании их убирали, но складывали только в определенных местах. Нельзя, например, считалось, класть их под растущее дерево, иначе ребенок будет качаться от ветра. К колыбелям было особое отношение:

счастливую берегли и передавали из поколения в поколение, а ту, в которой дети умирали, уносили подальше в лес. Для благополучия ребенка хранили и послед — в лесу, рядом с селением (рис. 2). На берестяную колыбель наряду с другими узорами наносили изображение глухаря — хранителя сна.

Рис. 2. Кузовок с последом на дереве (с фото Н. Лукиной).

Колыбель служила ребенку микрожилищем до трех лет. Он не только спал в ней, а нередко и сидел днем. Для кормления мать ставила колыбель себе на колени, а когда нужно было удалиться, подвешивала ее за ременные петли к шесту чума либо к крюку в потолке избушки. Можно было сидеть и работать рядом, качая колыбель ногой, продетой в петлю. При пеших переходах ее несли за спиной, соединив ременные петли на груди, а на время остановки в лесу подвешивали к наклонному дереву повыше от земли, где меньше мошки и не может заползти змея. В поездке на оленях или собаках мать ставила колыбель на свою нарту. Если ребенка оставляли дома одного, то в колыбель для охраны от злых духов клали символ огня — нож либо спички.

В первые месяцы новорожденного заворачивали в пеленки из мягкой ношеной одежды и одеяльце из шкурки зайца. Иногда на другой же день, а иногда через три-четыре месяца ему шили рубашку. Применялись нагрудники из мягкой кожи, ровдуги, ткани или бересты — последние с выскобленным узором. Мальчикам в колыбель клали набедренник из бересты для предохранения одежды от мокроты. Применялись и берестяные наколенники, по представлениям хантов предохраняющие ножки ребенка от искривления. Таких чисто детских элементов одеяния было немного. Еще в грудном, а точнее, в колыбельном возрасте детям шили почти полный комплект одежды — такой же, как у взрослых, но из более мягких материалов. Украшали ее иногда даже богаче, чем взрослому, прикрепляли колокольчики; девочкам надевали миниатюрные украшения. Дети рано получали небольшие копии других предметов взрослых: ножа, лука со стрелами и т. д.

У хантов женщина кормила ребенка грудью до двух—трех лет, а то и позже. На время длительной поездки ему давали сосать беличью лапку либо оленьи сухожилие. И в эти, и в последующие годы детям не готовили пищу отдельно, они ели из общего котла. Конечно, им уступали лакомства, например мягкий костный мозг или кожицу с летних рогов оленей —

хантыйскую жевательную резинку. Из покупных продуктов дети чаще ели печенье, сгущенное молоко. За столом дети сидели со взрослыми и пользовались той же посудой.

В этом, как и во многом другом, проявлялось стремление приобщить ребенка как можно раньше к настоящей, взрослой жизни. Такая концепция воспитания отражалась и в играх, и в раннем привлечении детей к труду. Игрушками служили в основном миниатюрные копии вещевого набора взрослых: у девочек — игольничек, коробочка со швейными принадлежностями, люлочка, у мальчиков — лодочка, лучок со стрелами, фигурки оленей. Детские куклы имели одну особенность — у них не было глаз, носа, рта. Фигурки с чертами лица — это уже изображение духа, который требовал заботы и почестей, а если не получал их, то мог принести владельцу вред. Поэтому старики неодобрительно относились к покупным куклам. Игры детей были нередко уроками труда.

Девочка в два-три года уже умела собрать из бисера браслетик, а мальчик — набросить аркан на любой предмет, напоминающий ему оленя. В шесть лет ребенок мог получить в самостоятельное управление оленью упряжку, набрать за сезон десятки килограммов ягод. С 12 лет девочка умела самостоятельно вести домашнее хозяйство, а мальчик ходил один на охоту.

Все это рушится, когда ребенок попадает в школу-интернат и его главной работой становится посещение уроков. Он сразу лишается возможности проявлять себя как самостоятельная творческая личность, его только учат, причем словесно. Дома же он учился больше сам — путем подражания, следования примеру отца или матери. Те относились к нему уважительно, как к равному, а в школе между ним и взрослыми проводится резкая грань. Дети леса и тундры острее, чем поселковые и городские, воспринимают социальное неравенство, ибо им почти не приходилось слышать в семье о зависимости от «начальства». И школьно-интернатская форма означает для них обезличивание. Покрой и узоры домашней одежды — это своего рода удостоверение личности; по ним можно судить о том, с какой реки или какого рода человек. Все это, к сожалению, мало учитывается теми, кто решает судьбы детей народов Севера.

Уклад семейной жизни был в целом патриархальным. Главой считался мужчина, а женщина во многих отношениях подчинялась ему, при этом каждый имел свои обязанности, свою функцию, благодаря чему регулировались межличностные отношения, создавалась гарантия от конфликтов. Бревчатый дом строил мужчина, а чум из легких шестов воздвигала женщина; рыбу и мясо добывал мужчина, а готовила их на каждый день и впрок женщина; нарты и лыжи изготавливал мужчина, а одежду — женщина. В некоторых сферах существовало и более тонкое разграничение: например, посуду из бересты делала женщина, а из дерева — мужчина; почти всеми приемами орнаментации владела женщина, но штампованные узоры на бересту наносил мужчина. Конечно, распределение обязанностей было не абсолютным. Мужчина при необходимости сам мог

приготовить пищу, а среди женщин были замечательные охотницы. В современных молодых семьях все чаще мужья помогают женам в тяжелых работах — доставке воды, дров. Разной интенсивностью мужского и женского труда объяснялось его дозирование. Мужчине иногда приходилось несколько дней гнать лося, после чего требовался длительный отдых для восстановления сил. Женские ежедневные хлопоты начинались с разведения огня ранним утром и заканчивались лишь с отходом ко сну. Даже в пути по ягоды женщина иногда ссучивала на ходу нитки. Посторонние люди чаще всего наблюдали лишь внешнюю сторону жизни семьи, и у них могло сложиться неверное представление о положении женщины.

Рассуждая на эту тему, следует, конечно, помнить, что в почти всемирной традиции принижения в той или иной мере статуса женщины ханты — не исключение. У них часть ограничений объяснялась физиологическими особенностями женщины — менструацией и родами. Считалось также, что она связана с миром духов. Женщине запрещалось переступать через вещи, связанные с мужчиной и его трудом, а также соприкасаться со священными предметами и местами. Запреты зиждились на мысли о том, что от женщины исходит нечто, переходящее на другие предметы и приносящее им вред. Другая группа ограничений — в пище, в общении с духами и умершими — диктовалась заботой о самой женщине, желанием оградить ее самое от вреда.

В социальной сфере важен еще один фактор — регуляция половых связей. Частично на этой основе развился обычай «избегания» между определенными категориями родственников. Так, женщина стыдилась показывать волосы и лицо старшему брату мужа и его отцу, поэтому при них низко опускала на лицо платок. Это делалось и в присутствии чужих мужчин. Будучи рядом с ними, она вела себя очень сдержанно, не говорила громко, не смеялась, и только с их уходом женщину как будто подменяли. Мужчины тоже избегали смотреть на нее прямо, а предназначенные ей слова говорили в пространство, как бы безадресно. Входя в помещение, где могла находиться «стыдящаяся» женщина, они предупреждали о себе покашливанием, чтобы та успела закрыться. В наши дни можно увидеть молодых женщин и с опущенным на лицо платком, и в спортивной шапочке, которая волосы скрывает, а лицо нет.

Уже исследователи начала XX в. имели основание сказать, что с течением времени круг запретов для женщины сужался. Социально-культурные условия последних десятилетий усилили эту тенденцию. Однако здесь бывают сложные ситуации, а иногда возникают и новые ограничения. Так, новинка XX в. — фотокарточка — могла открыть лицо женщины тому, кого она «стыдилась», и это вызвало ограничение на фотографирование. В традиционной жизни закрывать лицо платком девочку приучали с детства, но в современных условиях, в школе это, конечно, не делается. Однако, вернувшись в родную среду и выйдя замуж, бывшая школьница снова прячет лицо, так что ее не узнают при встрече бывшие соклассники. Еще один

характерный пример. Молодая женщина с высшим образованием, живущая в городе, приезжает к своим братьям-оленеводам. Она старается соблюдать древние обычаи, но нарушает один из них — садится на аркан — и получает замечание от мужчин. Однако эти же мужчины советуются с ней, переходить ли им на арендный подряд, просят разъяснить, что это такое. Возникают и другие ситуации. Возьмем один пример из наших наблюдений последних лет. В работе исполкома и комитета КПСС Ямало-Ненецкого автономного округа активно участвовали женщины, однако входить в это здание в брюках им запрещалось или, по крайней мере, признавалось нежелательным.

Социальная функция женщины, ее роль жены, матери и члена коллектива была достаточно высока. В фольклоре нередко упоминается о девушках, самостоятельно находящих себе мужей, там же красочно описываются походы героев, их сражения при добывании себе жен. Согласно историческим источникам, невесту для сына обычно находили родители, и иногда молодые до свадьбы не видели друг друга. В невесте ценились более всего трудолюбие, умелые руки и красота. Согласно хантыйским нормам, старший сын после женитьбы мог отделиться, поэтому нередко в жены ему подыскивали ту, что постарше, умеющую самостоятельно вести хозяйство. Для младшего сына это не имело особого значения, так как с ним оставались жить родители и мать могла научить неопытную невестку.

К родителям невесты отправляли свата, и начинались переговоры. Своеобразие их заключалось в том, что первые как бы хотели принизить достоинства своей дочери, говоря о том, что она «грязнуля, неумеха», а второй от имени родителей жениха уверял: «Нам такую и надо». Если в конце концов достигалось согласие, то начинался торг о размере выкупа — вещами, деньгами, оленями. Однако семейная жизнь начиналась еще до внесения полного выкупа. Невеста приносила в дом приданое — одежду, утварь. Свадебный обряд не отличался пышностью. Он состоял из угощения в доме невесты, а затем жениха, увоза ее от родителей и приобщения к дому мужа, к святыням новой родни. Здесь молодая женщина вначале чувствовала себя не очень уверенно, не смела, например, громко разговаривать. Однако после рождения первого ребенка ее социальный статус сразу повышался. Не всегда молодых объединяло чувство любви, но сознание долга и дети скрепляли семью. Нам приходилось слышать суждение такого рода и со стороны женщин: «Мой муж — плохой человек, но он дан мне богом», и со стороны мужчин: «Я люблю свою жену, потому что она — мать моих детей». Разводы были крайне редки, причем инициатором могла выступать и женщина.

Взаимоотношения родственников подчинялись этическим установкам, сложившимся в течение веков. Основные из них — почитание старших и забота о младших, беззащитных. Было не принято возражать родителям, даже если те бывали не правы. Не повышали голос и уж тем более не поднимали руку на ребенка. Обращаясь друг к другу или говоря об отсутствующем, пользовались чаще не именами, а терминами родства. Они

составляли сложную систему с учетом возраста, родства по мужской или женской линиям, кровного или по браку. Например, старшая и младшая сестры назывались по-разному — *эним* и *текаем*, а старший брат и младший брат отца одинаково — *этим*; брат мужа назывался иначе, чем брат жены, — *иким* и *емкёлям'*, дети детей, т. е. внук и внучка, обозначались одинаково, независимо от пола, — *кылхалим*. В этой сложной системе женщины ориентируются лучше, чем мужчины. В 1970-х гг. они называли нам более 120 терминов, которыми обозначаются те или иные конкретные родственники.

Кроме упомянутого обычая давать новорожденному имя кого-либо из родственников у хантов была и другая традиция — называть человека по характерному признаку, поступку или событию. Такое описательное имя могло появиться в любом возрасте. В эпизоде одной из героических песен описывается, как это происходило. Герой отправляется в путь, встречает старушку и просит дать ему имя. «Пусть твое имя будет: Подобно осиновому листу верткий муж, подобно осиновому листу беспокойный муж». — «Ай, ай, старушка, ты умеешь давать имена!» [35].

В XVII в. проводилось крещение хантов, при этом им давали христианские имена. Затем царской администрации потребовался учет жителей, при котором были введены отчества и фамилии, образованные от имен. Например, от имени *Кырах* 'Мешок' была образована фамилия Карауловы, от *Мюх* 'Кочка' — Микумины, от *Щащи* 'Бабушка' — Сязи. С тех пор сосуществуют две антропонимические системы — народная и официальная.

Каждая семья была тесно связана с другими — живущими рядом или в большом отдалении — если не частыми встречами, то хотя бы в памяти. Совсем недавно в семье Сязи нам назвали более 300 родственников, и это только по линии отца. Известны были так называемые большие семьи, где вместе с родителями жили женатые сыновья. Сейчас они иногда образуют бригады рыболовов или оленеводов. Нередко из одной разросшейся семьи возникало селение, которое называлось по имени или фамилии основателя. Расселившиеся потомки осознавали свою принадлежность к одной «породе» — *поч*, называя ее обычно именем предка, а позднее по фамилии, например *Лар-поч* и *Тур-поч* — Прасины. Существовали и более крупные социальные объединения — *ях*, *ёх*, а также *сир*, например *Ас-ях* 'Обской народ', *Юнг-восынг-ёх* 'Ледяной крепости народ', *Пор-ёх*, *Мось-ёх* (точного перевода нет), *Нех-сир* 'Лосиный род', *Пунэ-сырэп-ях* 'Медвежий род'.

Здесь мы подходим к трудноразрешимому вопросу о том, что это были за группы — род, патронимия, территориальная община, фратрия? Дело осложняется тем, что перечисленные термины толкуются учеными по-разному и одно и то же объединение относят то к роду, то к общине.

Возьмем для примера *Пупи-сир*, о котором впервые в литературе сообщил Г. Вербов36. Его представители издавна жили в бассейне рек Юган, Аган, Тромъёган, Пим и носили фамилии Каюковых, Казымкиных, Рыс-

киных, Мултановых, Епаркиных, Купландеевых, Песи-ковых, Тайлаковых, Тырлиных. Основная функция *сир* — регуляция системы заключения браков. Нельзя было жениться на женщине из своего *сир*, искать жену следовало в других родах Лося или Бобра. Члены одного *сир* называли друг друга братьями и сестрами, а представителей чужого — свойственниками, то есть родней по браку. Вырисовываются и границы их расселения. Так, по Большому Югану проживали люди из группы Медведя, а по Малому — из группы Бобра. Представители группы Медведя на Салыме считали это животное своим предком, на Югане его называли «младшим братом», а медведицу — «младшей сестрой». Здесь хранился и почитался общественный идол *Ягун-ики* 'Юганский старик' в виде антропоморфной фигурки, который, как считалось, некогда имел облик медведя. Люди из *Пупи-сир* не должны были есть сердце и глаза этого животного.

В переводе лингвистов *сир* — это «род», но по известным на сегодня признакам *сир* не совпадает с классическим определением рода. Не выявляется родовая собственность на угоды, нет данных о старейшинах рода, почитание медведя характерно не только для *Пупи-сир*. *Сир* лучше известны по восточным хантам, а у северных им близки по своей сути объединения *Мось* и *Пор*. У хантов их первым исследовал и назвал фратриями Штейниц [37]. Он возводил их к двум древним этническим компонентам: *Мось* — к степным кочевникам, в *Пор* — к северосибирским охотникам и рыболовам. Позднее З.П.Соколова подчеркивала их социальную, фратриальную функцию, заключающуюся главным образом в регулировании браков [38].

Закономерностей в расселении *Пор* и *Мось* на широкой территории не выявлено, известна лишь обособленность по селениям. *Пор* считали своим прародителем медведя, а *Мось* — женщину *Калтась*, которая могла быть в облике зайчихи либо гусыни. Культovým центром у первых были Вежакоры, у вторых Белогорье. Насколько можно судить по фольклору, *Мось* и *Пор* находились, как теперь говорят, в оппозиции, а иногда и враждовали — как то нередко бывает между родственниками по браку у всех народов. Если признать, что *Мось* и *Пор*, как и *сир*, были фратриями, то остается загадкой, почему у восточных хантов их было три, а у северных — две. Да и у северных групп кроме *Пор* и *Мось* существовала еще «промежуточная» фратрия *По-сланг-ёх*. Чтобы прояснить все эти моменты, нужно еще многое почерпнуть из глубинных знаний народа о его древней социальной организации. Однако сделать это не так просто, ибо здесь есть тайны, которые запрещено выдавать чужим.

На сегодняшний день более основательно проработан другой источник — архивные материалы, а конкретнее — церковные метрические книги о записях браков XVIII—XIX вв. По ним видно, что церковных служителей не интересовало, к каким *поч*, *ёх* или *сир* относились вступающие в брак. Они учитывали лишь сетку деления хантыйской земли, введенную царской администрацией: юрты, волость, уезд. Здесь было 3 уезда, 38 волостей и

более 300 юрт, не считая временных стоянок кочевого населения. В Березовский уезд входили волости Казымская, Обдорская, Куноватская, Подгородная, Чемашевская, Шеркальская, Естыльская, Мало-Атлымская, Ендырская, Сухоруковская, Белогорская. Тобольский уезд включал Самаровскую, Нарымскую, Назымскую, Верхне-Демьянскую, Меньше-Кондинскую, Тар-ханскую, Темлячевскую. В Сургутском уезде ханты жили в волостях: Салымской, Балытской, Селяирской, Юганской Подгорной, Больше-Юганской, Мало-Юганской, Пимской, Тром-Юганской, Аганской, Ваховской, трех Лумпокольских на реках Обь и Вах, двух Салтыковых на тех же реках, Пирчиной, Тымской по рекам Вах и Куль-ёган, Караконской по р.Вах и Васюганской.

Анализ архивных материалов, проведенный З. П. Соколовой [39], показал, что браки заключались почти исключительно внутри уездов, а между уездами были ограничены. Таким образом, южные ханты из Тобольского уезда, северные из Березовского и восточные из Сургутского уездов были изолированы друг от друга. Интересно, что березовские ханты чаще вступали в браки с манси из своего уезда, чем с хантами же из другого уезда. Несомненно, что уезды и волости были выделены с учетом этносоциальных подразделений, существующих у самого народа. Однако еще не вполне ясно, как те и другие соотносились между собой.

Формы социальной организации любого народа тесно связаны с его общественным устройством. Исходя из марксистских положений о доклассовом и классовом обществах считается, что ханты XVII—XIX вв. находились на рубеже этих формаций, у них разрушались древние первобытно-общинные отношения, предполагающие равенство людей. По этому вопросу среди ученых тоже велись дискуссии, и небезосновательно. Если довериться преданиям самого народа, то в прошлом у хантов были и князья, и прислужники, и даже рабы. Княжества, князцы известны также по историческим документам. В них можно встретить имена князцов конца XVI и начала XVII в. — Немьян, Самар, Лугуй, Бардак, Василий Обдорский, Таир Самаров, княгиня Анна Кодская. Выходцев из княжеских и других влиятельных семей поддерживала царская администрация, ставила их во главе юрт и волостей в качестве сотников, десятников, старшин, есаулов, кнлзцов. Например, в 1601 г. царь Борис Федорович назначил первым обдорским князем Мамрука. Спустя почти 300 лет его потомок Йорка Мамрук был в этих краях старшиной. Потомки князя Тайшина и сейчас живут вблизи Салехарда. Отсюда и название Князь-юрты, ныне Горнокнязевск.

Историк С. В. Бахрушин написал специальную работу об остяцких и вогульских княжествах, где доказывал, что в XV—XVI вв. здесь складывались уже феодальные отношения [40]. У этой точки зрения были свои сторонники, но еще больше противников. Относительно князцов известно, что должность эта была выборной и ее носители почти не отличались от простых людей; в архивных документах встречаются

сообщения такого рода: «Князец... с голоду помре». В военное время они становились предводителями, «богатырями», о которых сложено немало героических сказаний и песен. Одни князья-богатыри отличались силой, и тело у них было «как бы из сплошной массы серебра и золота», а другие — красотой, главным признаком которой считались белизна и прозрачность тела. Под одежду они надевали кольчуги из металлических колец, известны были и панцири из рыбьего клея. Оружием богатырей были меч, копье, лук со стрелами, боевой топор и дубинка.

С детства из них воспитывали бойцов. Их любимым занятием была охота на крупного зверя — лося и оленя. Во время военных игрищ они состязались в стрельбе из лука в цель, прыгании через ремни, в борьбе, беге, метании каменных глыб ногами. Уверенные в своей силе богатыри смело шли навстречу врагам и любили опасности, преодоление которых доставляло им новую силу. Они были рыцарями по духу: свято соблюдали данную ими клятву, проявляли великодушие к врагу, просившему пощады, мстили за убитых родственников, заботились о рядовых воинах и простых людях. Им были доступны тайны природы, скрытые от простых смертных. О многих из них сложены былины, а сами богатыри почитаются как духи-покровители и по сей день. Не исключено, что таковым был, например, Тегинский старик, о котором сложена героическая песнь в 1843 строки. Ее записали и опубликовали венгерские ученые И. Папай и И.Ердеи [41], перевел на русский язык хантыйский поэт П. Е. Салтыков, но перевод пока не опубликован.

Все, кто общался с хантами в мирное время, отмечают их честность, миролюбие и гостеприимство. За нарушение норм общественной морали и обычного права в некоторых случаях наказывал сам пострадавший, но чаще решение выносило народное собрание. Оно обсуждало и много других общественных дел, например об очистке рек от заломов, о времени охоты на водяную дичь, о мерах помощи нуждающимся и т. д. На собрании присутствовали все желающие, но право решающего голоса имели только взрослые мужчины, старики. Действенность резолюций нынешних собраний любого уровня не идет ни в какое сравнение с теми народными решениями. Для их исполнения не требовалось принудительных действий, достаточно было правосознания человека. М. Б. Шатилов описывает ситуацию, которую он наблюдал на р. Вах в 1926 г. [42]. Молодая жена пожаловалась старикам, что ее муж нарушил супружескую верность, и попросила развода. Старики развели молодоженов. А через некоторое время они помирились и стали просить разрешения сойтись снова, но собрание стариков пока отказывает им в этом. Молодые угнетены отказом, но не решаются сойтись, хотя, казалось бы, что им мешает? Мешает сознание того, что воля собрания безусловно обязательна. Ведь в случае нарушения воли собрания человек ставит себя как бы вне общества и предоставляется самому себе. В борьбе со стихией, в промыслах он должен будет полагаться только на самого себя, а это немислимо.

Еще один важный признак, по которому определяется характер общественного строя, — это форма собственности. Поскольку главными отраслями хозяйства основной массы хантыйского населения были охота и рыболовство, важнейшую роль играла собственность на промысловые угодья. До завоевания Сибири царской Россией они, естественно, принадлежали местным жителям. В целом это положение сохранилось по отношению к наиболее важным угодьям и в XVIII—XIX вв. У властей тогда не раз возникала идея об обложении угодий оброком, однако до осуществления ее дело так и не дошло, ибо власти признавали, что в таком случае аборигены понесут «немалое отягощение и останутся с семействами без пропитания». Например, в первой половине XIX в. жители Березовского края имели в своем владении рыбные участки протяженностью в 9 тыс. верст. Они принадлежали, как правило, жителям близрасположенных юрт и были поделены между семьями. Границы угодий точно определялись по речкам и мысам.

Владение угодьем означало не частную собственность, а только право пользования. Уважая это право, хант считал чужое угодье неприкосновенным и не позволял себе охотиться там или ловить рыбу. Когда во время охоты зверь перебежал на чужое угодье, то охотник прекращал преследование, если же все-таки убивал зверя, то шкуру отдавал владельцу территории, а мясо брал себе. Даже срубить дерево для долбленной лодки на чужом угодье считалось проступком. Однако в этих нормах обычного права были разумные границы. Голодный человек не только мог наловить себе рыбы на чужом угодье, но даже взять ее из чужой ловушки — правда, лишь столько, чтобы поесть. Владение территорией не давало права закладывать или продавать ее, можно было лишь сдать ее в аренду, да и то с согласия других жителей селения. Арендаторами были преимущественно русские рыбопромышленники, которых особенно влекли «пески» — удобные места для лова, дающие устойчивую прибыль в течение многих лет. По договору владелец угодья и арендатор делили добычу пополам и, кроме того, первый получал от второго плату деньгами. Ее размер зависел от качества, удобства «песка».

Условия аренды исследователи оценивают по-разному. Так, Г. Поляков в конце XIX в. называет их «разбойничьей системой» и осуждает русских рыбопромышленников. Однако немецкий путешественник О. Финш, ехавший по следам Г. Полякова, считает это осуждение-голословным и пишет следующее: «Если б г. Поляков имел случай познакомиться с большим рыбным промыслом в Голландии, Норвегии или в восточном Финмарке-не и с тамошней кредитной системой, то он бы мягче судил о своих соотечественниках» [43]. О. Финш по собственным наблюдениям заключает, что «туземцы», работающие на Оби вместе с русскими, в материальном отношении более состоятельны, чем их соплеменники в пустынных тундрах.

Вопрос о собственности на промысловые угодья и компенсации за их отторжение очень важен для судьбы хантыйского народа в наши дни. И мы, подобно О. Фин-шу, можем сослаться на пример других стран. Так, по закону, принятому Конгрессом США в 1971 г., коренным жителям Аляски выделялось около 16 млн га земель и 962,5 млн долларов компенсации за те территории, которые были изъяты государством. Земля была передана в собственность общин, а деньги — корпорациям, созданным на этнической основе [44].

Многие столетия ханты добывали пропитание небольшими коллективами — семьями, в отдельных случаях — несколькими семьями, но чаще все-таки в одиночку. Чтобы свести к минимуму экологический урон, вызванный необходимостью существования только за счет природы, приходилось жить маленькими поселениями. Они были удалены друг от друга на многие десятки и сотни километров, разделены болотами, тайгой и реками. Реки разъединяли людей, но благодаря лодкам одновременно и соединяли; тайга и тундра разъединяли, но лыжи, олени и нарты соединяли. Не будь этих средств передвижения, непреодолимы были бы реки, тайга и болота. Именно в таких малых разобщенных коллективах сформировался и развился обычай таежного сибирского гостеприимства, который так украшает хантов и по сей день. Сохранялся он и позднее, когда значительная часть народа была втянута рыбопромышленниками в большие артели, а поселения стали крупнее прежних.

В традиционных условиях при коллективном лове рыбы или охоте добыча делилась на равные части, т. е. это была коллективная собственность. Собственностью семьи считались большие сети и неводы, большие крытые лодки, жилище, часть оленьего стада. В личном владении находились орудия труда, часть оленей, у женщины — изготовленная ею печь и утварь. Юридическим знаком собственности была тамга. Ею помечали предметы и животных, например у оленя делали вырез на ухе, а также «подписывали» сообщения на затесе дерева либо официальный документ. Такой «подписью» служили изображения зверей, птиц, предметов, шайтана, земли, человека, дерева и пр. Тамги были личными и коллективными. Например, в XVII в. личные тамги хантов Березовского уезда — это черточки, расположенные особым образом, а коллективные — изображения птицы, дятла, оленя, воробья, орла, медведя, журавля, тетери, выдры, белки, росомахи, соболя, лисицы.

Личное владение скотом и средствами производства, а также появившееся в XIX в. наследственное пользование земельными и водными угодьями создавали условия для имущественной дифференциации. При этом выделялись состоятельные хозяйства, но и появлялись люди, вынужденные работать по найму у русских рыбопромышленников или у сородичей. Это нередко выдавалось за традицию взаимопомощи, и тем самым эксплуатация принимала скрытые формы.

Итак, традиционный уклад жизни хантов по своему характеру был первобытно-общинным с зачатками классового расслоения. По ряду признаков: труд как основа жизни и нравственная ценность, равенство людей и их социальная защищенность - этот уклад был близок к тому, к которому стремится любое общество. В современном мире это стремление сопряжено с большими издержками.

ДОМ И ОЧАГ

Он расколол щепки, взятые из урмана и из бора, на мелкие кусочки. Он их бросал в эту сторону, он их бросал в ту сторону со словами: «Пусть вырастут на этой стороне сто домов и на той стороне сто домов. Пусть посреди этих домов, посреди многочисленных домов появится мой дом. Если на передней стороне дома будет стучать клювом дятел, то пусть на задней его стороне стучит клювом щелку нья...»

Из хантыйской сказки

Сколько домов имеет одна хантыйская семья? У охотников-рыболовов бывает по четыре сезонных поселения и на каждом - особое жилье, а оленевод, куда ни приедет, ставит только чум. Любая постройка для человека или животного называется *кат*, *хот*. К этому слову добавляются определения: из какого материала та или иная постройка - берестяная, земляная, дощатая; ее сезонность - зимняя, весенняя, летняя, осенняя; иногда размер и форма, а также назначение - собачья, оленья. Одни из них были стационарными, то есть стояли постоянно на одном месте, а другие - переносными, которые можно было легко ставить и легко разбирать. Было и передвижное жилище - большая крытая лодка.

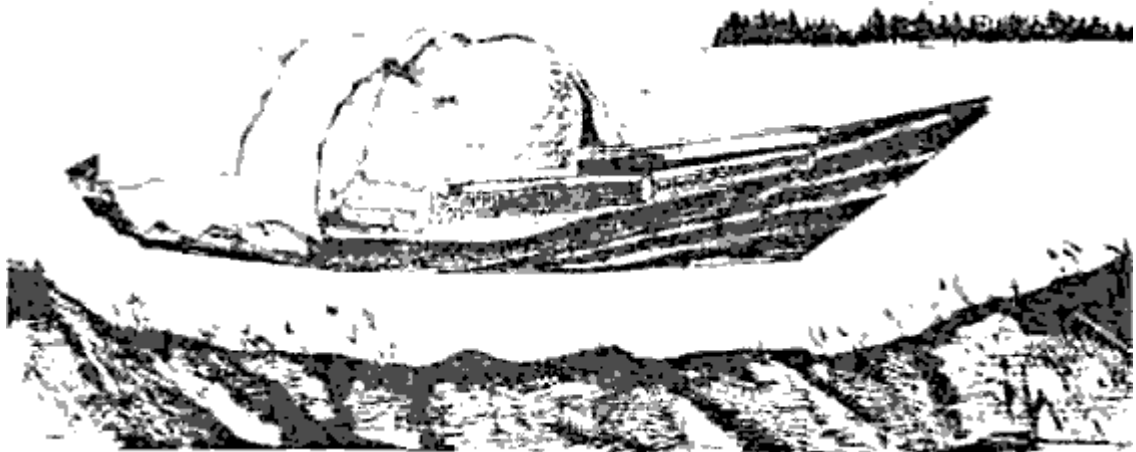

Рис. 3. Лодка-дом, крытая берестой и брезентом (рис. А. Сюзюмова).

Сколько видов или типов построек создал за свою историю этот народ? Только жилых - более 30. Столько их описал в конце XIX в. У. Т. Сирелиус,

первым заинтересовавшийся этим вопросом всерьез [45]. Кроме жилых нужны были хозяйственные сооружения, где могли укрыться животные, где готовили или хранили продукты и разный скарб. Их можно насчитать более 20 разновидностей. С добрый десяток наберется и так называемых культовых построек - священных амбарчиков, домиков для рожениц, для изображений умерших, общественных зданий.

Правда, некоторые постройки при разном назначении были схожи по конструкции, но все-таки их разнообразие поистине удивительно и до сих пор должным образом не объяснено. Несомненно, что архитектурная мысль народа была в постоянных исканиях и находила все новые варианты, сочетания уже известных форм, остроумно использовала скромный набор строительных материалов и творчески применяла опыт других народов.

Г.Новицкий писал, что остяк «в лютыя зимы время... в снегу или разселинах ледоватых утворяет себе жильё...»⁴⁶. Как это делается? При ночевке в пути, особенно если охотник плохо одет, он делает снежную нору *согым*. Снег на стоянке сбрасывается в одну кучу, и в ней с боку выкапывается проход. Внутренние стены нужно быстро закрепить, для чего их вначале немного подтаивают с помощью костра и бересты. Спальные места, т. е. просто землю, покрывают еловыми ветками. Ветки пихты мягче, но их не то что стелить - даже рубить нельзя; считалось, что это дерево злого духа. На Васюгане мы слышали рассказ об охотнике, который в ожидании духа настелил себе у костра еловых веток, а тому - пихтовых. Зажженные еловые ветки помогли отогнать духа, так как сильно трещали. Прежде чем отправиться на покой, вход в нору затыкают снятой одеждой, берестой или мхом. Если ночует несколько человек, то в снежной куче выкапывается широкая яма, которая накрывается всеми лыжами, имеющимися в группе, а поверх - снегом. Как только снег замерзает, лыжи вынимаются. Иногда яму делают столь широкой, что для крыши требуются два ряда лыж и их в середине ямы подпирают столбами. Перед снежной ямой иногда ставили заслон.

Заслоны как зимой, так и летом строили самые разные. Наиболее простой способ: найти два дерева, отстоящие друг от друга на несколько шагов (или вбить в землю два стояка с развилками), положить на них перекладину, прислонить к ней елки либо шесты, а поверх настелить ветки, берестяное полотно или траву. Если остановка длительная или людей много, то ставят два таких заслона, обращенных открытыми сторонами друг к другу. Между ними оставляют проход, где разводят костер, чтобы тепло шло в обе стороны. Иногда здесь устраивали кострище для копчения рыбы. Следующий шаг к усовершенствованию - установка заслонов вплотную друг к другу и вход через специальное дверное отверстие. Очаг по-прежнему находится в середине, но для выхода дыма необходимо отверстие в крыше. Это уже шалаш, который на лучших промысловых угодьях строят более прочным - из бревен и досок, чтобы он служил несколько лет.

Более капитальными были постройки с каркасом из бревен. Их ставили на земле или выкапывали под них яму, и тогда получалась землянка либо полуземляка (рис. 4, 1). Следы таких жилищ археологи связывают с далекими предками хантов - еще эпохи неолита (4-5 тыс. лет назад). Основой таких каркасных жилищ были опорные столбы, которые сходились вверху, образуя пирамиду, иногда усеченную. Эта основная идея разрабатывалась и совершенствовалась во многих направлениях. Количество столбов могло быть от 4 до 12; ставились они непосредственно на землю либо на невысокий сруб из бревен и по-разному соединялись вверху, покрывались цельными или расколотыми бревнами, а сверху землей, дерном или мхом; наконец, были различия и во внутреннем устройстве. При определенной комбинации этих признаков получался тот или иной тип жилища.

Вот как строят на Вахе *мыг-хат* - «земляной дом». Он выделяется над землей только своей верхней частью, а нижняя углублена на 40-50 см. Длина ямы около 6 м, ширина около 4 м. Над ямой по углам ставят четыре столба, на них вверху кладут продольные и поперечные перекладины. Они служат «матками» будущего потолка и одновременно опорой для будущих стен. Для получения стен вначале ставят в наклон на расстоянии шага друг от друга столбы, которые верхними концами опираются на упомянутые перекладины. Два встречных бревна противоположных стен соединяются еще одной перекладиной. На боковых стенах бревна в середине высоты скрепляются поперечной перекладиной во всю длину будущего дома. Теперь, когда готова решетчатая основа потолка и стен, на нее накладывают жерди, а затем уже все сооружение засыпают землей. Снаружи оно выглядит как усеченная пирамида. Посередине крыши оставлено отверстие - это окно. Его закрывают гладкой прозрачной льдиной. Стены у дома - наклонные, и в одной из них - дверка. Открывается она не вбок, а вверх, т. е. чем-то похожа на западню в погребке.

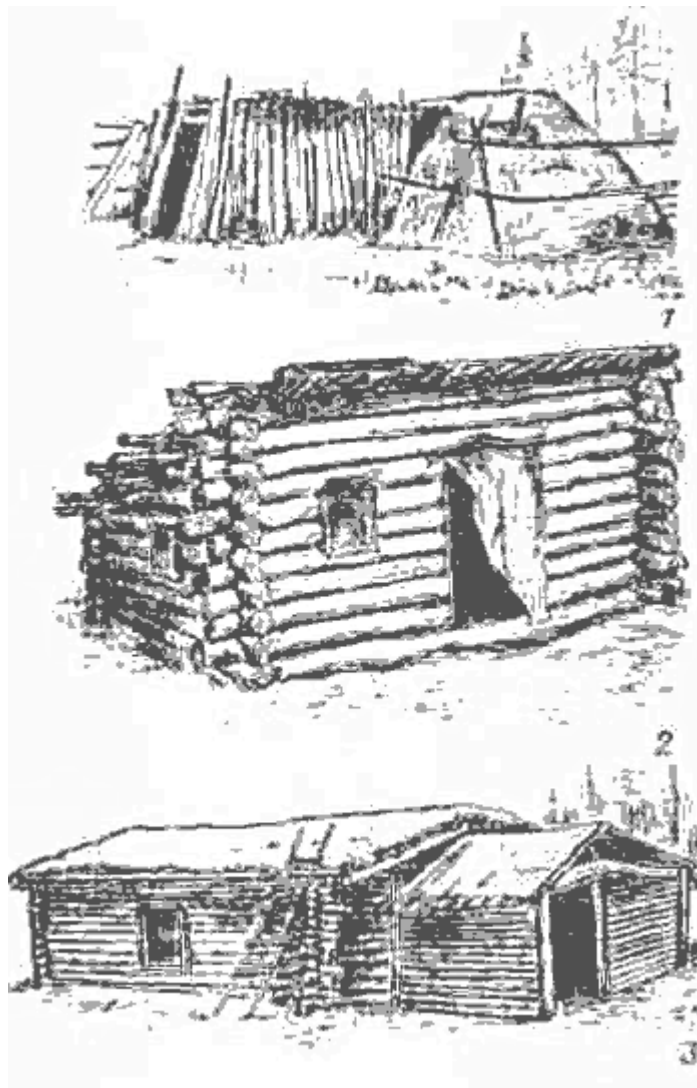

Рис. 4. Бревенчатые постройки: 1 - каркасная полуземлянка, 2 - летнее жилище, 3 - зимнее жилище (по материалам авторов).

Идея такой землянки зародилась, видимо, у многих народов независимо друг от друга. Ее строили кроме хантов и манси их ближние соседи селькупы и кеты, более дальние - эвенки, алтайцы и якуты, на Дальнем Востоке - нивхи и даже индейцы Северо-Западной Америки.

Полом в таких жилищах была сама земля. Поначалу и для спальных мест просто оставляли у стен невынутую землю - возвышение, которое затем стали обшивать досками, так что получались нары. В древности огонь разводили в середине жилища и дым выходил через отверстие вверху, в крыше. Только потом его стали закрывать и превратили в окно. Это стало возможным, когда появился очаг типа камина - чувал, стоящий в углу у двери. Его основное преимущество - наличие трубы» выводящей дым из жилого помещения. Собственно, чувал и состоит из одной широкой трубы. Для нее использовали полое дерево и ставили по кругу прутья, обмазанные глиной. В нижней части трубы - зев, где разводят огонь и подвешивают на перекладине котел. О чувале сложена загадка: «Внутри гнилого дерева

рыжая лиса бежит». Он хорошо обогревает дом, но только пока в нем горят дрова. Зимой чувал топят целый день, на ночь трубу затыкают. В фольклоре вокруг широкой трубы чувала завязано немало сюжетных узелков. Герой то заглядывает в нее, чтобы узнать о происходящем в доме, то намеренно роняет снежинку и гасит огонь.

Вникая в технику строительства у предков хантов, ученые задаются вопросом: как давно возникли здесь срубные жилища? Стены в таких жилищах сплошные, из уложенных горизонтально бревен (досок), соединенных на углах благодаря вырубленным углублениям (рис. 4, 2,3). В последние 200 лет такая техника здесь, несомненно, применялась. А раньше? Сирелиус, например, считал, что она развилась под влиянием русских. Но археологические раскопки показывают, что срубные постройки, хотя и редко, встречаются в памятниках Нижнего и Среднего Приобья с раннего железного века [47].

Казалось бы, вырубать каменным топором углубления в каждом бревне - это непосильная и слишком долгая работа. Однако, как установлено экспериментально, применение каменного топора достаточно эффективно. Оказывается, не так уж и примитивны древние культуры...

Есть жилище, лучше которого для северян ничего не сможет создать ни один научно-исследовательский институт. Это чум *пур-кат*, *ур-хот* (рис. 5). Делается он так. Вначале к растущему дереву прислоняются полукругом шесты, накрытые берестой. Это, собственно, заслон с открытой передней частью, перед которой раскладывается костер. Более развитая форма: шесты по-прежнему прислонены к дереву, но стоят уже по кругу; имеется дверной проем, хотя самой двери может еще не быть. Костер разводится уже внутри жилища, но для подвешивания котла по-прежнему используется изогнутая палка, воткнутая в землю. И наконец, в самом позднем варианте чума опорой ему служит не дерево, а связка из двух-трех шестов; дверь обязательна и может быть даже деревянной; появляются пол из досок и особое надочажное сооружение. Чум - и летнее, и зимнее жилище, меняется лишь покрытие: летом из бересты, а зимой из шкур; сейчас то и другое нередко заменяется брезентом.

Рис. 5. На стоянке оленеводов (рис. С. Бардина).

Вот как выглядит, например, чум оленеводов из поселка Питляр, кочующих летом по Полярному Уралу. (В 1989 г. мы жили в нем у семейства Сязи.) Чум четко делится на две половины, и у каждой половины есть своя хозяйка. Это нужно знать, чтобы понять порядок жизни в чуме. Другое важное обстоятельство: установка чума, точнее говоря, его остова издревле была женской обязанностью. Поэтому при перекочевке шесты и доски для пола везут в женском оленьем *аргише* - обозе, в самом его конце. У нас хозяйек было две, и каждая везла шесты и доски той половины жилища, где живет ее семья. На новой стоянке их *аргиши* выстраиваются рядом так, чтобы последние нарты были непосредственно у места установки чума. Вначале укладывают на землю по три доски пола - каждая хозяйка на своей половине. Между ними остается «нейтральная полоса» шириной около метра. По другую сторону от досок на каждой половине чума - спальные места. Там расстилают на земле самодельные (или покупные вьетнамские) циновки, а иногда ковровые дорожки, на них укладывают олени шкуры. В изголовье кладут мешки с одеждой или длинные узорные подушки; летом там хранятся и ненужные пока зимние шубы из оленьих шкур. Заносят и другие крупные вещи.

Выходит, что жилье обустраивается, когда над ним еще нет крыши, собственно, нет и его самого? Да, но на то есть свои резоны. Когда поставят чум, то через узкий вход вещи заносить будет труднее.

Теперь ставятся два основных шеста. Их недолго поддерживают мужчины, пока женщины прислоняют к ним другие шесты. Это делается одновременно: одна ставит слева, другая такой же шест справа. Кажется, что хозяйки знают шесты как свои пальцы. Есть и опознавательные знаки: то веревка для колыбели, то ленточные перевязи, по которым дождь стекает в середине чума и не добирается до постелей. Так ставятся около 40 шестов. Каркас готов. Над нейтральной полосой протягиваются две жерди, с них свисают таганы для подвешивания котлов и чайников. Покрытие - брезентовые полотнища в форме трапеций, с «ушами» и веревками по углам. Мужчины вдевают в «уши» хореи и поднимают брезент до верхушки чума, поверх все опутывается веревками. Чум не должно снести ветром, а для этого его привязывают растяжками к тяжелым груженым нартам, накладывают понизу камни. Внутри выросшего за час нового дома натягивают пологи. Дети за это время заготовили воды и дров для первого чаепития.

Иногда люди, не видавшие чума и в глаза, говорят, что в нем тесно и грязно. Нам приходилось жить и в чумах, и в старинных избушках, и в стандартных домах, построенных при сселении в большие поселки по указанию «свыше». И мы знаем, что беспорядок встречается только там, где вырванные из привычного уклада люди еще не могут приспособиться к новым условиям. Нам знакомо это по собственному опыту. Когда мы живем в чуме, то беспорядок бывает обычно на нашем участке: то уронишь пищу на постель, потому что не привык сидеть с поджатыми ногами у столика, то перекидываешь вещи в поисках карандаша, то мешает фотоаппарат, который

в чуме негде повесить. Порядок в традиционном жилище обеспечивается уже тем, что у каждого человека и каждой вещи есть определенное место, а живущие в нем поддерживают установленные веками предписания и этикет. Но обратимся снова к чуму Сязи.

Чтобы попасть внутрь, нужно откинуть дверь - кран брезентового покрытия и быстро закрыть, не впуская холодный воздух и комаров. В ветреные дни к откидной двери привязывают внизу большой кусок березовой губки: она тянет брезент вниз, но не причиняет боли, если ударит по ногам. Прямо против входа - уже упомянутая нейтральная полоса, разделяющая чум на две половины. На ней вначале видишь дрова и за ними очаг. На дровах таз, над ними умывальник. В теплые дни он висит на улице - на палке, воткнутой в нарту. Умываться по утрам обязательно для всех, и только умывшись, можно разводить очаг. К нему у хантов особое отношение. Он - часть семьи. Угли из своего очага нельзя передавать в другой дом - иначе начнутся несчастья. Человек, взявший угли из чужого очага, считался вором. Очаг в чуме - это костер или железная печь. То и другое имеет свои преимущества. На костре быстрее готовится пища, а дым от него выкуривает комаров. С печью же теплее и не страдаешь от дыма. Очаг расположен точно под верхушкой чума. Там, где скрестились шесты, имеется отверстие, через которое проникает свет и выходит дым. Это вертикальный центр жилища, его столп. Он объединяет вокруг себя всех домочадцев и одновременно связывает землю с небом. Мало того, что это центр жилища, это еще и центр вселенной, так как с точки зрения говорящего (если он находится в чуме) стороны горизонта сходятся именно здесь. Если же говорящий находится где-либо в другом месте, то центром вселенной является он сам и его расширенная книзу меховая одежда живо напоминает жилой чум. На одежде есть узоры: горизонтальные линии - это граница нижнего и среднего миров, а вертикальные линии связывают человека с верхним миром, точнее сказать, приобщают человека к чему-то божественному, делают его бесконечным. Короче говоря, с точки зрения ханта человек в национальной одежде, чум и вселенная - это вещи одного порядка.

Возле очага находится крупная посуда - котлы, чайники, ведра с водой (рис. 6) - все это на нейтральной полосе. Ее запрещено пересекать - считается, что иначе заболит спина, а перейти с одной половины на другую можно лишь у входа. Участок в дальнем от входа конце считается священным. Раньше здесь хранили сундучок с домашними духами, а нам приходилось видеть и христианскую икону, выполняющую функции того же домашнего духа. На нее никто не молится, но, например, при забое оленя ее обносят вокруг его шеи. На священный участок не должна ступать женщина. И снаружи чума нельзя пересекать линию, продолжающую нейтральную полосу, в общем, нельзя обходить чум кругом. На этой же линии может стоять нарта со священными предметами, ее тоже нельзя обходить кругом. В чуме Сязи на священном участке ставят последнюю новинку -

транзисторный приемник, который в кочевых условиях питается от движка переносной радиостанции.

Рис. 6. Внутри чума (рис. С. Бардина).

В этом чуме на одной половине живут две семьи, на другой - семья и неженатый молодой человек. Распределение жилой площади на одной из половин таково (см. рис. 6). Общая территория - три доски вдоль нейтральной полосы, по ним ходят. Справа от досок площадь, где днем сидят либо лежат, а ночью спят. На ней постоянно натянуты два полога, изолирующие каждую семью и защищающие от холода, комаров. Ночью они опущены, днем открыты и подвязаны к шестам чума. У самого входа лежат вещи хозяйки - сумки с рукоделием, шкуры для обработки, одежда и др.

Далее к шесту привязана колыбель для самого маленького ребенка либо веревка, которая опоясывает его и не дает уползти к огню или за пределы чума в отсутствие матери. И женские вещи, и маленький ребенок находятся здесь потому, что это место хозяйки. Место хозяина - дальше от входа. У этой традиции вполне рациональная основа: женщина в домашних хлопотах часто выходит и заходит. Принято считать, что при этом она не должна переступать через ноги мужчины - иначе у него будут неудачи в промысле. За мужчиной спят подростки, а за ними помещаются, если есть, гости. Дальше всего от входа - полог неженатого.

У дальнего конца настила, т. е. в глубине чума, стоит низенький столик, рядом - сундучок с небольшим запасом повседневной пищи и посудой. В одиночку едят там, а при общей трапезе столик выдвигают на доски к очагу. Сидят за ним прямо на полу, сейчас можно встретить низенькие табуретки, стульчики, используются для сидения и жестяные банки из-под дымовых шашек.

Как поддерживается чистота? Здесь можно вспомнить лозунг, который иногда встречаешь в городах: «Чисто не там, где убирают, а где не сорят». Но уборка в чуме, конечно, бывает. Доски пола часто подметают веником-опахалом из двух скрепленных птичьих крыльев, им же раздувают огонь. Оленьи шкуры на спальных местах самоочищаются и не требуют еженедельной стирки, как постельное белье. Они придают чувство покоя и уюта, а шубы и подушки в изголовье радуют глаз своими узорами. Непривыкший человек обостренно воспринимает специфические запахи, неизбежные, например, при выделке шкур, намазанных проквашенными рыбьими внутренностями. Но ведь не менее специфичен и запах бензина на городских улицах, только он еще и вреден. В чуме хорошая вентиляция благодаря отверстию в верхушке, хотя при низком давлении бывает и дымно. Это одна из причин заболевания глаз. Для удаления неприятных запахов поджигают пихтовую ветку. В теплые дни нижний край полотнища чума приподнимают, что бы проветрить постели. Зимой приходится заботиться о том, чтобы покрытия из шкур или брезента не намокали. Утром, прежде чем развести огонь, хозяйка осматривает чум снаружи, не напал ли снег, и стряхивает его.

Но важнее порядка в вещах порядок в обществе. Чум, который мы взяли за образец, имеет площадь 30-35 м², на ней постоянно живут три семьи - 12 чел., а летом с гостями - более 20. (Вообще-то мы нарушаем хантыйский запрет считать людей.) Ни здесь, ни в других жилищах нам не приходилось быть свидетелями публичных ссор, хотя сложные взаимоотношения между людьми, как и везде, бывают. Внутренний такт, представление о недопустимости вмешательства в дела другой семьи - вот на чем держатся мир и гармония. Хозяйка одной половины чума никогда не возьмет посуду или иную вещь у другой и даже не заходит на ту половину. Только дети, и то изредка, ходят туда для игр, а основные контакты у них - на улице. Находясь в чуме, жильцы разных половин обычно обращены лицом друг к другу, но

здесь не принято излишнее любопытство, и потому не ощущаешь себя под прицелом чужих глаз. И в то же время чувствуется постоянная готовность к контакту, ответу на вопрос и к доброй шутке. Здесь обычны улыбка и смех, которые столь редко появляются на лицах тех же людей, когда они оказываются в чужой им обстановке или малознакомом обществе. Веселье, однако, допустимо только днем. После захода солнца, когда смолкает природа, нельзя шуметь и людям. В назидание рассказывали о случаях нарушения этого правила, когда в дом к людям приходили великаны-людоеды *менквы, сэвсики*.

При ограниченной площади жилища межличностные отношения частично нормализуются тем, что много времени люди проводят на улице. Дом в представлениях хантов не ограничивается рамками жилой постройки, а включает весь обжитой участок леса, тундры или берега реки. В этом отношении мировосприятие хантов эколо-гично, ведь в переводе с латинского «экология» буквально означает «учение о доме». Таким образом, наш дом везде, где мы бываем.

Рядом с постройками обычно стоит глинобитная печь, в которой готовят хлеб и летом, и зимой. В теплые зимние дни, не говоря уже о лете, на улице готовят пищу, так как ханты любят прохладу в доме. Женщины летом на свежем воздухе обрабатывают шкуры, шьют одежду, готовят пищу впрок, а зимой много времени отнимает заготовка дров. Мужчины почти все виды труда [исполняют вне жилища, а в нем только отдыхают. В по- | селках современного типа плотная застройка не оставляет простора ни для дела, ни для души. В этих условиях ограниченность жилой площади создает тесноту и скученность, что нередко приводит к обострению отношений.

На традиционных поселениях рядом с жилыми стояли хозяйственные постройки: различные навесы и подставки для хранения сетей, нарт, лыж. Промысловый инвентарь, объемная зимняя одежда, шкуры, запасы пищи хранились в амбарчиках. Для того чтобы в них не проникли грызуны, на опорных столбах делали круговую зарубку. В лесу маленькие амбарчики ставили на одном-двух высоких пнях. Эти постройки напоминают избушки на курьих ножках из русских сказок. Для входа к ним прислоняли бревно с зарубками, а затем его убирали, иначе туда могли пробраться медведь или росомаха - любители чужих припасов. Спать в амбарах было не принято, так как считалось, что в них могут жить злые духи-людоеды. У кочевых оленеводов складами служили нарты, которые прежде оставляли на маршруте каслания, а теперь - у родственников в поселках для охраны от нечистых на руку людей из числа приезжих «покорителей» Севера.

Содержание животных требовало построек и для них. Собаки летом сами рыли ямки и засовывали туда нос, спасаясь от комаров. Для защиты от дождя и снега им ставили наклонно половину долбленной лодки, строили двускатные либо конические шалашики из жердей, дощатые будки. Были специальные сооружения и для оленей - корали, избушки, навесы. Когда ханты в некоторых районах освоили разведение домашнего скота, | то стали

строить загоны и навесы для лошадей, стайки | для крупного рогатого скота, овец и свиней. При этом использовались многие традиционные конструкции и приемы строительства.

Некоторые общественные, как бы сейчас сказали, мероприятия проходили в предназначенных для этого зданиях. В них собирали гостей и воинов, устраивали свадьбы и танцы. Неподалеку строили юрту для хранителя родовых духов.

О существовании специальных построек для почитаемых хантами духов известно из самых ранних источников. Так, Гр. Новицкий сообщает: «Гусь боготворимый идол их бяше... имеет] скверное жилище в юртах Белогорских при великой рыке Обе» [48]. Прочитав слово «скверное», мы должны помнить, что оно сказано миссионером, который занимался насаждением официальной религии - христианства - и потому нетерпимо относился ко всему, связанному с народными верованиями. Постройки, предназначенные для духов и поднесенных им даров, по конструкции напоминают хозяйственные амбарчики, а нередко последние сами служили хранилищами культовых предметов. Постройки эти ставили на краю поселения или на отдаленных священных местах.

В старых письменных источниках рассказывается и о больших зданиях, в которых проводились общественные культовые церемонии. Это, собственно, жилища, но большие. В них проводились моления и жертвоприношения, медвежьи праздники. Для хранения медвежьих черепов в лесу строили небольшие срубы на столбах.

Особые постройки связаны у хантов с рождением и смертью человека. На время родов, а также в период менструации женщина переходила жить в так называемый «маленький дом». Это избушка или чум, но меньших размеров. Невысокие дощатые, реже бревенчатые постройки, тоже своего рода «маленькие дома», ставили на местах захоронений - как наземных, так и подземных. Там, где существовал обычай изготавливать изображения умерших, для них строили миниатюрные дома или просто ящики на высокой подставке.

Как велики были традиционные поселения хантов? Это мог быть и один дом, и селение *пугол*, *курт* «до ста дымов», и городок-крепость *вош*, *ват*. В фольклоре нередко рассказывается о женщине из одинокой избушки либо о герое, живущем с бабушкой и не видевшем с детства людей. Пожалуй, чаще всего селились вместе три-пять семей. Стационарные постройки обычно имели дверь со стороны реки, а переносные ставились входом к подветренной стороне. Привычной была свободная планировка, поэтому и сейчас в стандартных поселениях люди иногда прокладывают тропинки, игнорируя плановую улицу.

Так, летнее поселение Синк-уры-пугол, где мы были в 1972 г., расположено на берегу р. Аган. Место продувается ветром, и это хотя бы частично спасает от комаров. Здесь живут Айпины в двух домах: в одном родители с замужней дочерью, в другом семья сына. Первый построен из

досок с опорными столбами, второй - сруб-ный, с окном в крыше. Возле одного из домов - вешала для сетей и еще два навеса для просушки рыбы, а между ними - односкатная бревенчатая постройка с открытой передней стеной, около нее очаг для приготовления пищи. Неподалеку - подставка из жердей для деталей изготавливаемой нарты. В стороне к лесу стоят шесть амбаров - по три на каждое хозяйство.

К зиме семьи переселяются на 3 км в глубину леса, на защищенный от ветра берег урьи Синк, отходящей от Агана у летнего поселения. Здесь имеется ограда-кораль с четырьмя проходами для оленей. Около него стоят недостроенный дом, две жердяные постройки для собак, хранилище для рыбы и хлебная печь. Внутри коралья на одном конце находится жилая постройка, ради которой мы и стремились попасть сюда, потому что теперь она - большая редкость. Это полуземлянка древнейшего типа с шатровой конструкцией из бревен, коридорообразным входом и окном в крыше; она покрыта мхом и огорожена, чтобы туда не забрались олени. Другой дом, с узкими сенями, срублен из бревен, но тоже древней техникой - в пазы угловых столбов. Около него - хранилище для рыбы. Напротив каждого дома у изгороди поставлены конусом бревна - запас дров. Недалеке от этого зимнего поселения стоит остов чума, сейчас необитаемого.

Кроме того, были еще весенние и осенние поселения. Первые стремились устроить там, где есть тополь или осина, необходимые для изготовления долбленых лодок, а вторые - в тальниках, защищавших от ветра.

Что необходимо для любого поселения? Источник воды поблизости, дрова и ягель. При истощении сухостоя и ягельника люди переселялись и ставили новые избушки, в 10-15 км от прежних. Вероятно, так шло постепенное освоение необжитых пространств и в древности.

Этот процесс не всегда шел мирно. Бывало, предки хантов заходили на уже обжитую территорию или, напротив, к ним приходили чужаки, стремясь поживиться оленями, уничтожить мужчин и забрать женщин. Для спасения от врагов старались селиться в укромных местах, строили жилища с подземным выходом к реке. С давних пор предками хантов разрабатывалась и система оборонительных сооружений. Укрепленные городища найдены археологами у поселков Шеркалы, Перегребное, в других местах, но более всего - на Барсовой Горе вблизи Сургута. Самые ранние из них были весьма обширными - более 3000 м².

Лучшее описание укрепленных городков дано С.Паткановым по героическим сказаниям южных хантов [49]. В них называются конкретные места: Тяпар-вош около юрт Цингалинских на Иртыше, Емдер-вош около Ендырской протоки, Сонг-хуш-вош, вероятно, на р. Сыне и др. Обычно они располагались на высоком берегу реки, у места впадения в нее притока. С такого мыса хороший обзор на две реки, а со стороны горы он чаще всего защищен оврагом. Иногда создавали искусственный ров и вал. На валах строили деревянный частокол с воротами, а на реке - жердяные пристани для

лодок. Попасты в городок можно было только по узкой тропинке со стороны реки. Такие укрепления спасали от нападений, а при ожидании особенно сильного неприятеля люди укрывались в «медных городках». Это небольшие крепости, окруженные со всех сторон высоким палисадом и покрытые сверху медными листами. Последняя деталь, возможно, лишь гипербола, но сам факт большой прочности хантыйских городков не вызывает сомнения. Достоверно известные городки конца XVI в., как у с. Демьянского, оказали серьезное сопротивление русским казакам. В фольклоре упоминаются и ледяные крепости.

Итак, мы проследили путь от простого заслона до укрепленных городков. Он разрушает существующее представление о примитивности и однообразии хантыйских построек и селений. Да иначе и быть не могло: сложное переплетение природных и социальных факторов требовало многообразия жилищ и обустройства жизненного пространства.

В ЛЕСУ КАК ДОМА

*Пусть красная и черная пушнина войдет в твой дом.
Из героического сказания*

Если бы две тысячи лет назад коневодам степей провидец сказал, что их потомки будут жить в таежных дебрях и ходить по глубокому снегу на подбитых мехом лыжах, то коневоды подняли бы на смех такого провидца. Но судьба сложилась именно так: сейчас ханты и лес неразделимы. Стоит только посмотреть на их одежду, обувь, пищу и жилище, как снова придется повторить: ханты и лес неразделимы. Чтобы прочувствовать значение леса, давайте мысленно повторим вслед за хантом все его действия и операции, которые обеспечивали жизнь ему, семье, детям, всему обществу. Обратиться для этого можно к любому ханту, потому что за многие сотни лет были выработаны оптимальные варианты, предполагающие экономию сил и времени, но вместе с тем максимальную надежность всего, что делается руками. Во всех случаях здесь мера вещей - сам человек. Человек себя знает лучше, чем другого, поэтому для себя он все должен сделать сам - от рукояти ножа до жилища. При первом взгляде на хантыйские изделия можно поразиться: до чего все одинаково! Одинаковы лыжи, ножи, ловушки, берестяные коробки. Но - стоп! Это ошибка! Все - разное. Любой хант-охотник из тысячи ловушек найдет свою и отличит от многих других не только свои лыжи, но даже их след.

Все это потому, что предметы, сделанные человеком для себя, очеловечены. Он их сделал так, чтобы они нравились. Если вещь нравится человеку, значит, между ними имеется незримая нить, которая прочно их связывает. Хант никогда не делает заготовки для десятка топорищ, как и никогда не делал заготовок для десятка охотничьих луков. Что это будет за

нить, которая связывает тебя одновременно с десятком луков! Поэтому хант делает одно топорщице от начала до конца: выбирает дерево, срубает, сушит, строгают, опять сушит и опять строгают. Вещь готова. Теперь можно браться за другую, если она тебе нужна.

В нашей практике был такой случай. В 1969 г. проводник Кузьма Прасин подарил автору этих строк охотничий нож с ножнами. Рукоять ножа, сделанная из березового нароста, плотно входила в деревянные ножны. То и другое было сделано одним мастером - Кузьмой. Через два года судьба опять свела нас в тех же таежных ваховских дебрях. Я признался, что нож утерян во время экспедиции, а ножны остались в Томске. Кузьма срубил нарост с березового комля и принялся делать рукоять, иногда сжимая ее своей рукой, как бы подгоняя к ней, делая максимально удобной. Опытный глаз этнографа, конечно, отметил это движение. Кузьма, по его собственному признанию «вспоминал» - какими были ножны. И что же? Когда я вернулся домой и взял в руки ножны, рукоять плотно вошла в них, словно ее не сделали заново, а нашли. Именно в этом очеловечивании заключается тайна надежности и притягательности всех предметов, выполненных в традиционной манере. В этом равенстве человек - вещь кроется и секрет меткости первобытных лучников. Благодаря этому равенству мастерица, начав узор на одном конце берестяного полотнища, безошибочно заканчивает его на другом конце. Сведет оба конца в круговую стенку коробки - разрыва нет.

В традиционных культурах вещь и человек настолько слиты, что в музее даже самая богатая коллекция не воспринимается как часть общей культуры: вещи здесь мертвы - они оживают только в действии, только в руках. Западная антропология, как верно отмечает К. Ле-ви-Строс⁵⁰, отнюдь не случайно представляет из себя как бы два взаимодополняющих друг друга направления: культурную антропологию и социальную. Первая изучает утилитарную ценность вещей, а вторая - представления именно данного коллектива об этих вещах. Их объединяет стремление раскрыть секрет теплоты, притягательности, человечности традиционных вещей. Этот вопрос занимает и некоторых отечественных этнографов. Ряд интересных соображений высказал Я.В.Чеснов, который заострил внимание на процессе изготовления предметов [51].

Итак, постигнув хантыйскую теорию, двинемся ближе к практике. Для хантов промысел - столь серьезное дело, что в зимнее промысловое время они живут, как правило, в охотничьих избушках, а не на своем постоянном месте. Здесь рядом с жилищем стоит лабаз, в котором хранится все необходимое для зимней охоты. Еще в недалеком прошлом хозяин не беспокоился о том, будут ли целы и невредимы вещи. И потому ранней весной, когда в небе появится орел, охотник после последнего похода на промысел складывал все в лабаз. Неписанный закон запрещал брать чужие вещи, и он никогда не нарушался. Прожив вместе с семьей жаркий комариный период где-нибудь на излучине реки, на песчаной отмели,

охотник по первому снегу появится здесь снова. С ним будет его верный друг - собака, и оба увидят, что избушка и лабаз в целостности и сохранности. Собака для охотника - не просто помощник, а скорее равноправный партнер.

Об этом, как о само собой разумеющемся, ханты даже не говорят, а если говорят, то лишь тогда, когда их настойчиво расспрашивают.

Охотник с Малой Сосьвы П. Г. Смолин рассказал о том, как однажды на охоте он заблудился во время бурана и стал тянуть свои нарты в противоположную от избушки сторону. Однако запряженная в нарты собака решительно этому мешала и тянула в другую сторону. Старик понял, что он мог ошибиться, отпустил нарты и доверился собаке. Когда она развернула нарты и потянула их в нужном направлении, старик стал ей помогать. Так они пришли к избушке. Было интересно узнать, почему собака решила, что идти нужно домой, а не продолжать охоту. П.Г.Смолин ответил, что собака была старая и опытная, она знала, что с наступлением темноты путь обычно лежит к дому.

Бывают случаи, когда человек приходит на выручку собаке. Тот же охотник с женой в сопровождении той же собаки собирали ягоды в окрестностях пос. Полноват. Вечером собрались идти домой, но тут выяснилось, что собаки нет. Решили, что она убежала в поселок, и пошли домой. Но здесь собаки не оказалось. Старик утром занемог и попросил хозяйку сходить в лес на поиски собаки. Вскоре та привела собаку. Старик внимательно ее осмотрел и разгадал тайну ее исчезновения: мошка изъела ей все глаза. А в лесу стояли в трех местах буровые вышки. Собака, привезенная недавно с Малой Сосьвы, была незнакома со звуками буровых машин. Приняв их за звуки поселка, она пошла в сторону буровой. Поняв свою ошибку, она направилась к другой буровой, потом к третьей. Тут-то ее и отыскали.

Об отношениях охотника с собакой ярко говорит существующее у хантов правило: если собака нашла зверя, его нужно стрелять - иначе «стыдно» будет перед ней. Достоинства «остяцкой» лайки хорошо знают и русские охотники, потому что с ней удача обеспечена.

Поход к зимней избушке для охотника и собаки - не прогулка. Охотник тянет за собой ручную нарту, вернее, тянут они вдвоем с собакой. Нарты идут по лыжному следу, поэтому не делают собственную колею. Когда охотник изготавливает лыжи, то учитывает ширину нарты, и наоборот. Это правило столь безусловно, что один хант, увидев идущий американский «студебеккер», сразу же отметил, что машина хорошая, да задние колеса шире передних - новую колею режут.

Охотник никогда не должен пользоваться чужими лыжами или нартами. Лыжи должны быть по весу хозяина, а нарты - по силе. Учитывать нужно и силу собаки. Поэтому лучше, если нарты проживут столько же, сколько привыкшая к ним собака. По всей вероятности, нарте предшествовала лосиная шкура, в которую охотник увязывал весь свой скарб и тянул ее вместе с собакой за два ремня. В случае необходимости охотники

поступают так и по сей день. В нарте везут кое-что из промысловой одежды, запас продуктов, в том числе сухую истолченную рыбу, соль, боеприпасы, керосин для лампы, запасные части к ловушкам, вновь приобретенные капканы и пр. Напомним, что часть необходимых вещей хранится в лабазе или под ним. Это рыболовные морды, сети, распялки для шкурки, трава для обертывания ног вместо портянок, посуда, сыромятные ремни, веревки, нитки, берестяные коробки, топоры, ножи, шилья, проколки для бересты и пр.

Конечно, промысел успешнее, если охотник не один, а с помощниками: на охоту он будет ходить с подрастающим сыном, жена с дочерью в это время займутся приготовлением пищи, заготовкой дров, ремонтом одежды и другими неотложными делами. А дел так много, что весь охотничий сезон женщина работает, что называется, не покладая рук. Следует только удивляться, почему жена промысловика числится домохозяйкой и ей не идет рабочий стаж.

У охотника в лесу одна работа - охота. Каждый день, проделав путь в несколько десятков километров, осмотрев ловушки, подстрелив по пути несколько белок и глухаря, уставший охотник возвращается к дому, снимает лыжи и падает на нары. Просушить обувь и одежду у него уже не хватает сил, и это делает его жена. Отлежавшись некоторое время, он ест, свежует белок, натягивает на распялки их шкурки, заряжает патроны и опять ложится отдыхать. Чем древнее промысел, тем больше работы было у охотника. И не только потому, что дичи со временем становилось меньше. В последнее столетие часть ловушек заменена железными капканами, которые не требуют ремонта, а патрон дробового ружья зарядить гораздо проще, чем выстругать, а точнее, изваять стрелу и приклеить к ней оперение. Современные винтовки с патронами вообще освободили охотника от этих забот. Но вместе с удобствами появились и сложности: выстрел пугает зверя. Чтобы они не были слишком частыми по боровой дичи, которая нужна для пропитания и как привада к ловушкам, пришлось вспомнить самые древние беззвучные петли, силки и прочие способы.

Рис. 7. Орудия охоты: 1 - слопец на глухарей, 2-7 - лук и стоелы 8 - установка самострела. 9 - настороженный черкан- 10 - так изобразил охотника наш информатор (по разным источникам).

Не все современное оказалось лучше. За каждое удобство пришлось чем-то платить. Черкан, кулему да и лук-самострел можно сделать на месте, имея при себе лишь нож и топор. Но ведь это надо делать! Не так-то просто изготовить сотню черканов. Капканы и винтовку не нужно делать, но их нужно купить и доставить на место. В последние годы все это вместе с охотником стали доставлять снегоходы и даже вертолеты. Но это потребовало самой большой платы, о которой, к сожалению, и не подозревали: уменьшилось количество дичи, кое-где она исчезла вовсе - исчезли места, в которые пеший охотник не мог попасть при всем желании, а

они-то и были местами воспроизводства дичи. Техника, давшая так много удобств, сделала из сплошной тайги несколько замкнутых ареалов, внутри которых началось кровосмешение, повлекшее за собой болезни диких животных, о которых ханты не имели представлений.

Даже оленные ханты Югана, Агана, Ваха и других рек, которые весь период малого снега охотились не пешком, а едучи в нартах и которые в иной день добывали до сотни белок, были прежде ограничены в своих возможностях. Быстроногие олени несли нарты только по мелколесью или редколесью, а долины рек с густым подлеском оставались для охотника недосягаемы.

Впрочем, давайте несколько отойдем от обобщений и представим не столь отдаленные времена - март 1986 г. Юрты Кинямины на р.Малый Юган. Вас встречает старший - Спиридон Кинямин, охотник пятидесяти шести лет. Вот его рубленый с плоской крышей дом. Младший сын Юрий с женой живет в доме отца. Остальные четыре сына со своими семьями живут отдельно, каждый в своем доме-избушке. Все дома рядом. Вот и весь поселок, все здесь - Кинямины. Братья уже вернулись из своих охотничьих угодий, где были с ноября по середину марта. Теперь предстоит некоторый отдых, а затем начнется подготовка к рыболовному сезону. Едва он закончится, как начнется подготовка к новому охотничьему сезону.

Даже при самом беглом взгляде на юрты Кинямины ясно, что здесь живут охотники. Возле каждого дома торчат из сугроба меховые лыжи, в сенях лежат капканы, висят ружья и меха. Это временный рабочий беспорядок, характерный для самого конца охотничьего сезона. Охотников выдает и характер людей. Знаменитый путешественник по Дальнему Востоку и этнограф В. К. Арсеньев очень точно подметил, что молчаливость, спокойствие, задумчивость характерны для обитателей леса.

Наш хозяин Спиридон первый год на пенсии, но план сдачи пушнины все-таки его волнует: младший сын Юра, вернувшись из армии, не смог выполнить план. Отец обрабатывает своеобразным хантыйским стружком лыжи-голицы, т. е. не подбитые мехом. При этом он ворчит на русском языке, что с одной стороны проложили дорогу и за ней сделали заповедник, а с другой стороны поставили буровые. Где взять зверя?

Потом старик подумал и согласился сам с собой на то, на что много лет никак не соглашался: часть плана можно выполнить заготовкой чаги и черенков для лопат, метл. Старик возьмет это на себя: кто же виноват, что, пока сын ездил в армии на танке, разучился догонять зверя? Через день-два голицы будут готовы и старик по насту отправится в лес.

Спиридону, конечно, нет никакого дела до научной классификации лыж. Он их делает, как его учили дед и отец, а наблюдающий русский мужчина отмечает про себя, что все торчащие в сугробе лыжи относятся к одному типу. Они длинные, ровной от носка до пятки ширины, без выгиба. Только в далеком детстве старик видел лыжи другого типа - сужающиеся к концам, причем пятка была фигурной, а на носке - меховая кисточка. И еще

одна особенность - приподнятая ступа-тельная площадка высотой в ладонь (рис. 8). Попробуйте из толстого елового бревна выстрогать лыжу с таким «каблуком», а толщину самой лыжи довести до двух-трех миллиметров! А потом эти лыжи нужно при помощи специального станка прогнуть в середине, оклеить мехом выдры, оленьими или лосиными камусами. Да и клей вываривается не один день из рыбьей чешуи, лучше - из зимнего карася.

Теперь лыжи со ступательной площадкой давно уже не делают, ее заменил снеговой мешок, прибитый к самой лыже. Нога вставляется в мешок, который затягивается под коленом,- снег не скапливается под ногой. А раз так, не нужен и костяной крючок на конце лыжной палки, которым время от времени снимали налипший под пяткой комочек. Теперь и оригинальные лыжи, и палку с крючком можно увидеть разве что в музее. А когда-то такие древние лыжи были известны многим финно-угорским народам и распространены до самой Финляндии. Этот интересный элемент культуры охотничьих народов объединяет хантов и финнов.

Воспользуемся гостеприимством Спиридона и заглянем внутрь его дома. Комната, как и во всех хантыйских домах, одна: она же прихожая, спальня, кухня. Слева обеденный стол, здесь он уже не традиционный низенький, а высокий. Справа - железная печь вместо традиционного глинобитного чувала. А вот деревянные нары - традиционные, вдоль всей передней стены. Постель тоже традиционная - оленьи и лосиные шкуры. Каждый знает свое место на нарах. Здесь его постель, а над ней - место для личных вещей. На стене против спального места Спиридона висит его охотничий пояс, а рядом полка. На ней берестяная коробка с патронами, дробью, запасными рукоятками для ножей, охотничьи амулеты в виде медвежьих клыков и когтей. Часть таких амулетов подвешена к его поясу рядом с ножом и сумочкой для патронов. Днем пояс на Спиридоне, а ночью - над его головой.

Рис. 8. На старинных лыжах (с фото Б. Клопотова).

Его жена Прасковья хранит на своей полке сразу несколько коробок - больших и маленьких. В них куски тканей, бисер, бусы, сухожильные нити, куски кожи, наперстки, проколки для бересты из ребра оленя, миниатюрные игольники из сукна, отороченные мехом выдры. В них торчат разные иглы, вплоть до трехгранных, еще царского производства. Ими Прасковья дорожит больше всего, потому что ушко у них большое, а трехгранный конец, легко проткнув кожу, оставляет такое отверстие, в которое легко проходит игла вместе с ниткой.

Прасковья, в отличие от Спиридона, ни одного слова не понимает по-русски; Спиридон, хоть и с трудом, переводит.

Начинается чаепитие. Здесь тоже традиционное смешано с современным. Хлеб - собственной выпечки, но из покупной муки, а не из

самоделной черемуховой. В него добавлена оленья кровь - дань традиции - и сода. Макают хлеб не в топленое оленьё сало, а в растительное масло. Обмакивают в масло также вареную зайчатину и оленину, слегка посыпая их солью. Дикого оленя неделю назад подстрелил Юра и привез на нарте с помощью собаки. Мясо только что добытого оленя ханты любят есть сырым, обмакивая в кровь. Зимой мясо едят мороженым, а летом его вялят. На столе, кроме того, сладкие дары природы: клюква и брусничное варенье с добавлением муки вместо сахара. Чай когда-то пили только по случаю гостей, обходясь в обычное время горячей водой или мучной похлебкой.

Пока старшие пьют чай, Юра устанавливает привезенный на «Буране» новый телевизор. Входит его жена - восемнадцатилетняя Зоя. Она в национальной одежде - голубом суконном саке, или халате, украшенном бисером. Название «халат» можно понять по-разному. У хантов, как и у народов Средней Азии, это верхняя одежда и для дома, и для улицы. На ногах у Зои легкая и нарядная меховая обувь. Но почему она садится на нары против того места, где на стене висят проволочные петли на зайцев, стартер к бензопиле и коробка с нитками и игольником? Через минуту она выходит, словно о чем-то спохватившись, и возвращается, вталкивая в комнату нарты с поленьями. Складывает поленья у печи и снова удаляется. Заготовка дров у хантов - дело женское, поэтому все связанное с этим тоже является женской обязанностью, в том числе и работа бензопилой. Непривычно наблюдать за молодой женщиной, которая, управившись с тестом, начинает ремонт пилы.

Заготовка дров - хороший пример, показывающий различия в традициях разных народов. Тот, кто живет оседло и имеет постоянный дом - один на все времена года, может заготовить дрова летом недалеко от него. Для хантской семьи это неприемлемо, так как летом она иногда уезжает далеко от своего зимнего поселения. Оседлый житель летом может напилить дров и из сырых деревьев - до зимы они высохнут. А тот, кто готовит их на каждый день, может использовать только сухостой, который имеет еще одно преимущество: он легкий, подъемен для женщины. Да и рубить растущее, живое дерево люди природы позволяли себе только в неизбежных случаях, с извинениями перед деревом. Сухостой за несколько лет вырубался вблизи селения, но из этого положения у хантов был выход - переселиться на новое место. Для оседлого жителя этот путь неприемлем. Вот и смотрит лесной житель на поселкового как на губителя природы, а тот на него - как на бесхозяйственного. Взаимонепонимание может вызвать и такая «мелочь», как способ колоть дрова. У хантов это делает женщина. У нее мало сил, потому и топор легкий, и чурбан она обкалывает понемногу, с краев. Русский мужчина вначале раскалывает его надвое, а затем - на более мелкие части, для чего имеется особый вид топора - колун. И когда человек с такими привычками, попав к хантам, хочет поразмяться колкой дров, то быстро ломает топор. В результате у ханта и русского возникает одинаковое мнение друг о друге как о неумехах: один не умеет делать топор, а другой не умеет

им пользоваться. Этнограф знает это по собственному опыту - ведь он не раз брался помочь хозяйкам заготовить дрова, когда бывал у хантов.

Вот и сейчас он надел лыжи-подволоки и вслед за Зоей пошел по глубокому снегу в лес, где стояли сухостойные деревья. Две собаки тянули сзади нарты с топором и бензопилой. На пролетевшего мимо тетерева собаки только взглянули мельком и даже не взвизгнули: они не на охоте, а заняты другим делом. Бревна длиной как раз в нарту уложены, и теперь собаки тянут их к дому. Зоя остается на месте, а этнограф идет вслед за нартами. У дома он сбрасывает бревна с нарт, и собаки послушно тянут порожные нарты к Зое. Вот бы еще научить собак разгружать нарты! Но это было бы для хантов не столь смешно, как мужчина, колющий дрова. На это зрелище вышли посмотреть из всех домов. А собаки подняли неистовый лай под дружный смех своих хозяев.

Завтра этнограф будет занят истинно мужским делом: он возьмет ружье и пойдет на охоту со Спиридоном. Заодно он проверит петли, поставленные на зайцев Зоей. Вот почему над ее постелью висят заячьи петли! Этнографу приходилось ходить на охоту со многими хантами. Когда читаешь «Дерсу Узала», то остается впечатление, что герой - лишь один из немногих. Однако он, скорее всего, один из большого множества замечательных следопытов-охотников, которых можно встретить у самых разных народов Сибири.

Этнограф должен приблизиться к пониманию того, как осуществляется соединение человека с окружающим миром, так что человек не теряет с ним связь ни на одно мгновение. Для этого приходится фиксировать каждое мгновение в поведении ребенка, подростка, опытного охотника-мужчины, старухи. Однажды мы с проводником - ваховским хантом Кузьмой Прасиным - поставили чум в самых верховьях притока р.Таз. Кузьма сам оказался впервые в тех местах, куда привез меня. Он чаще, чем обычно, поглядывал по сторонам, как бы запоминая контуры лесистых холмов, нагибался и вытаскивал из-под снега ключья сухой травы, внимательно их рассматривая, зачем-то нюхал в полынье воду. Каждую секунду задействованы и испытывают нагрузку все органы чувств, только сам Кузьма спокоен: теперь он знает, что олени будут сыты, потому что под ногами ягельник, а вот нам придется ловить рыбу другим способом: здесь нет «загара» воды - она стремительным потоком бежит вниз.

Утром мы выходим на охоту, и я направляюсь по следам белки: для меня очевидно, что зверек там, куда ведут его следы. Как бы опровергая очевидное, Кузьма объяснил, что белка делает ложный след. В начале зимы была оттепель, а затем ударил мороз и в шишках образовался лед. Сейчас белка вышла на кормежку, и ей не разгрызть шишки в густом кедряке, где нет ветра. Ветер выдувает лед скорее в мелком болотистом лесу. След повернет туда, но петлять белка будет много. Нужно свернуть в сторону болота, где она и находится. Странно, но факт: следы и белка - в разных местах.

В другой раз с Иосифом Колывановым мы шли вдоль небольшого притока р.Пим, чтобы посмотреть самострел, настоженный на тропе. Он показал след особой выдры, которая ни разу не видела человека и потому нюхала, чем мы пахнем, когда вышла на наши следы. Стоит ли удивляться, что практически не бывает ситуаций, из которых ханты не нашли бы выхода.

Ловушку на зверя можно сделать на месте, причем для некоторых не требуется ни нож, ни топор. Лук - из елового дерева, тетива - из кедрового корня, на стреле вместо оперения - беличий хвост или веточка кедра. Размоченный и расщепленный кедровый корень - это леска, крючок - заостренный сучок ели. На него можно надеть небольшую рыбку или искусственную приманку и поймать щуку. Из бересты можно сделать посуду, даже сварить в ней пищу; огонь можно добыть без спичек. Ханты придумали даже, как из твердой древесины сделать мягкий обтирочный материал: настрогать из мерзлой березы тонкие, как бумага, стружки. Ими вытирали лицо и руки, перекладывали бьющуюся посуду, затыкали нос при нюхании табака, набивали вместо пыжей в патроны. Свое назначение имели и травы - на стельки и обертки для ног. Все это можно сделать в лесу, все здесь под руками.

А как ориентируются ханты? Ориентиры, оказывается, есть на деревьях, на болоте, на всем неподвижном и даже на подвижном (это ветер). Но если он меняет направление, то другие ориентиры сразу свидетельствуют об этом. Имеются они и в голове - это память, которую развивают ориентиры природные. Поэтому из множества зигзагов, кругов и полукругов охотник способен выбрать равнодействующую прямую, ведущую к дому. Ориентации помогает и родной язык. Если охотник оказался на берегу, где следов колонка или горностае больше, чем в другом месте, значит, это р. Сас-ёган, то есть Горностаева. Многие географические объекты имеют названия, которые подчеркивают их особенности. А пространственная ориентация позволяет мысленно представлять форму реки, озера. Ведь только глядя на карту, мы можем сказать, что Ягул-ях - это река, по форме напоминающая лук. А ханты дали ей название задолго до того, как увидели в продаже географические карты.

Быстро меняющийся сегодня лик земли, без сомнения, дезориентирует не только хантов, но, как мы видели, даже их верных помощников собак. Способность хантов к пространственной ориентации помогала на всех этапах освоения поистине безбрежных пространств Западной Сибири. В том числе, конечно, при открытии нефтяных и газовых кладовых. Многие ханты были проводниками в различных геологических партиях, изыскательских экспедициях. Работал одно время там и наш проводник Кузьма Прасин, еще не подозревая, чем закончится для его родной природы робкая поступь первых экспедиций и машин. Он рассказал один из случаев, когда вывел из беды людей.

- В истоках Сабуна мы пошли на охоту вечером: четыре начальника и я. Нас высадил вездеход, где были следы диких оленей. Мы разделились -

трое пошли в одну сторону, двое - в другую. Все начальники смотрели на компас. Те, которые двое, добыли оленя и пошли искать нас, но не нашли. Тогда они стали искать то место, где нас высадил вездеход, но тоже не нашли. Тогда они стали искать то место, где оставили оленя, и опять не нашли, потому что бураном занесло следы. Мы втроем к вечеру добыли оленя и принесли туда, где вышли из вездехода, но найти двоих не смогли. Как на грех, они сожгли все спички и всю ночь сидели без костра. Утром нам попались ямы, где олени выбивали снег, чтобы достать мох. Я решил, что они должны преследовать оленей, пока не вспугнут их или пока не добудут. Так я нашел то место, где стреляли оленей, но людей не было. Тогда я отрубил кусок мяса и стал искать людей, которых нашел по ремню от фотоаппарата. Видимо, аппарат, висевший на боку, зацепился на куст при спуске с горы и ремень порвался. Фотоаппарат охотник положил в рюкзак, а ремень поднимать не стал. Я понял, что они выбились из сил. Только к вечеру мы оказались все вместе и вышли навстречу вездеходу. Наверняка они бы совсем заблудились. Интересно, - закончил рассказчик, - если они идут из комнаты в кухню, то смотрят на компас или нет?

Проблеме пространственной ориентации у народов Сибири «повезло» меньше всего: ей не посвящено ни одной работы. Это тем более удивительно, что об ориентации птиц и зверей написано множество работ. Что же касается ориентации людей, то исследователи лишь отмечали в своих путевых заметках наиболее впечатляющие случаи. Их художественное описание можно встретить, в частности, у В. К. Арсеньева [53], В. В. Радлова [54] и многих других.

НА ВОДЕ КАК НА СУШЕ

*Сели мужи в глубоко сидящую лодку с водяной кормой, чтобы грести при помощи пальчатого весла, имеющего перекладину наподобие пальца...
Из героического сказания*

В том, что на воде хант чувствует себя как на суше, заключен известный парадокс, потому что в прошлом ни один хант не умел плавать. Этот парадокс, впрочем, объясняют сами ханты:

- Зимой на лыжах, летом в обласке. Когда же плавать?

Трудно описать - надо видеть, как хант в обласке лавирует между льдинами. Он то нагибается, то поднимает голову в затопленном кустарнике, то приплясывает вместе со своим утлым суденышком на волнах-бурунах, словно человек и его древнее изобретение составляют одно целое. Или вот десятилетний мальчуган обеими руками распускает сеть, а гребет веслом, держа его под мышкой правой руки; потом он разворачивает обласок и перехватывает весло под мышку левой руки - будто это не рыбная ловля, а цирковой аттракцион. Плавают же дети на обласке с семи лет. В первое

весеннее половодье мать смачивает на берегу реки макушку семилетнего мальчугана. Обряд совершен - и теперь вода не должна накрыть с головой малыша - подростка - мужчину - старца.

Но прежде чем сделать обласок *рыт (хон)* - легкое, ходкое, надежное судно, надо хорошо над ним поработать. Это делается в несколько этапов, и каждый из них одинаково ответствен. Первый этап - найти и свалить нужное дерево. Хант не ходит по лесу специально в поисках дерева - осины или тополя, он постоянно держит это в голове, будь то на рыбалке или охоте. И однажды по весеннему насту отправляется с ручными нартами к дереву, которое заметил уже давно - может быть, несколько лет назад. Оно должно быть ровным, без сучьев, со здоровой сердцевиной. После того как дерево свалено, отрубается нужный кусок, смотря по тому, на сколько человек рассчитана будущая посудина. Два размаха рук - обласок на одного человека.

Бревно доставляется на место и обрабатывается снаружи - ему придаются очертания лодки. Эта работа делается топором и специальным стружком. Первый этап пройден. Теперь не менее важный - выемка древесины изнутри. Но как сделать, чтобы стенки посудины были одинаковой толщины - иначе она не будет сохранять равновесие? Нужно просверлить луковым сверлом снаружи равномерно весь обласок и вогнать туда короткие шпеньки - толщиной в указательный палец того, кто будет плавать (рис. 9). Чтобы шпеньки были нужной длины, выстрагивается дощечка, в которой просверливаются отверстия - ровно столько, сколько шпеньков и сколько отверстий в обласке. В отверстия вгоняются палочки и обрезаются с обеих сторон. Дощечку с одной стороны натирают сажей, выбивают шпеньки и вбивают их окрашенной стороной внутрь обласка. И вот - выемка древесины изнутри. Это делается двумя теслами: одним мастер углубляется вниз, а другим - поворотным - обрабатывает борта. Стоп! - показались окрашенные шпеньки. Долбить хватит - толщина бортов соответствует длине шпеньков. Теперь надо распарить обласок, налив в него горячей воды, а затем подержав над слабым огнем. После этого разводят борта и вставляют распорки. Но это еще не все. Белый обласок виден в воде, его надо натереть смесью сажи с сосновой или пихтовой смолой.

После этого берутся за изготовление весла. Для него подходит только ель, и далеко не каждая, а кремлевая, т. е. заплывшая с южной стороны смолой. Трудно даже представить, что обрубок дерева в руках мастера за один день превратится в легкое, изящное, прочное и упругое весло. Его обязательно натирают той же самой смесью, что и обласок. И только небольшую поперечину с орнаментом - символом легкой волны - оставляют белой, за нее держатся рукой. Никогда, ни одного разу не пришлось видеть хантыйское весло, сделанное наспех. Впрочем, это касается не только весла, а любой вещи, даже если она разового пользования. Такова уж традиция - делать каждую вещь, вкладывая в нее весь коллективный и индивидуальный

опыт. Только тогда она считается готовой для использования, только тогда она будет служить долго и верно.

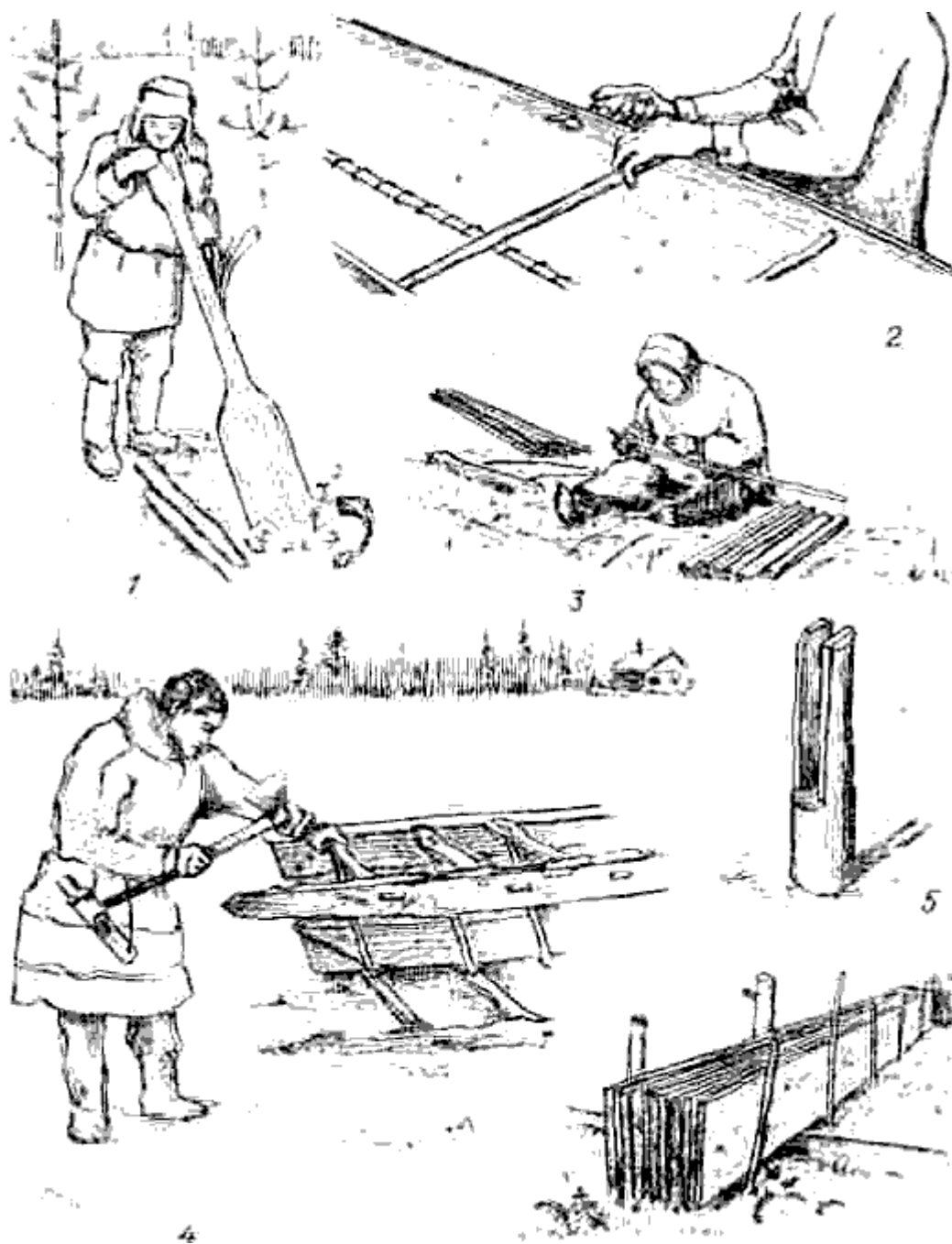

Рис. 9. Виды и орудия мужского труда: 1 - вытесывание весла, 2 - изготовление долбленки, 3 - выстругивание планок-«карандашей», 4 - очистка нарты от наледи, 5 - гибало для полоза нарты, 6 - хранение досок (с фото авторов).

Легкий обласок спущен на воду, и борта его стоят ровно. Его легонько толкнули, предварительно привязав на длинную бечеву, - он пошел прямо, не отклоняясь ни влево, ни вправо. Когда и где был сделан первый обласок, вероятно, мы никогда не узнаем. Так же как не узнаем, когда и где впервые была сделана игла для вязания сетей. Уж слишком широко распространено то

и другое, от них веет слишком большой древностью. Есть мнение, что обласки стали делать с освоением железа и вообще металла, т. е. всего около 3 тыс. лет назад. Однако их можно делать и костяными орудиями труда - тогда возраст обласков увеличивается еще больше.

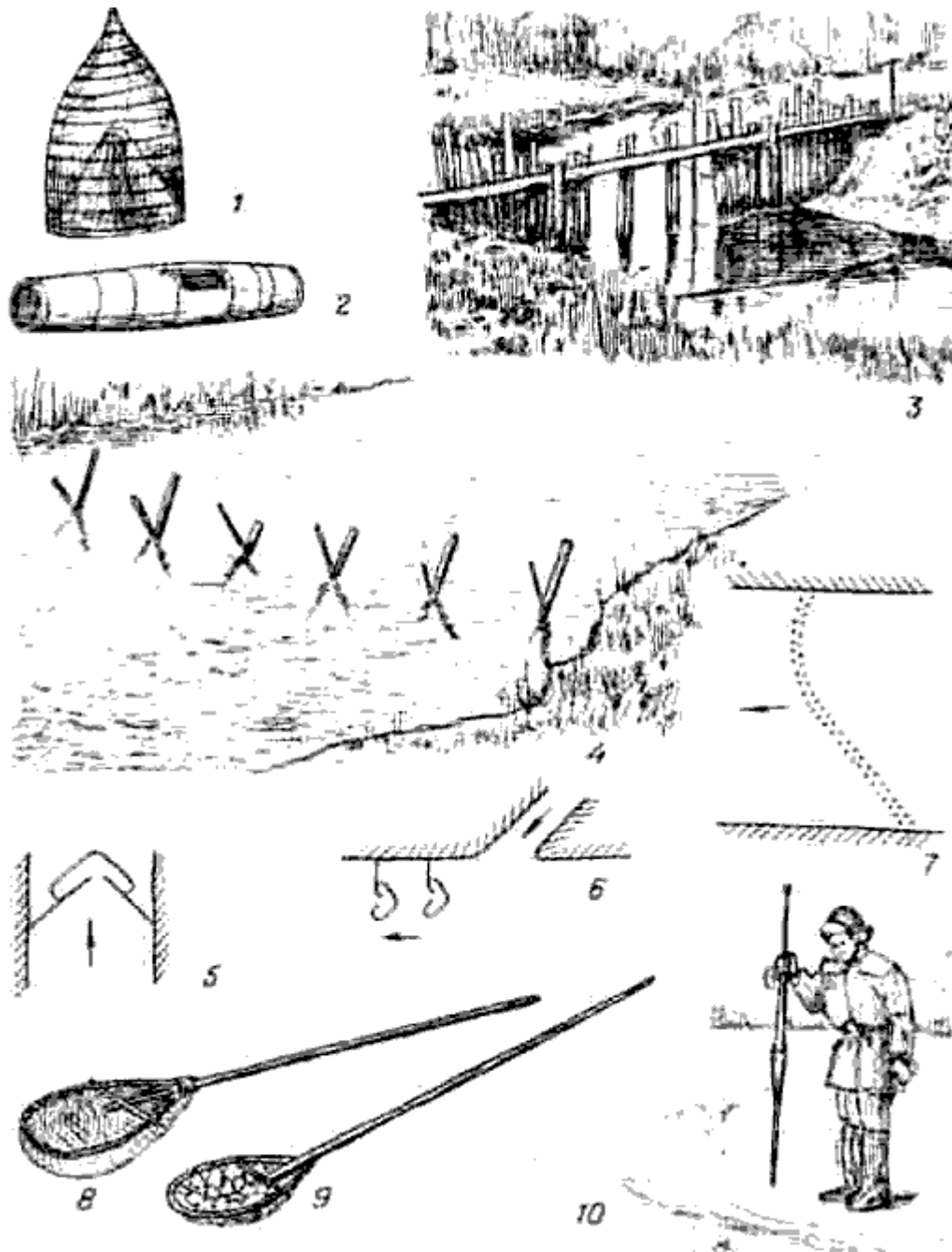
Впрочем, у северной группы хантов вместо обласков лодка-калданка, у которой выдолблено только дно, а борта - из широких досок. Гвоздей, понятно, раньше не было, и калданку сшивали кедровым корнем, просмаливая швы. Кое-где до наших дней сохранился еще один тип лодки - каюк. Это большая дощатая лодка с крытой кабиной, иначе говоря, лодка-дом. В ней жила и плавала целая семья от ледохода до ледостава. Именно на ней осваивались громадные пространства Иртышского и Обского бассейнов. Как визитная карточка глубокой древности такая лодка сохраняется сейчас на Югане.

Без лодки ханту никуда. У тюркских народов Южной Сибири имеется развитая терминология, свидетельствующая о том, что освоение степных и горных пространств происходило благодаря лошади. Самая маленькая глубина - скрыло копыто лошади, затем - лошади до колен и, наконец - скрыло лошадь. В лексиконе хантов нет развитой терминологии о глубине водоемов, и это указатель того, что они всегда на поверхности воды. А вот указателей расстояний и временных диапазонов у них немало. Здесь они предвосхитили астрономов, которые, как известно, определяют расстояния количеством световых лет, т. е. временем.

Например, расстояния между селениями ханты исчисляли днями пешего перехода, а при езде на нартах - количеством оленьих передышек. Летом, на воде, была другая система отсчета - по пескам. Пять песков - это пять поворотов реки, потому что река здесь каждый свой поворот отмечает песчаной отмелью. Такой отсчет расстояний настолько удобен, что им стали пользоваться даже в век быстроходных лодок с мотором «Вихрь». С них трудно увидеть километровые столбики, то заросшие травой, то подмытые и упавшие.

В старинных источниках хантов называют рыбаждцами. Какими же способами добывали они рыбу? Один из древних приемов - установка запоров *вар* в виде щитов, сплетенных из длинных сосновых дранок или прутьев (рис. 10). Отсюда возник термин «запорное рыболовство». В некоторых местах оно являлось основой жизнеобеспечения, и это нашло отражение даже в названиях периодов, на которые распадается хантыйский год: период малых запоров, период больших запоров. В зависимости от погоды и общего уровня воды эти периоды лишь приблизительно соответствуют июню-июлю. Пользоваться понятием «период» рыболову, конечно, удобнее, чем понятием «месяц»: ведь подъем и спад воды не обязательно приходился ежегодно на одни и те же числа календарного месяца. Далее следуют периоды линной утки, выхода рыбы из лесных соров, период щокура, замерзания малых лужиц, замерзания рек, коротких дней и т.

д. Всего периодов было 13. Каждый из них отражает характерную особенность года или хозяйственной деятельности.

Рис. 10. Орудия и способы ловли рыбы:
1, 2 - ловушки для рыбы, 3, 4 - запоры, 5-7 - схемы установки запоров, 8 - сачок для рыбы. 9 - сачок для льда, 10 - продалбливание льда на зимнем запоре (по разным источникам).

Но там, где оказывалось возможным, запорами рыбу добывали в любое время года - их либо переносили с одного места на другое, либо разворачивали в нужную сторону. Устройство запора зависело и от того, где он ставился - на озере или на берегу большой реки, от того, какая в данный

момент шла рыба, и т. д. У хантов невероятное разнообразие видов заповей - около 90. Первым ученым, кого серьезно заинтересовал этот способ, был венгр Янош Янко, который увлек своими идеями финна Сирелиуса. Добирались они к хантам порознь, но совершенно случайно встретились в Колпашеве в 1889 г.

Основное удобство заповей, привлекающее, разумеется, не рыболова-спортсмена, а человека, живущего за счет рыбы,- это их универсальность, достаточная производительность и надежность. Будучи однажды поставленным, заповей долго обеспечивает рыбой: зимой, летом, весной и осенью. Попавшая туда рыба находится в воде, и нужно лишь эпизодически ее вычерпывать - свежую, живую. Для этого применяются специальные черпаки, сплетенные из кедрового корня или черемуховых прутьев. Длина рукояти зависит от глубины водоема. Ханты считают, что ни один из современных способов ловли не обладает столь многими преимуществами. Прежде всего, он может быть «настроен» на любую по размеру рыбу. Из редко сплетенной ловушки мелкая рыба выходит невредимой. В замкнутых водоемах, где стояли заповей, рыба никогда не задыхалась зимой от недостатка кислорода, потому что, прежде чем вычерпать рыбу, нужно было раздолбить лед. Недаром ханты говорят: «Мы не столько ловим рыбу, сколько ее спасаем».

В сильный мороз морду доставали каждый день, чтобы лед не стал слишком толстым. Ежедневно требовалась и новая льдина - вместо стекла в окно. Нужно сказать, что в традиционных условиях ханты ловили рыбы ровно столько, сколько требовалось для пропитания, т. е. следовали принципу: «Что достаточно, то достаточно». Когда они были включены в государственную систему рыбартелей, совхозов и т. п., то нередко отказывались добывать во имя плана, если видели в этом ущерб для рыбы. У приезжих же руководителей складывалось мнение, что ханты ленивы.

Заповей приходилось ремонтировать, например, когда их прогрызала выдра. Длинной палкой с суконным нащупывалось отверстие, и сверху спускался узкий, в ширину отверстия, щит. Это не отнимало много времени, и заповей продолжал служить, давая возможность его хозяину ходить на охоту и заниматься прочими делами. Затраченное на ремонт время иногда компенсируется еще и тем, что попавшая внутрь заповей выдра вычерпывается вместе с рыбой.

Еще шире, чем заповей, распространены рыболовные морды *пон* - они есть практически у всех сибирских народов. Здесь трудно выделить особенности, характерные только для хантов. Морды делали и делают теперь из ровных сосновых «карандашей» длиной до 2 м. Они вставлялись в отверстия квадратной рамы и стягивались на другом конце - в хвосте морды. Этот остов переплетался в нескольких местах расщепленным и выпрямленным кедровым корнем, запас которого имелся в каждой семье и хранился в берестяных туесах. Громоздкую вещь, которую будут спускать в воду, может быть, и непривычно называть произведением искусства, но мы

считаем, что это именно так. Стоит только посмотреть на поставленные для просушки морды. Их острые концы - словно шпильки башни в сказочном городе. И впечатление не ослабевает, а усиливается по мере приближения к ним. Видно, что мастер подходил к каждой дранке индивидуально,- именно так выразил бы он свои ощущения. Нам неоднократно приходилось наблюдать, как мастер уверенным и нескорым движением пропускает дранку под лезвием ножа, прижав ее к колену. Для нас привычное, что движется нож, зажатый в правой руке, у хантов же нож неподвижен, а подвижна обрабатываемая деталь - будь то топорище, сосновая дранка, лыжная плака или что-то еще. Хантыйский нож очень острый, с односторонней заточкой: для работающего правой рукой - справа, для левши - слева. Поработав ножом несколько минут, мастер подтачивает его, поэтому точильный камень всегда при нем. Ханты говорят, что русский нож с двусторонней заточкой нельзя наточить очень быстро и работать им трудно. Острый глаз Л. Г. Шульца подметил на Салыме, что один из признаков изменения хантской культуры - появление ножей с двусторонней заточкой [55].

Работа над мордой занимает несколько дней, и, чтобы «не выходить из формы», мастер старается не переключаться на другие дела. Так же сосредоточенно хант вяжет сеть. Это занятие известно многим, но и тут есть «хантские» особенности. Прежде всего, разные по конструкции иглы-челноки: есть с язычком (мужчины) и без язычка (женщины). А вязальная дощечка - до блеска отшлифованная кость. Сеть бывает ставной и наплавной. Есть специальная сеть, которую ведут по самому дну. К одному ее концу привязан груз, увлекаемый водой вниз по течению, а к другому - длинный шнур, который держит рыболов в лодке. Самый чувствительный шнур плетется «в три» из конского волоса. Плетет такую нитку женщина. Трудно даже представить, сколько времени уходило на плетение нити длиной до сотни метров. По оценкам хантов, плели быстро - за одну зиму.

Осетров ловили крупноячеистыми сетями. Однажды А. Г. Юминой, когда она заменяла мужа, одновременно попались в сеть два осетра - на 86 и 80 кг.

- Едва-едва с ними управилась. И упустить жалко, и обласок боюсь перевернуть, - вспоминала рыбачка.

Нетрудно заметить, что в рыболовстве, как и в охоте, преобладают пассивные способы лова: в ставную сеть и забор рыба заходит сама. Рыболов лишь устаналивает их и занимается другим делом. Этих «других» дел у ханта слишком много, поэтому редко можно увидеть его держащим удище и остановившим взор на неподвижном поплавке.

Когда дело касается рыбной ловли или охоты, то ханты не разговаривают или перебрасываются словами лишь изредка: ситуация покажет, как надо действовать. Разъезжающиеся на обласках или лыжах даже не договариваются о месте и времени следующей встречи, хотя она и предполагается. Каждому ясно, где в данное время держится рыба и что ее продвижение будет зависеть от уровня воды, от погоды и ветра. Ясно и то,

что встреча должна быть там, откуда легче транспортировать добычу, а хороший или плохой ход рыбы укажет на время встречи: может быть, сегодня, а может быть, через неделю.

Не просто все это - разным людям смотреть на природу одинаковыми глазами. У хантов между собой это получается, а у нас с хантами - нет. Потому что мы из другой культуры. Когда мы планировали совместные действия, ханты одобрительно кивали в ответ на наши предложения, но, когда природа вносила свои изменения, они молча делали по-своему и всегда правильно. Много столетий они нарабатывали опыт, теперь опыт работает на них.

Активным способом добычи рыбы был лов на «дорожку». Рыболов правил обласком и держал в зубах лесу с привязанной искусственной рыбкой-блесной. Хантыйская блесна выковывалась заодно с крючком из железа. Так ловили осенью крупных щук. Нам приходилось видеть прибитую к стене охотничьей избушки щучью челюсть, на зубы которой рыбаки вешали плащи и телогрейки.

В традиционных формах рыболовства и охоты ханты успешно обходились местными материалами. Грузилом служил камень, вправленный внутрь черемухового кольца и привязанный к нему с четырех сторон. Поплавки делали из коры тополя-осоколя, растущего в поймах озер и рек. Кору, снятую с такого тополя, называли *балбера*. В годы Великой Отечественной войны при дефиците любых материалов в колхозах были так называемые балберщики, которые специализировались на обработке тополевой коры.

Пойманная рыба использовалась без остатка. Чешуя шла на приготовление универсального клея. Из внутренностей вываривали рыбий жир, а осадок использовали как средство, отпугивающее комаров. Сушеную мелкую рыбу толкли вместе с костями и получали порсу - рыбную муку, из которой можно быстро приготовить питательную похлебку.

В большом количестве заготавливали несоленую вяленую рыбу (рис. 11), пойманную весной и ранним летом, когда еще нет мух. Такую рыбу (как правило, язя) распластывали вдоль позвоночника до хвоста, выворачивали и нанизывали на горизонтальные вешала - жерди. В прошлом это был основной корм собак. Рыбу коптили над костром, а затем подсушивали на солнце на решетчатых навесах. Варили из рыбы уху. А чаще всего ели рыбу в свежем или свежемороженом виде: лучшая рыба все-таки свежая, без всякой обработки. Поэтому хант, уезжая на обласке на целый день, берет с собой только нож, кусок хлеба и капельку соли. Он будет проверять сети и складывать рыбу в обласок, а когда придет время обеда, вскроет щуку, достанет ее печень и будет есть. Однако сейчас этого лучше не делать - слишком распространенным заболеванием стал описторхоз.

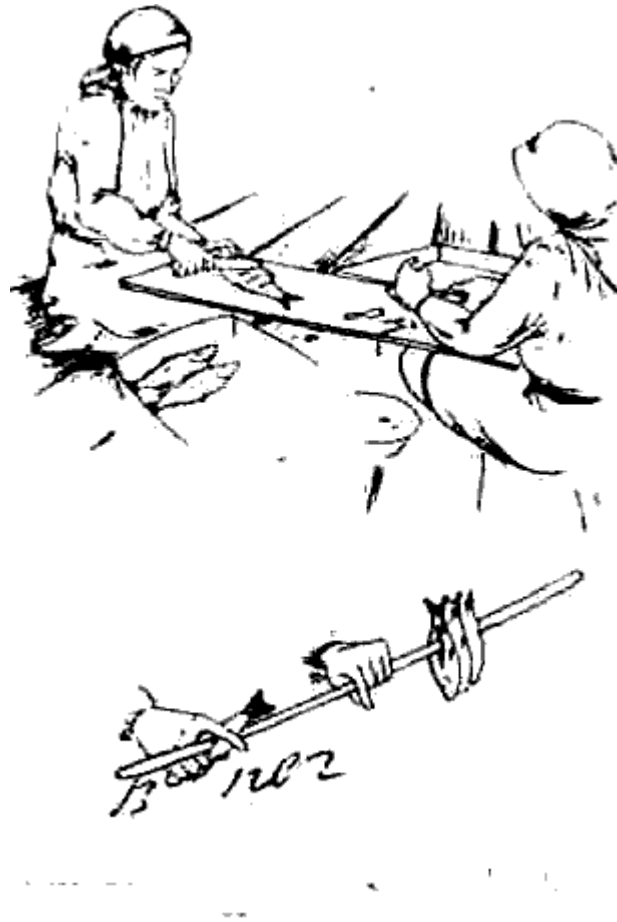

Рис. 11. Обработка рыбы. (С фото Н.Лукиной).

Этнограф неоднократно оказывается в таких условиях, когда и мечтать не приходится о городской пище. Тогда вспоминаются слова одной хозяйки чума:

- Ешь рыбу вареную или сырую, а не то, что русские делают из рыбы; ешь мясо вареное или сырое, а не то, что русские делают из мяса; не положи выпотрошенную рыбу как белье, не держи мясо в воде. Ешь сколько хочешь и когда захочешь, желудок, как сам человек, должен всегда работать.

Приходится есть без хлеба и особого удовольствия, зато потом чувствуется легкость в теле. Хантыйская пища утоляет голод, но не развивает неумный аппетит, не щекочет нос, как поджарка с луком. Да и много ли можно съесть почти несоленого мяса, мороженой или вареной рыбы? Пищу ханты не жарят в жире, не консервируют, почти не солят, а если вялят и коптят, то только про запас. Одного этнограф так и не мог понять в ходе эксперимента над собой, почему, живя с ханта-ми, он сбрасывает вес зимой быстрее, чем летом. В городе с ним бывает наоборот. Когда разгадка не отыскивается, лучше спросить у самих хантов. Все оказалось очень просто: зимой в лесу приходится пить только снеговую воду. Ханты всегда избегали соли: соль связывает суставы, отягощает кости.

Рыболовство, как и охота, требует специальных знаний. В этих традиционных видах промысла приходится часто менять тактику в

зависимости от меняющихся условий. Школа здесь - сама жизнь, которая объединяет теорию и практику. Жизнь дает хантам куда больше, чем общеобразовательная школа. «Тип мышления, - считает П. Э. Тульviste,- характерный для традиционных культур, является результатом длительного развития именно в данных условиях и поэтому лучше, чем научное мышление, соответствует тем видам деятельности, которые распространены в данной культуре» [56]. Из этого положения следует вывод, что школьные программы должны строиться с таким расчетом, чтобы учащиеся не порывали связей с традиционными видами деятельности.

НА ОЛЕНЯХ КАК НА ВЕЗДЕХОДЕ

*По обширной и ровной болотистой тундре едет кто-то на пяти запряженных оленях. Нарта его новая, сделана из чистой кремлевой лиственницы. Семисажженный хорей с копьём сделан из бивней мамонта...
Из героического сказания*

«Олени - наши друзья» - так говорят ханты. Первую специальную работу о роли этих животных в жизни народа написал в 1772 г. В. Зуев - солдатский сын, ставший академиком. «Щастлив из них тот, - пишет он,- коего бог благословил стадами оленей; такой уже почти никогда ни о чем не думает, хотя ходит также и за звероловством; однако сей труд принимает на себя от безделья, либо от великой скуки; оленей же кто стада содержит; тот у них и богатым называется, ибо никогда голоден не бывает»⁵⁷. Это суждение относится к северным хантам, но оленеводством занимались и в более южных районах. По фольклорным данным, оно было известно на широте Конда - Иртыш - Демьянка, а сейчас южная граница проходит по р. Юган. Больше всего науке известно о традиционной системе оленеводства восточных хантов.

Откуда и как появились у хантов домашние олени? В устной традиции народа это объясняется и естественным, и сверхъестественным образом. Например, кочующие по Полярному Уралу оленеводы Сязи рассказывают, что у них олени повелись от дикого олененка, прирученного прадедушкой. У дедушки было уже сто самцов-хоров, не считая самок-важенок. Есть также предание о споре между казымскими хантами и народом *ахус-ях* по поводу оленей, принадлежащих казымской женщине-духу. В конце концов стадо было поделено так, что кому достался один олень, кому - десять. По представлениям юганских хантов, домашних оленей создал или пригнал с Казыма их местный дух *Ягун-ики*.

Олень ханту жизненно необходим. Улитизация оленьих туш, как и рыбы, у них практически безотходна. Необработанные шкуры оленя - это подстилки на спальные места и нарты, а из обработанных шьется одежда и утварь. Шкура, снятая целиком с головы олененка, идет на капюшон детской

одежды, а со лба взрослого оленя - на подошвы обуви и сумки; уши - это напалечники для рукавиц. Из туловищной части шкуры выкраивается стан мужской и женской одежды. Из камусов - шкур с ног оленя или лося - шьют полотнища для подклейки лыж, а также обувь и рукавицы или же обтягивают шаманскую колотушку. Оленья «щетка» - кусочек шкуры с крепким ворсом на копыте - вшивается в подошву обуви. Обработанная оленья кожа (замша) служит для многих бытовых поделок и для обтягивания шаманского бубна. Шерсть оленя - подтирочное средство для детей. Длинный подшейный волос используется для расшивания по коже. Из сухожилий изготавливаются нити и струны для музыкальных инструментов. Олень - это целый набор пищевых продуктов, а жир, печень и содержимое желудка идут на обработку шкур. Рога и крупные кости - материал для топора и ножа, различных рукояток, наконечников стрел и хореев. Из них же делали ножевидные пластины для чистки рыбы, скребки для шкур, проколки и иглы, игольницы и крепилки для ниток, блоки к оленьим нартам и пряжки для упряжи и мужских поясов, чесалки для спины и ухочистки, пистонницы и пороховницы, губной музыкальный инструмент и многое другое.

Впрочем, все это можно получить, убив и дикого оленя. А домашний имеет еще одну важную функцию - тягловой силы, транспортного средства. Он везет нарты по глубокому снегу и по летней тундре, переходит топкие болота и горные реки. Такому вездеходу не нужны ни дороги, ни фары - его глаза видят в темноте. Его «мотору» не нужно покупать горючее, и он не заглохнет в критическую минуту, не оставит хозяина замерзать в пургу. Олень имеет огромное преимущество перед другими домашними животными, находясь круглый год на подножном корму. Летом его пища - листья, молодые побеги, трава и грибы, а зимой он разрывает снег копытами и добывает мох ягель. Это и многое другое объединяет домашнего оленя с диким, которого называют также *вели*, *вули*, но с определениями «лесной», «божий» олень. Во время гона дикие самцы заходят иногда в стадо домашних и ходят с ним некоторое время. Один из способов охоты на дикого оленя - подпустить к нему домашнего обученного манщика с арканом на рогах. Во время боя оленей рога дикого запутываются на аркане. Характеры у них разные. Одни остаются полудикими и избегают человека, другие легко приручаются и даже тянутся к людям - их привлекает возможность поесть сухую рыбу и сухари, полизать мочу - она соленая. Отбившиеся от стада животные быстро дичают, иногда их приходится приручать снова. Ханты различают диких и домашних оленей по окрасу, длине ног и форме рогов.

Среди домашних выделяется несколько основных категорий: племенной самец-хор, самка-важенка, кастрированный ездовой бык, яловая важенка и телята - новорожденный, годовалый и т. д. Размер стад сильно различался: от трех - пяти оленей на одно хозяйство в южной зоне до тысячи и более в тундре. В первом случае их содержание служило лишь подспорьем к основным занятиям - рыболовству и охоте. Летом несколько хозяев совместно выделяли пастуха, если пастбище находилось далеко от

рыболовных угодий. Он устраивал дымокуры, чтобы защитить животных от комаров и слепней. Дымокур раскладывался на земле и огораживался кольями, чтобы сгрудившиеся животные не обожглись. Строили и специальные навесы либо олени избышки, а в них дымокуры. (Поэтому в литературе можно встретить термин «избяное оленеводство».) К осени оленей отпускали в лес, а затем по первому снегу разыскивали и приводили к зимним поселениям. Здесь они паслись неподалеку, а для отлова их загоняли в кораль - изгородь вокруг поселения. Это делалось, когда нужны были олени для поездки.

В лесной зоне малооленные хозяева использовали этих животных только как транспорт, а забой на мясо был непозволительной роскошью. Иное дело в лесотундре и тундре, где олень был и основным средством пропитания. Здесь уже добыча рыбы или зверя была подсобным занятием. Содержание большого стада требовало непрерывного надзора, постоянных перекочевок на новые пастбища, да и дымокуров для большого стада нестроишь. Поэтому у северных хантов система оленеводства была иной. Их цикл перекочевок был построен таким образом, чтобы летом оказаться либо ближе к морскому берегу, либо на горных пастбищах Урала. Там много корма и на открытых пространствах меньше гнуса. В этом же направлении - с юга на север - мигрируют летом дикие олени.

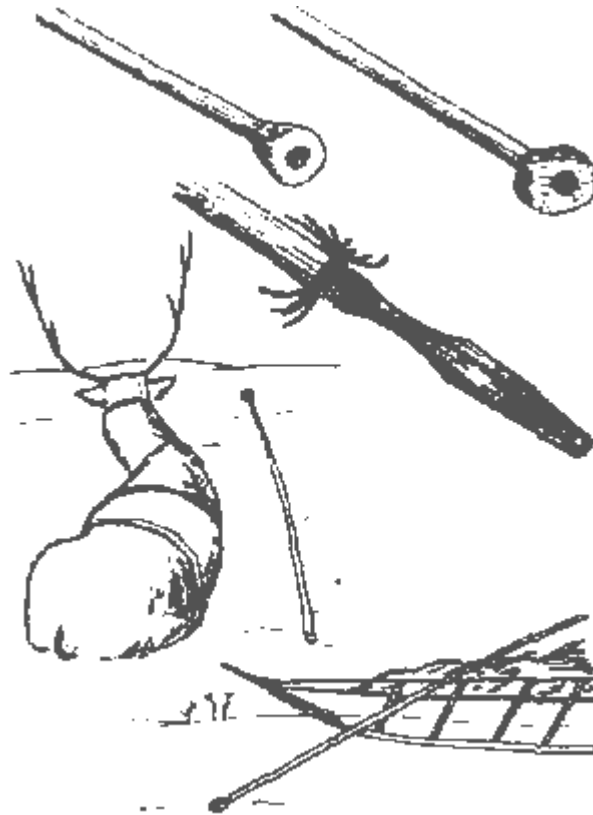
Весной, при отеле, важенок отделяли от быков в отдельное стадо, а осенью, с началом года, они воссоединялись. Оленям свойственно чувство стадности, которое заставляет их держаться вместе. Задача пастуха - не дать расколоться стаду или уйти из него отдельным особям. «Бегунам» надевали на ногу колодку или подвешивали к ошейнику тяжелую доску, длинную палку, рогульку. Необходимость оберегать оленей от волков также требует круглосуточного окарауливания. Помощником пастуха была специально обученная собака - оленегонная лайка. В лесной зоне ее функции иногда исполняла охотничья лайка. Кораль в северных районах сооружали из нарт, поставленных полукругом.

Основное орудие оленевода - «веревка, ловящая оленя», т. е. аркан. Им пользовались мужчины при отлове животных в стаде, гуляющем на свободе. Женщины подманивали хорошо прирученных животных пищей, определенными звуко сочетаниями или по кличке. К оленям, загнанным в кораль, спокойно подходили и повязывали на шею веревку, чтобы отвести к месту запряжки. Кое-где для привязывания оленей ставили специальные столбы с фигурным навершием, напоминающие коновязи. Очевидно, это след древней коневодческой культуры. О ней напоминает и одно из названий оленьего недоуздка: *няк* - такое же, как у конской узды в венгерском языке, а также устройство простейшего недоуздка - обороти из двух веревочных петель. Ее надевали на оленя, когда он сбрасывал рога, и на животное, которое вели к месту жертвоприношения.

Для запряжки оленя в нарты использовался более сложный недоуздок - из ремней и костяных пластинок. Видимо, он был изобретен очень давно:

пластины найдены на Усть-Полуйском археологическом памятнике, где жили предки хантов 2,5 тыс. лет назад. От недоуздка отходит поводок-вожжа, которым ездок управляет передовым оленем. На грудь животному надевали кожаную ляжку, а на туловище - кожаный пояс. От ляжки к нарте идет ременной тяж. Чаще всего ляжка и пояс соединены ремешками и пряжками в единую систему и надеваются на оленя вместе. Но, например, на Югане они не соединены, и этот факт очень интересен, он раскрывает историю упряжки. Очевидно, когда-то ее детали существовали отдельно, и эту традицию сохранили юганцы до наших дней.

Таковы основные детали упряжки передового оленя, который направлял ход остальных - пристяжных оленей. Они пристегивались к передовому, и их упряжь более проста. Общими усилиями олени тянули нарту с ездоком. Он садился на нарту слева и управлял оленями тоже слева, с помощью вожжи и длинного тонкого шеста - хорей. На одном его конце была насажена круглая деревянная втулка, чтобы не поранить оленя, а на другом иногда - копьё (рис. 12). Копьем пробовали прочность льда и пользовались как оружием в случае нападения волков на стадо. Левостороннее управление - признак западно-сибирского оленеводства, в Восточной Сибири оно было правосторонним. Эти особенности - такая же загадка, как лево- и правостороннее управление автомобилем в разных странах.

Рис. 12. Детали хорей и его положение при остановке оленьих упряжек (по разным источникам).

Несколько слов об оленьей нарте. Ее основные детали - полозья, ножки-копылья, соединенные перекладинами, и настил для сидения или груза (рис. 13). Все делалось из дерева, без единого гвоздя. О том, как возникла идея изготовления нарты, рассказывается в хантыйском предании. «Два ханта решили построить нарту. У них есть олени, и они где-то слышали, что на оленях надо ездить. Пошли в лес, два хвойных дерева срубили. Один ничего не обтесал, с сучками ствол оставил. Другой все снял и сделал гладко. Сделали нарту - она одного человека держит. Один поехал - только пыль столбом; у другого олени тянут-тянут и никак - сучки хода не дают. Олени оглянулись на хозяина и говорят человеческим голосом: "Ты нас послушай. Посмотри на своего товарища: у него все гладко сделано. А мы весь лес вместе с талой землей тащим за собой, у нас силы нет". С того времени стали обстругивать гладко все снизу» [58].

Рис. 13. Олени с грузовой нартой (фото Н. Лукиной).

По всей территории хантов распространен единый тип нарты, и только на Югане оленя запрягали в так называемую собачью нарту. Она хрупка, изящна, меньше весит. Юганская нарта - универсального назначения, на ней и ездят, и возят разные грузы. В более северных районах нарты различались по устройству в зависимости от назначения: одни были ездовыми, а другие грузовыми. Ездовые разделялись на мужские и женские, а грузовые имели свои особенности в зависимости от того, что на них перевозили: продукты, одежду, шесты чума или смешанный груз. Женщина возила с собой детей, поэтому ее нарта была длиннее, либо со спинкой, либо со сводчатым покрытием - это уже кибитка. Для перевозки шестов чума настила не требовалось вообще, а для продуктов и семейных святынь нарту строили в виде ящика с крышкой. Есть некоторые указания на то, что у хантов

существовала двухсторонняя нарта - «хоть с той стороны запрягай, хоть с другой». Ее видел в конце XIX в. венгерский ученый И. Папай.

Все виды нарт должны отвечать определенным требованиям. Полозья проходят не параллельно земле, а под некоторым углом - для устойчивости. Передок делали уже и ниже с расчетом, чтобы, проскочив передней частью через пень, нарта не села на него задней частью. Стяжок, соединяющий полозья впереди, лучше сделать изогнутым - так он прочнее и легче проходит над пнями. При езде летом по земле и камням полозья быстро стирались, поэтому к ним снизу прикрепляли вторые. Это лишь часть мудрости и смекалки народа, создавшего такой универсальный и безвредный для природы транспорт. Как выражаются ханты: «Где пройдет олень, там пройдет и нарта». Когда-то их предки, судя по рассказам, достигали берегов Карского моря и встречались с народом *щарас-ёх*, который запрягал оленей в лодки, а затем научился у хантов делать нарты.

На ездовой упряжке человек ехал в одиночку, с легким грузом. Если груз был велик, то составляли обоз - *аргиш*. Впереди шла ездовая упряжка, а следом привязывались грузовые. Вот пример расстановки упряжек в двух аргишах из бригады оленеводов, кочевавшей летом 1989 г. по Полярному Уралу.

Первый аргиш вел глава семьи. На его нарте *ёхат-ухаль* было мало вещей: аркан, топор, запасные ремни. Далее - упряжка с нартой *курама*, на которой везли палатку для пастухов, резиновую лодку, ящик сливочного масла и ящик с медикаментами для оленей. Далее в обозе шла *айнинг-тохаль* 'маленькая женская нарта' - подарок жене от ее брата. Ее временно используют как грузовую - под материалы, полученные оленеводами в совхозе на всю бригаду: войлок, юфть, веревки. Затем следовала *нярма-ухаль* с запасными полозьями к нартам и заготовками, из которых хозяин на стоянках строит новую нарту; поверх них - верхнее покрытие для чума. Замыкала аргиш *хув-ухаль*, на ней шесты чума и его. внутренняя крышка, ящик с продуктами на каждый день и мелкая посуда.

Второй аргиш вела жена. В ней впереди шла *нинг-тохаль* 'женская нарта' с хозяйкой и тремя детьми. Там везли запасную одежду и пищу для детей, женские инструменты, веревки и запасные ремни для упряжки, мешочек с берестой для разведения огня, чемодан с документами и деньгами. Три следующие нарты *оланг-ухаль* и *нянь-ухаль* были с продуктами и хлебом, в них же находилась повседневная одежда взрослых. Далее - *ювна*, в которой везли постель и ненужную пока зимнюю одежду. Последней шла *щопув* - нарта с досками для пола в чуме, подстилками под постель, крупной посудой, женским мешком с обувью, туалетными принадлежностями; здесь же везли сетку и шесты для кораля. Кочевать могла не только одна семья, а целое стойбище. Тогда аргишей было несколько, и они растягивались в длинную цепочку.

Проблема происхождения оленеводства и оленьего транспорта у хантов и манси очень сложна. В конце XIX в. А.Алквист обнаружил в языке

северных хантов несколько терминов, заимствованных у ненцев, и пришел к выводу, что заимствовано само оленеводство [59]. Это мнение стало кочевать из книги в книгу как непреложный факт. В его пользу истолковывалось сходство оленьей упряжи и нарт у обских угров и ненцев. Однако внешнее сходство дает основание и для обратного предположения - о заимствовании ненцами у обских угров. Для выяснения истории оленеводства нужно найти его корни и переходные варианты к тем формам, которые существуют сейчас. Мы попытались их выявить и обнаружили, что истоками многих приемов содержания оленей, оленеводческого инвентаря, нарт и упряжи были, во-первых, местная охотничья культура, во-вторых, древнее собаководство и, в-третьих, коневодство хантов. Больше всего таких «переходных мостиков» хранят юганцы. Примеры с коневодством мы уже приводили. Кроме того, выяснилось сходство коралей для домашних оленей с изгородями для охоты на их диких собратьев. В памяти народа хранятся рассказы о приручении диких оленей и потомстве от них - уже домашнем. Привязывание оленей к низким кольям, подзывание по кличкам, сходство лямки-потяга в ручной собачьей и оленьей упряжи, запрягание оленей в ручную собачью - нарту - это тоже своего рода переходные мостики. Таким образом, есть основание считать, что предки хантов принимали участие в формировании западно-сибирской оленеводческой культуры уже с давних пор. Это касается и терминологии. Лингвисты установили ненецкие заимствования главным образом в обдорском диалекте. Но более значительный по объему словарный запас, относящийся к оленеводству, был разработан в хантыйской среде.

ИНСТРУМЕНТЫ ПРОСТЫ - ИЗДЕЛИЯ СОВЕРШЕННЫ

*Обе рукавицы из кожи филина он вертит в одной руке, вертит в другой руке: как шов шился - не видно, как работа работалась - не видно...
Из героического сказания*

Что умела делать хантыйская женщина? Обработать шкуру животного - будь то олень, птица или рыба, сделать из шкуры замшу. Изготовить нитки из сухожилий, крапивы или овечьей шерсти. Из крапивных нитей соткать полотно, а из шерстяных сплести пояс либо носки. Из самодельных и покупных материалов сшить покрытие для жилища, полные комплекты одежды для всех членов семьи и различную мягкую утварь. Заготовить и обработать бересту, сшить из нее покрытие к жилищу и различную посуду. Обработать траву для стелек в обувь и сплести из нее циновки. Приготовить составы для смягчения шкур, окраски различных материалов и их склеивания. Выполнить причудливые узоры из меха, ровдуги, бересты, ткани, бисера, пуговиц, металла. Все работы выполнялись вручную, с применением простых и удобных инструментов.

О заготовке и обработке бересты тобольский краевед Гр. Дмитриев-Садовников написал в начале XX в. специальную статью [60]. Для утвари бересту заготавливали женщины, а для покрытия жилища - мужчины. Ее снимали трижды в году: весной по насту, в пору цветения шиповника и осенью, когда опадает лист. Выбирали березы, растущие в глубине леса среди высокого осинника, где они стройнее и имеют от корня высокий и гладкий ствол. Вначале ножом делали вертикальный надрез, углубляясь до луба, затем - два горизонтальных надреза по высоте снимаемой части. У надреза слегка отделяли ножом бересту от луба и отдирали руками. В свертках ее уносили домой и обрабатывали в зависимости от назначения. Для посуды, охотничьих манков, поплавков и т. п. с бересты удаляли белую пленку и разрезали на куски нужной формы. Для покрытия жилищ, лодок и на пологи нужно было сшить большие полотнища и требовалась гибкая, эластичная береста. Для этого ее проваривали в воде и даже рыбьем жиру, поставив свертки в большой котел и накрыв сверху мхом и пихтовой корой. Кипятили на костре не менее дня, и такую нагрузку выдерживали, не прогорая, лишь старинные котлы. Сшивали бересту, пользуясь проколкой из ребра молодого оленя или лося, а позднее - обычным шилом. Шов выполнялся пластинками из черемухового прута.

Берестяные изделия хантыйских мастериц вызывают восхищение разнообразием форм и украшений. Плоскодонный водонепроницаемый сосуд с низкими стенками был вместилищем для сырой рыбы, мяса, жидкостей. Для сбора низкорастущих ягод пользовались кузовками, носимыми в руке, а для высокорастущих - подвешенными на шею. Переносили ягоды, другие продукты и даже детей в большом заплечном кузове. Для сухих продуктов, хранения посуды и одежды женщина шила множество коробок - круглых, овальных, подпрямоугольных, от крошечных до размера с кадку. В Среднем Приобье стенки коробок делали не только из бересты, но и из коры пихты. В южных районах умели изготавливать туеса из целого сколотня, снятого с березового обрубка, а также коробки из берестяных пластин с зубчатыми краями. Оригинальны овальные табакерки, напоминающие солонки венгров. Из бересты же делали и сита для просеивания муки.

Применялось девять способов орнаментации этого материала: выскабливание (процарапывание), тиснение, ажурная резьба с подкладным фоном, аппликация, раскрашивание, профилировка краев, накальвание, нанесение узора штампом, сшивание различно окрашенных кусочков бересты. В узорах по бересте наиболее полно выражено все многообразие орнаментального искусства хантов: его структуры, композиции, стилистики, семантики. Здесь мы находим прямолинейное и криволинейное исполнение, симметричное и асимметричное расположение, частичную и полную орнаментацию предмета, построение по прямоугольной и косоугольной сетке, бордюры и розетки, узоры с названиями и без них.

Многообразные орнаментированные изделия были почти исключительно делом женских рук. Особенно любовно украшались

колыбели, недаром в хантыйской сказке говорится: «Мать сшила ему колыбель из бересты, украшенную ногастыми зверями, сшила ему колыбель, украшенную крылатыми зверями». Главной фигурой здесь была глухарка, охраняющая душу ребенка, пока он спит (рис. 14). Наносили и другие изображения - соболя, рога оленя, медведя, крест.

Рис. 14. Изображение глухарки (по материалам Т. Молдановой).

Художественной обработкой дерева ханты занимались меньше. Это была мужская работа. Строгими резными узорами украшали табакерки, коробочки, женские кроильные доски и выбивалки снега, ступки для табака и курительные трубки, пряслица, культовые молоты. Кроме плоскостной резьбы применялась ажурная - на крюках и цепях для подвешивания колыбелей, женских веслах и рукоятках черпаков. В сквозные прорезы на этих изделиях вставляли погремушки. В фольклоре можно встретить упоминание о «большой лодке, изукрашенной изображениями птиц, которую князь города берет с собой в день войны». Такие же узоры, как на дереве, вырезывали мужчины и на изделиях из кости, рога - на наконечниках стрел, мерках для пороха, напальниках (пластинки для защиты руки от удара тетивы при стрельбе из лука), пластинках оленьей упряжи, пряжках и подвесках мужских поясов, рукоятках скребков для обработки шкур, рукоятках берестяных ведерок, табакерках, пряслицах.

Шли в дело и травы. Тонкие пучки вейника, а в приполярной зоне и прутья связывали веревками из ивового лыка и получали циновки. Иногда сплетали полосы из травы ситника как тесьму или сухожильные нити и вплетали для узора ивовое лыко, вымоченное дочерна в болотной воде. Полосы сшивали в полотнище и по краям обшивали кожей налима, выкрашенной в красный цвет. Был и более сложный способ изготовления циновок - с помощью станка.

Об обработке рыбьих кож упоминалось еще в летописях XVII в., где сообщалось, что остяки «...одеяние и обувь имеют с рыбьих кож, с осетров, стерлядей, с налимов или сомней...» [61]. Для выделки кож использовали рыбий жир или печень, а также сухую золу. Рубахи, штаны, халаты из рыбьих кож так поражали воображение очевидцев, что они забывали

сообщить о других материалах. Наши современники, видевшие такую одежду в музеях, сравнивали ее с изделиями из искусственного материала - болоньи, но отмечали, что влагоустойчивые рыбы кожи пропускают воздух. Сейчас из них шьют иногда мешки для продуктов.

Незаменимым материалом до наших дней остается оленья шкура. На подстилки годится и необработанная шкура, но для шитья с нее нужно снять мездру и размягчить, сделать эластичной. Смягчали разными составами: осадком от вытопленных рыбьих внутренностей, содержимым желудка убитого оленя либо жиром, вываренным из потрохов, разжеванной икрой и т. д. Затем шкуру подсушивали гнилушками, разминали руками и специальным приспособлением в виде лопатки либо дуги (рис. 15).

Для придания влагоустойчивости шкуру продымливали и окрашивали смесью охры и рыбьего жира - тогда ей не страшна была и моль. Охра использовалась в Северном Приобье уже много тысяч лет тому назад [62]. Трудно сказать, применялась ли она тогда как краситель, - ведь мягкие вещи долго в земле не сохраняются, - но известно, что ею посыпали земляные нары в подземных жилищах. Другие красители для кож ханты готовили, отваривая кору лиственницы, черемухи, заболонь березы.

Когда-то в северных широтах одежду из оленьих шкур надевали прямо на тело, причем ворсом внутрь. Грубоватый трубчатый волос постоянно массирует тело, не давая человеку мерзнуть. Древнейшая одежда хантов была распашной. Сейчас ее носят только женщины, которые вообще лучше, чем мужчины, хранят старинные обычаи. Зимний *сах* - это двойная шуба, у которой подкладка всегда из меха, а верх либо из оленьей шкуры, но ворсом наружу, либо из прочной ткани - яркого сукна, вельвета и т. д. А в южных районах, где оленей немного, мастерицы терпеливо сшивали в полотнище для шубы сотни крошечных шкурок с лапок и хвостов пушных зверей - белок, зайцев, соболей. Позднее стали зашивать шубу спереди, а к шейному вырезу пришивать меховую шапку. Так родилась «глухая» малица. Но носят ее только мужчины. В дальнюю дорогу на оленьих нартах они надевают сверху еще одну глухую одежду - гусь, или кумыш.

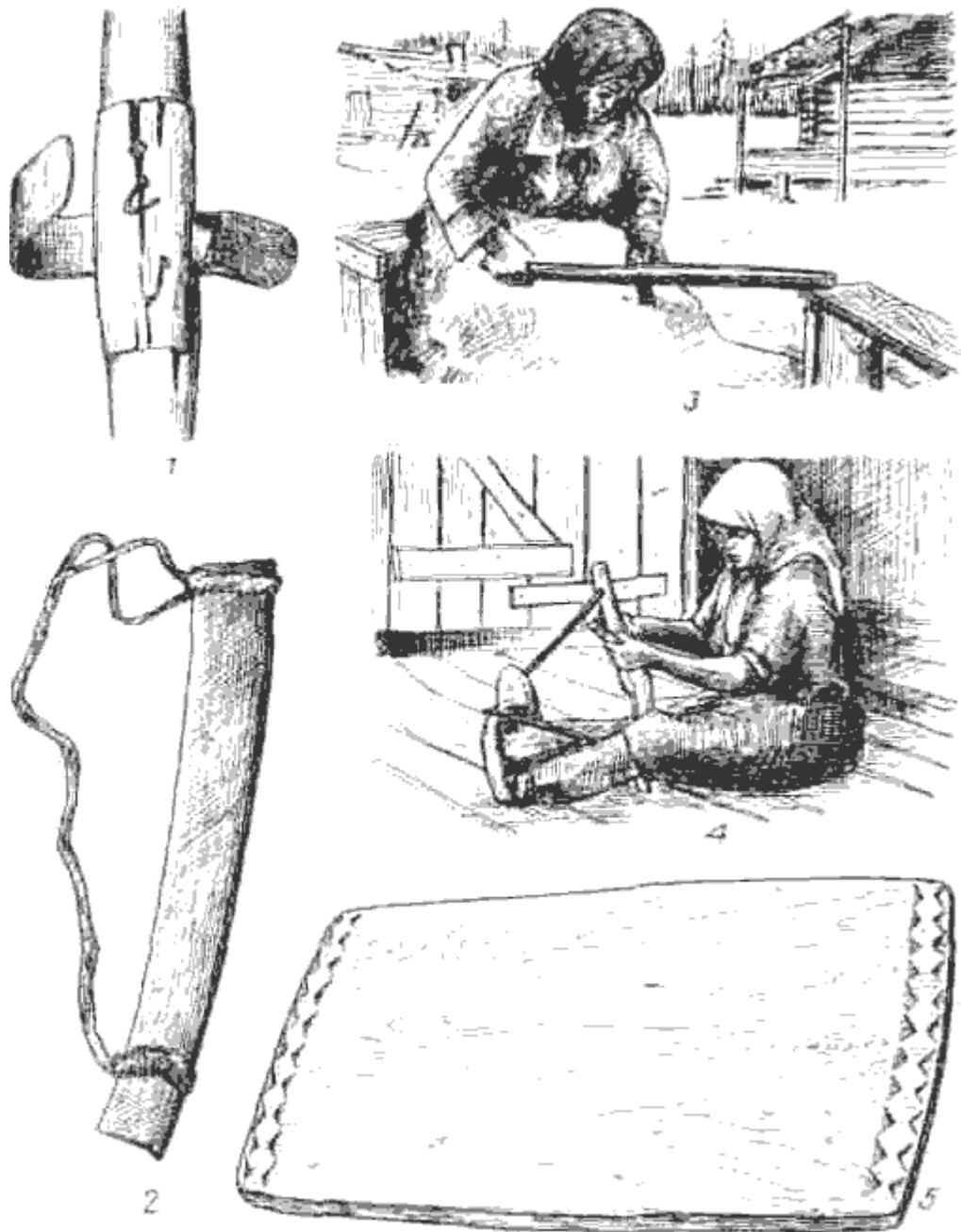

Рис. 15. Приспособления для выделки шкур и этапы обработки: 1,2 - скобели; 3 - удаление мездры, 4 - размягчение шкурки, 5 - кройльная доска (по материалам Н. Лукиной).

Мужская и женская обувь из шкур с ног оленя на взгляд непосвященного одинакова. Однако у нее есть тонкое различие: поперечные полосы спереди у мужчин находятся под коленом, а у женщин чуть выше подъема. Изношенная меховая одежда служит вторую службу, но в более теплое время года. Тогда же носят и обувь из замши - специально вымоченной или просто старой шкуры с выпавшим ворсом.

Для шитья меховой одежды применяли нити из сухожилий оленя или лося. Их вначале очищали от мяса, сушили и разделяли на волокна, которые затем ссучивали в нити. Делали это только чисто вымытыми руками, чтобы нити были белыми. Они были разной толщины - всего семь «номеров».

Самыми тонкими расшивали ровдужную обувь, а самыми толстыми шили оленью упряжь. Хранили нити на особых крепилках - подъязычной кости лося, на пластинках и фигурках животных, вырезанных из кости. Самые сложные и узорчатые крепилки делали на Васюгане.

Одно из древнейших женских искусств - мозаика из окрашенной рыбьей кожи в сочетании со светлой оленьей замшей - сейчас уже утрачено. Лучше сохранилась традиция изготовления мозаики из одной лишь замши, светлой и окрашенной, на обуви и сумочках. Для изготовления этой мозаики, а также узоров на рукавицах, в которых плясали на медвежьих праздниках, применялась еще одна техника, требующая высокого мастерства. На ровдугу наносили узор краской из смеси оленьей крови с отваром коры лиственницы либо из одного отвара и оконтуривали его жгутиком из белого подшейного волоса оленя, который обшивали сухожильной нитью.

Если кожу для выполнения орнаментов приходилось красить, то мех оленя в светлые и темные тона был окрашен самой природой. Узоры лучше всего «резать», как говорят мастерицы, из гладкого плотного меха на камусах - шкуры с ног копытных животных. А он всегда был «дефицитом», его следовало экономить. Поэтому была изобретена безотходная технология: светлый и темный камусы накладывали друг на друга и вырезали сразу две полосы с одинаковым узором. Темную полосу вшивали в светлую, прокладывая швы узкими полосками цветного сукна. Получались контрастные зеркальные орнаменты, обычно с равенством фона и узора. Они как бы бежали по нарядным женским шубам (*сах*), оттого и поется в песне: «Зверем избеганный стал узорный сах, оленем избеганный стал узорный сах».

Южные ханты умели изготавливать нитки и из заменителя конопли - крапивы. Гр. Новицкий еще в XVIII в. писал: «Жены их, не имея конопель, нужду и недостаточество свое удовлетворяют полным зелием от кропивы бо зелняя хитростные истягают нити, из коих холсты утворяють» [63]. Крапиву заготавливали осенью, вязали в пучки и подвешивали для просушки. При обработке стебли размачивали и деревянной либо костяной пластинкой снимали верхний слой, содержащий лубяные волокна. Их просушивали и разминали, затем толкли в деревянной ступе или расколачивали деревянной колотушкой на камне. Если сухожильные волокна скручивали в нити просто руками, то крапивные вначале пряли, пользуясь веретеном со съемным узорным пряслицем из дерева, рога или камня. Пучок волокон при этом привязывали к шесту или держали в берестяной коробке, а нить протягивали через крючок в бруске жилища. Напряженные нити ссучивали по две на большие веретена. Готовую пряжу отбеливали или красили и получали холст разных сортов: толстый шел на верхнюю одежду, тонкий - на белье. Ткали холст на самодельных станках. Станок имел весьма совершенную конструкцию - более сложную, чем у алтайских и среднеазиатских станков. Ткачество было утрачено хантами в начале XX в., и теперь прекрасные образцы их вышитых рубах, штанов, кафтанов, платьев из самотканого

полотна, как и ткацкий станок, можно увидеть лишь в музеях. Для окрашивания пряжи, а также тканей применяли отвары ягод, трав и корней деревьев. Из шерстяных нитей, покупных или самодельных, руками плели опояски и подвязки к обуви, а на иглах - носки.

Шили покупными металлическими иглами, но прежде пользовались самодельными из косточек ног оленя или белки, рыбьей кости. При шитье надевали на указательный палец наперсток без донышка - самодельный костяной или покупной металлический. Иглы хранили в специальных игольниках из оленьих шкур либо из сукна, хлопчатобумажных тканей. Их делали разной формы, украшали аппликацией, бисером, вышивкой, снабжали приспособлением для хранения наперстка. В сказках игольницам приписывалась волшебная сила: на них летали или переплывали моря. Наш поиск корней этого, казалось бы, малозаметного предмета привел к войлочным коврам южных народов, у которых бытовала идея ковра-самолета. Рукоделие женщина хранила в узорной берестяной коробке *йиньль* либо в сумке *тутчан*, сшитой из шкур и сукна, украшенной аппликациями и подвесками. Подвесок бывало так много, что они почти скрывали орнамент. *Тутчан* - очень дорогой для женщин предмет, он переходил от матери к дочери, либо мать шила ей новый к свадьбе. В других украшенных сумочках и мешках хранились обувь, одежда, сухие продукты и многое другое. Не зря в хантыйской сказке хозяйка говорит герою-богатырю:

«У нас, женщин, сто узлов, тысяча узлов: один узел завяжешь, другой развяжешь». Небольшие сумочки - с огнивом, патрончиками, деньгами - носили на поясе и мужчины.

Замечательное искусство вышивания по холсту цветными нитками - шерстяными, бумажными, шелковыми и гарусом - ныне, к сожалению, утрачено. Последние образцы в начале XX в. были собраны для музеев, некоторые из них попали в Венгрию. Этот вид декоративно-прикладного искусства был развит только в южных районах - на Конде, Иртыше, Демьянке, Салыме. Были известны четыре технических приема, и каждый имел особое название: косой стежок - *керем ханч*, односторонняя гладь внутри оконтуренной фигуры - *ханты ханч* (хантыйский узор), крестиком - *севем ханч*, квадратная вышивка - *руть ханч* (русский узор). Женщины не жалели времени, собственных рук и глаз, заполняя узорами почти сплошь рубаху или платье. Работа могла длиться до двух лет. Вышивали также косынки и платки, мужские штаны, рукавицы. Орнаментированные чулки и рукавицы вязали также на спицах. Шерсть была покупной, но красили ее ханты сами. В сказках можно встретить и такое описание: «Рукавицы на солнце поблескивают, верх у них вязан из чистого серебра».

Мозаичные узоры наносили не только по ровдуге и меху, но и по цветному покупному сукну. При работе с тканями, особенно бумажными, применяли еще один способ художественной обработки - аппликацию, т. е. пришивание накладной узорной полосы на какую-то часть изделия (рис. 16). Покупные ткани использовали при шитье мужских рубах, женских платьев и

халатов-сахов, подушек, покрывал для оленей - ездовых и жертвенных, сумок, рукавиц и др.

Рис. 16- Детская одежда из сукна (фото Н. Лукиной).

Если ровдуга и мех направляют фантазию мастериц на поиск новых линий и фигур, то ткани дают еще одну возможность - выразить более полноцветовосприятие мира. В первом случае узор состоит только из темной и светлой частей, т. е. он диахромен. В тканях узор может быть не только черно-белым, а, например, черно-желтым, что уже является расширением цветового спектра. Ткани дают возможность сочетать несколько цветов, делать узор полихромным. Интересно, что некоторыми цветовыми сочетаниями достигается еще больший эффект контрастности, чем в черно-белом варианте. Например, на сине-красное изображение одного из божеств - небесного всадника *Урта* - даже трудно смотреть, оно слепит глаза. И мастерицы знали, что делали, - ведь, по их представлениям, на солнце смотреть можно, а на *Урта* нельзя. По нашим наблюдениям последних лет, чем дальше на север, тем больше игры красок в хантыйских изделиях из сукна. Пытаешься осмыслить, почему возникают те или иные цветовые сочетания, и какое-то объяснение находишь в природе. Поразишься фиолетово-голубому спектру в женской одежде, а потом видишь его в кустике осенней голубики с фиолетовыми листочками.

Полихромность шла на смену диахроменности благодаря еще одному привозному материалу - разноцветному бисеру. Ханты знали две техники изготовления бисерных украшений: ажурную сетку и нашивание бисера на ткань либо кожу. Так украшали женские халаты, платья, воротники, пояса, обувь и подвязки к ней, рукавицы, головные уборы, сумочки и кисеты. Из

бисера создавали нагрудные украшения. В конце XIX в. бисер как будто стал выходить из моды, а сейчас снова переживает расцвет. Больше всего ханты ценили непрозрачный фарфоровый бисер. Сейчас он редок. При нехватке покупного бисера ему находят заменитель: разрезают на мелкие кусочки проволочную изоляцию. Некоторые предметы постепенно перестали украшать, зато появляются бисерные кошельки, браслеты. На одежде полосы нанизанного бисера вытесняют старинные оловянные отливки, которые когда-то изготавливали сами женщины.

Одно из наиболее сильных впечатлений, которое выносили все, кто соприкоснулся с настоящей жизнью хантов,- это их декоративно-прикладное искусство. Уже издавна народ находил высокохудожественные формы для выражения своего поэтического восприятия мира.

Устная традиция хантов относит появление орнаментального искусства еще к тем мифическим временам, когда на свете появилась первая девочка *Мось*. Она родилась от медведицы в берлоге, а как подросла, то сделала «такую берестяную коробочку, что просто чудо!». Когда пришли охотники, она выбросила коробочку из берлоги, чтобы дать знать: здесь есть человек. Нам видится в этом эпизоде выражение идеи о том, что человека отличает от животного рукотворное искусство. Не случайно, видимо, и упоминание о бересте - именно на этом материале выполнены древнейшие (более 4 тыс. лет назад) известные науке узоры с территории Приуралья и Западной Сибири.

Истари сложилось так, что в отдельных районах хантской территории одни виды декоративно-прикладного искусства развивались больше, а другие меньше. Так же обстоит дело и сейчас. В Сургутском и Нижневартовском районах сильнее увлекаются орнаментацией бересты, в Березовском, Ханты-Мансийском, Белоярском и Октябрьском - аппликацией по ткани, а в Шурышкарском и Приуральском - мозаикой по меху.

Что побуждало древних мастеров украшать бытовые вещи - одно лишь эстетическое чувство или стремление передать в закодированной форме какую-то информацию? Искусствовед С. В. Иванов подчеркивал первый фактор, этнограф-полевик В. Н. Чернецов - второй. Уже давно известно, что орнаменты несут не только эстетическую нагрузку. О мастерице с р. Вах, заполняющей свободными, безмотивными узорами стенки берестяной коробки, нам сказали: «Когда рисует - она рассказывает». Содержательны и сюжетные рисунки. Они подразделяются в зависимости от назначения на следующие группы: картинное письмо; родовые и семейные знаки; изображения на бытовых изделиях из бересты, сукна, меха и ровдуги; татуировка; изображения религиозного содержания на культовых предметах. Первые два вида работ выполняли мужчины, два следующих - женщины, а последний - те и другие.

Пиктограммы, или картинное письмо, вырезывали на затесах деревьев. Так, после удачной охоты на медведя в середине затеса вырезали большой крест, символизирующий взрослого медведя, под ним маленькие крестики -

медвежата, а вверху поперечные зарубки - охотники. Эти знаки настолько условны, что расшифровать их может только знающий человек. Более понятны сюжетные рисунки, найденные, например, на Казыме,- со сценами охоты, рыболовства, элементами пейзажа. Ловушки и лодки там узнаваемы, налицо попытка придать движение фигурам людей и животных. Информация о числе и содержании песен и сцен на медвежьем празднике кодировалась в виде зарубок и сценок, вырезанных на специальных посохах или палицах.

Секреты хантыйской татуировки утрачены раньше, чем были разгаданы наукой. Впрочем, женская татуировка для мужчин была тайной -и тогда, когда она еще бытовала. Наносили татуировку шучьей челюстью, а позднее иглой и натирали сажей. При ревматизме и ломоте в суставах делали надрезы и рубцы. Мужчины чаще наносили тамгу - знак принадлежности к роду или семье, а женщины - фигурку парящей птицы. Казымские ханты изображали на плече также птицу, полагая при этом, что она помогает человеку после его смерти проходить через океан в стране мертвых.

В сюжетных рисунках предметы и существа изображались либо реалистично, либо с разной степенью стилизации. Очевидно, хантыйские орнаменты и формировались в направлении все большей стилизации реалистических изображений, до превращения их в геометрические фигуры. Она была сопряжена со стремлением подчеркнуть форму предмета или его наиболее значимые части, отчего изображение обрастало дополнительными элементами. Такого рода отделка применялась при изготовлении как бытовых, так и культовых предметов. Например, медведя изображали почти одинаково на табакерке и рукавице для плясок в честь медведя. Как усложнялось это изображение, показано на рис. 17.

Рис. 17. Изображение медведя (по материалам Т. Молдановой).

Сюжетные рисунки и изобразительные включения в орнамент, о которых шла речь выше, почти всегда криволинейны. И если путь их развития более или менее ясен, то история прямолинейно-геометрических узоров еще во многом загадочна. Из недавней статьи Т. А. Молдановой-Видиновой мы знаем, что к простым, основополагающим узорам ханты р.Казым относят и треугольник *нав*, и прямоугольник, поставленный углом

на треугольник, - *аси вой ухпошах* 'голова небесного зверя' [64]. С формальной точки зрения второй узор мог возникнуть из сочетания треугольников, но таким ли путем шли древние мастера? В ходе длительного исторического развития шло усложнение одних и упрощение других узоров, а также и заимствование «из чужих земель». Это наглядно видно на рис. 18. В последние годы мастерицы разных районов перенимают опыт друг у друга на семинарах, которые организуются для них в разных автономных округах.

Кроме плоскостных, у хантов были распространены и объемные художественные произведения - скульптура и пластика. Бытовое назначение имели деревянные изображения подсадных уток и гусей, детские игрушки - кони и олени, в том числе оригинальные изделия из щепы. Скульптурки зверей и птиц входили и в комплекты игр для взрослых - *тось-червой* и *топис*. Последняя напоминала шахматы, где один из партнеров изображал охотника, а другой - зверя, на которого собирается идти охотник: если выигрывает, то убьет зверя. В набор для *топис* входили костяные фигурки птиц, лосей и оленей, фигурные пластинки.

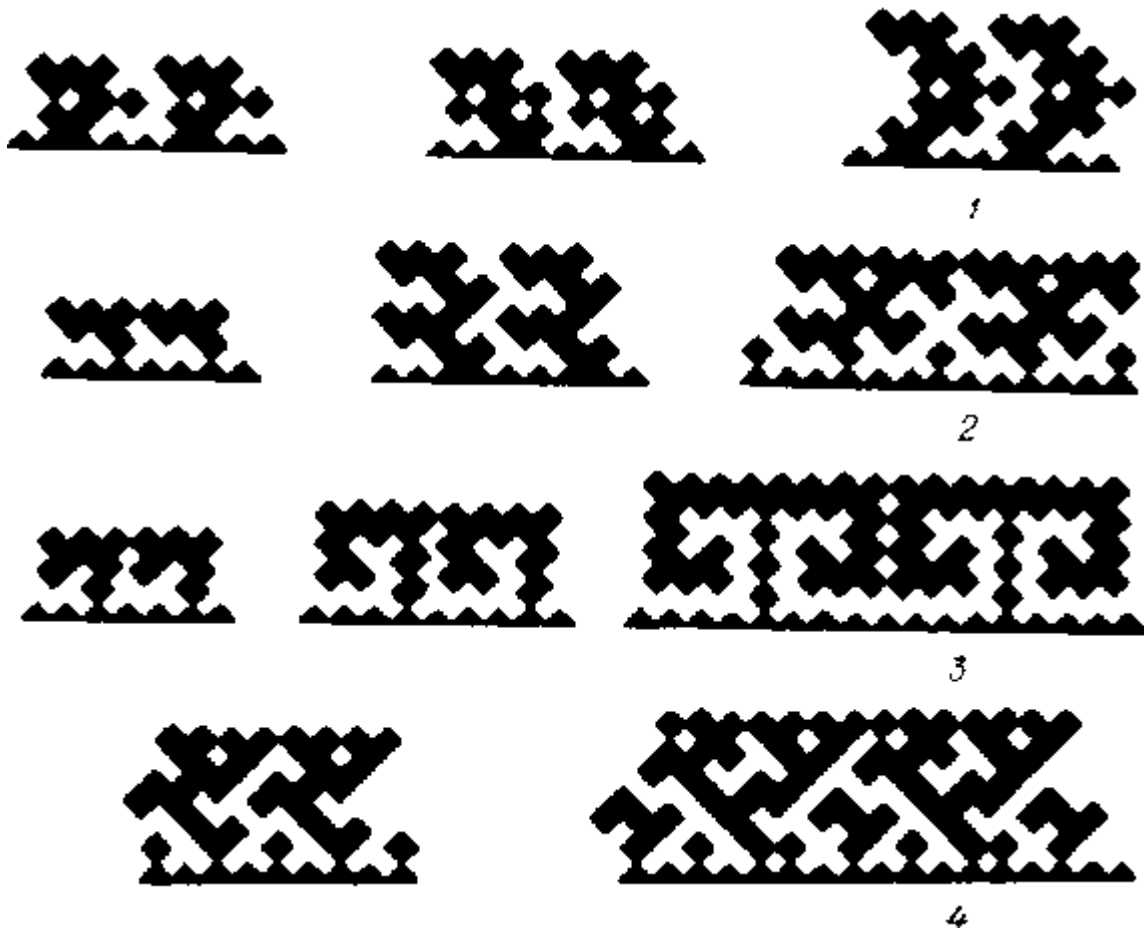

Рис. 18. Хантыйские узоры: 1 - «шея утки», 2 - «березовая ветвь», 3 - «челюсть лошади», 4 - «рога оленя» (по материалам Т.Молдановой).

В последние десятилетия у хантов получила распространение деревянная скульптура малых форм, имеющая декоративное назначение. В изделиях Г.Хартаганова, например, сочетаются скульптура и орнаментация.

Много интересных и ценных работ написано об изобразительном искусстве хантов, но только сейчас его стали изучать представители самого народа, быть может, им-то и удастся разгадать тайну хантыйских узоров и фигур. Одновременно начата разработка орнаментов с использованием электронно-вычислительных машин. Жизнь покажет, совпадут ли взгляды исследователей, смотрящих на одно и то же явление с разных сторон: одни извне, другие изнутри, а третьи через экран компьютера.

КАКИМ БОГАМ ПОКЛОНЯЛИСЬ ХАНТЫ

*Долетаю до седьмого неба.
 Семь солнц светят, семь месяцев светят,
 серебро течет как река...
 Юрта золотая стоит. Из юрты старый старик,
 как снег белый старик Торум смотрит.
 Из шаманской песни*

Один из основателей мировой этнографической науки американский ученый Льюис Морган писал: «Религия в столь широкой мере связана с воображением и эмоциональной природой человека... с неопределенными предметами знаний, что все древние религии оказываются странными и до известной степени непонятными» [65]. Эти слова были произнесены во второй половине XIX в., когда многие естественные науки делали большие успехи. Как бы вторил Л. Моргану К. ф. Карьялайнен: «У современных остяков мир духов очень богат, настолько богат, что, наверно, никогда никому не удастся выявить число и имена всех этих духов» [66]. Проблемами религии северных народов занимались русские, финские, венгерские ученые. Не прекращается исследовательская работа и в настоящее время.

Основная сложность, с которой встречаются исследователи, связана с необходимостью определить, сменялись ли верования, или одни дополняли другие. Какие верования являются общими для всех коренных народов Сибири, а какие можно считать только хантыйскими? Как происходила и происходит замена различных верований современным материалистическим мировоззрением?

При исследовании подобных вопросов недостаточно одних лишь этнографических сведений, полученных от представителей разных поколений. Как давно возник и стал распространяться тот или иной обычай, можно установить по археологическим данным. Варианты толкования обычая дают мифы, предания и сказки - смотря по тому, какую древность они отражают. Первым из угроведов, кто применил комплексный метод, в

частности для исследования представлений о душе, был советский ученый В.Н.Чернецов.

Когда работы В. Н. Чернецова были дополнены исследованиями других ученых, выяснилось, что представления о невидимых душах и духах - хозяевах предметов - в воззрениях хантов не являются первоначальными, а следовательно, единственными. Этим представлениям предшествует еще более древний пласт верований, который в специальной литературе называется фетишистским. Суть его заключается в том, что сами предметы на какой-то стадии развития общественного сознания наделялись сверхъестественными свойствами. Живыми и способными оказывать влияние на человека (помогать или, наоборот, вредить) считались предметы, похожие на какого-либо зверя, рыбу, птицу, человека и т. д. В далекие времена возник обычай подбирать и бережно хранить такие предметы-амулеты, и не только подбирать, но и делать самим. Идолопоклонство, которое сквозь многие тысячелетия донесло до наших дней обычай грубо вытесывать человеческие фигуры, обязано своим происхождением именно этим представлениям. Неизвестно, когда, как и где зародился подобный обычай: он широко распространен у всех народов мира. Особенность хантыйской культуры состоит в том, что этот пласт верований относительно слабо деформирован более поздним - анимистическим.

Анимизм основан на признании духов и душ. В культуре же хантов сохранился тот древний пласт верований, который не связан с представлениями о духах. Следовательно, когда-то давно помощниками предков хантов в их нелегкой охотничьей жизни были не духи, а сами животные или фигурки этих животных.

К тому же далекому периоду относят тотемистические представления, предполагающие веру в родство той или иной группы кровных родственников (рода) с каким-либо животным. Возникает запрет убивать и есть это животное, формируются различные варианты его почитания или даже культ. В различных местах проживания хантов фиксировались отдельные формы почитания и запрет употреблять в пищу некоторых зверей и рыб. Н.Харузин, В.Н.Чернецов, З.П.Соколова считают, что это и есть указание на существование в прошлом тотемизма. Другие ученые, как, например, К.Ф.Карьялайнен, полагают, что причин почитания может быть много и вовсе не обязательно их связывать с верой в прямое родство человека и зверя. Медведя в прошлом почитали повсеместно, приписывая ему способность охранять членов семьи от болезней, разрешать возникшие между людьми споры, подгонять лося к самострелу охотника. В прошлом каждая хантыйская семья имела медвежий череп, и сейчас, когда молодежь с недоверием и скепсисом стала относиться к древним святыням, наверно, на чердаке каждого дома можно найти медвежий череп, заботливо упрятанный кем-то из стариков. Исследователи, побывавшие у хантов в начале нашего века, видели своими глазами, как медведь «выступает» в роли судьи и поборника справедливости. Обвиняемый в краже держал в руках медвежью

лапу или стоял перед черепом и говорил: «Если я взял зверя из чужой ловушки то ты, лесной старик, разорви меня вот этими когтями».

Лесным человеком медведя называли не случайно. В отношении к этому зверю сочетались два противоположных взгляда: с одной стороны, он зверь, объект охоты, источник пищи, а с другой - бывший человек, родственник, родоначальник. Это даже сверхчеловек, потому что когда-то он был младшим сыном бога *Торума*, но последний за непослушание спустил его с небес на землю. По наказу бога-отца медведь вмешивается в людские судьбы, наказывая виновных и освобождая от наказания безвинных.

Отношения между людьми, добывшими медведя, и самим медведем раскрываются на так называемом медвежьем празднике. Его назначение исследователи усматривают в стремлении помирить медведя (его душу) с убившими его охотниками. В обрядах праздника он тоже выступает в двух упомянутых ипостасях: как зверь - источник пищи (туловище без шкуры) и как родственник человека, его предок, возвышенное существо (в этом качестве выступает шкура с неотделенными головой и лапами). Церемонии в течение всего праздника были направлены в адрес родственника-предка.

Представления о медведе схожи у всех групп угров, исследователи предполагают их общую основу. Если учесть, что распад угорской общности, т. е. начало обско-угорского времени, относится к рубежу II и I тыс. до н. э., то нетрудно представить, сколько исторических эпох отражает медвежий праздник. Здесь прослеживается древний автохтонный сибирский пласт, проявляющийся в запрете убивать предка. В костюмах танцоров на медвежьем празднике и в кукольном театре выявляются формы, хорошо известные по иранскому миру. В драматических сценках праздника обнаруживается сходство со знаменитой итальянской комедией дель арте. Таким образом, медвежий праздник дает богатейшие возможности для реконструкции истории народа. О ходе праздника мы расскажем ниже.

Почти везде почитался лось. Это был символ достатка, благополучия. На Васюгане зафиксировано поверье о неожиданно появляющейся из земли белокаменной фигурке лося. Считалось, что она может появиться не перед всеми, а только перед тем, кого ожидает удачная охота. Здесь же, на Васюгане, в форме головы лося оформлялись священные деревянные молоты для забивания кольев запора. В прошлом широко распространен был праздник по случаю добычи первого лося весной (сейчас о нем могут рассказать лишь немногие старики). Было запрещено раскалывать лосиные кости, подсаливать мясо, резать его железным ножом - это говорит о древности подобных обычаев. Как и медведь, лось приравнивался к человеку, о них нельзя было говорить плохо. Лося называли не собственным именем, а прибегали к описательным формулировкам типа «вещь с длинными ногами».

Большим почитанием пользовалась лягушка, которую называли «между кочек живущая женщина». Ей приписывали способность дарить семейное счастье, определять количество детей, облегчать роды и даже играть заметную роль при выборе брачного партнера. По рассказам

васюганских хантов, молодой мужчина якобы мог «присушить» понравившуюся ему женщину, пришив косточку лягушки к рукаву своей одежды и при первом удобном случае как бы нечаянно прикоснувшись к женщине. Изображение лягушки, вышитое бисером на платке, держали перед рожавшей женщиной для того, чтобы обеспечить новорожденному крепкое здоровье и долгую жизнь. У хантов существовал запрет отлавливать лягушек и использовать их в качестве насадки; в некоторых местах запрещалось есть щуку или налима, если в них находили остатки лягушки.

Сходные представления отмечены у соседей хантов - нарымских селькупов, которые еще в начале XX в. на наличниках своих домов делали изображение лягушки «от нечистой силы». Имеется предположение о связи образа лягушки с солярным культом. Ее стилизованные изображения в виде антропоморфной фигурки с лучами на голове известны у хантов и селькупов. Группа подобных изображений, называемых "старик-лягушка" и "старуха-лягушка", хранится в Музее антропологии и этнографии РАН.

Общеизвестна связь златорогого оленя с солярным культом. Интересно, что на Дальнем Востоке, у нанайцев и ульчей, было поверье о том, что счастье приносят золотые рога, имеющиеся у отдельных видов лягушек. Нанайское слово *кутуэ* 'лягушка' по-эвенкийски значит 'счастье, удача', а в представлениях многих народов Сибири счастье, здоровье, благополучие непосредственно связаны с солнцем. Образ лягушки представляет интерес и в плане выявления двухкомпонентности культуры обских угров. В их преданиях есть сюжет о борьбе пришельцев, имеющих железную кожу, с местными духами. Предводитель пришельцев устрашал духов: «Я растопчу вашу жалкую лягушку!»

Медведь, лось и лягушка почитались повсеместно. Кроме того, зафиксировано особое отношение к некоторым животным или птицам со стороны представителей отдельных семей. Например, на Сыне только Еприны не могли убивать журавля, только Куртамовы не могли добывать горностаю. Были также запреты и ограничения, которые охватывали группу, значительно большую, чем сам род, несколько родов, но не охватывали народ в целом. На Казыме священными считались летучая мышь, пескарь, кошка; на Васюгане, Агане и Пиме - бобер. С каждым из запретных животных люди связывали свою жизнь, благополучие.

Но не только с животными люди связывали свою судьбу, а и с предками. Современный обычай чтить память умерших уходит корнями в глубочайшую древность. На заре истории людям было чуждо представление о полной смерти и смерть понималась как переход из одного состояния в другое, из одного мира в другой. Поэтому люди полагали, что ушедшие в другой мир небезучастны к судьбе оставшихся и если по отношению к ним проявлять заботу, то такую же заботу проявят и они к своим потомкам. Некоторые религиоведы предлагают даже считать культ предков самостоятельной формой верований.

Предки хантов искали поддержку и у деревьев. Пару растущих рядом больших деревьев называли дедушкой и бабушкой; кроме того, дерево мыслилось как лестница, которая связывала земной, подземный и небесный миры. Так, недалеко от дёр. Вежакары находится лиственница, утыканная ножами и увешанная тряпочками с табаком. То и другое предназначено для давно умерших братьев-кузнецов. Дедушками и бабушками называли не только деревья, но и отдельные мысы - как на Васюгане мыс *Пяй-ими* 'Старушка', вдающийся в озеро Тух-эмтор. Проповедники христианства удивлялись, когда узнали, что ханты такой мыс почитают больше, чем Иисуса Христа.

Много тысячелетий насчитывает почитание огня, особенно домашнего очага. У хантов есть сказка: «Муж с женой пошли в тайгу, остановились на ночлег, развели костер, переночевали. Утром мужчине случайно на руку огонек от костра упал, обжег руку. Мужчина рассердился и стал топором рубить костер. Жена сказала, что нельзя этого делать. Пошли дальше. Вечером остановились для ночлега и не могли костер разжечь. У них девочка была. Огонек маленький разгорелся и сказал, что его изранили и теперь нужно отдать ему девочку - больно ей не будет. Они в огонь девочку поставили, она засмеялась и куда-то потерялась».

У многих народов Сибири огонь представлялся женщиной в красном халате, которая требовала определенных правил обращения с ней. Считалось, что огонь предсказывает ближайшие события, разговаривая треском, писком. Были даже особые специалисты, которые могли с ним общаться. Место очага в жилище было специально огорожено, и внутри границы находился таинственный мир *най* (очажного огня), тогда как просто огонь - горящую палку, горящий лес - ханты называли *ту гут*. В огонь, по поверьям хантов, нельзя бросать мусор или плевать, нельзя трогать железными предметами - все это оскорбляет его или причиняет боль. За непочтительное отношение к себе огонь может наказать пожаром. Для задабривания ему приносили жертвы: брызгали жиром или вином, лили немного крови, бросали кусочки пищи или красные платки. Устраивались и целые церемонии с заклинанием жертвенного животного, общим угощением (рис. 19). Матери всех огней *Чорас-найанки* на Югане приносили в жертву оленя белой масти. Ей шили громадный красный халат, который сжигали на костре, обращаясь к богине: «Сделай нас всех счастливыми, сделай так, чтобы не болели дети».

За огнем признавалась способность защитить и очистить. Считалось, что он не даст войти в дом злым духам, снимет «нечистоту» с оскверненных предметов. По всей вероятности, огонь для предков хантов был одним из первых богов: не случайно в приведенной сказке имеется указание на человеческое жертвоприношение.

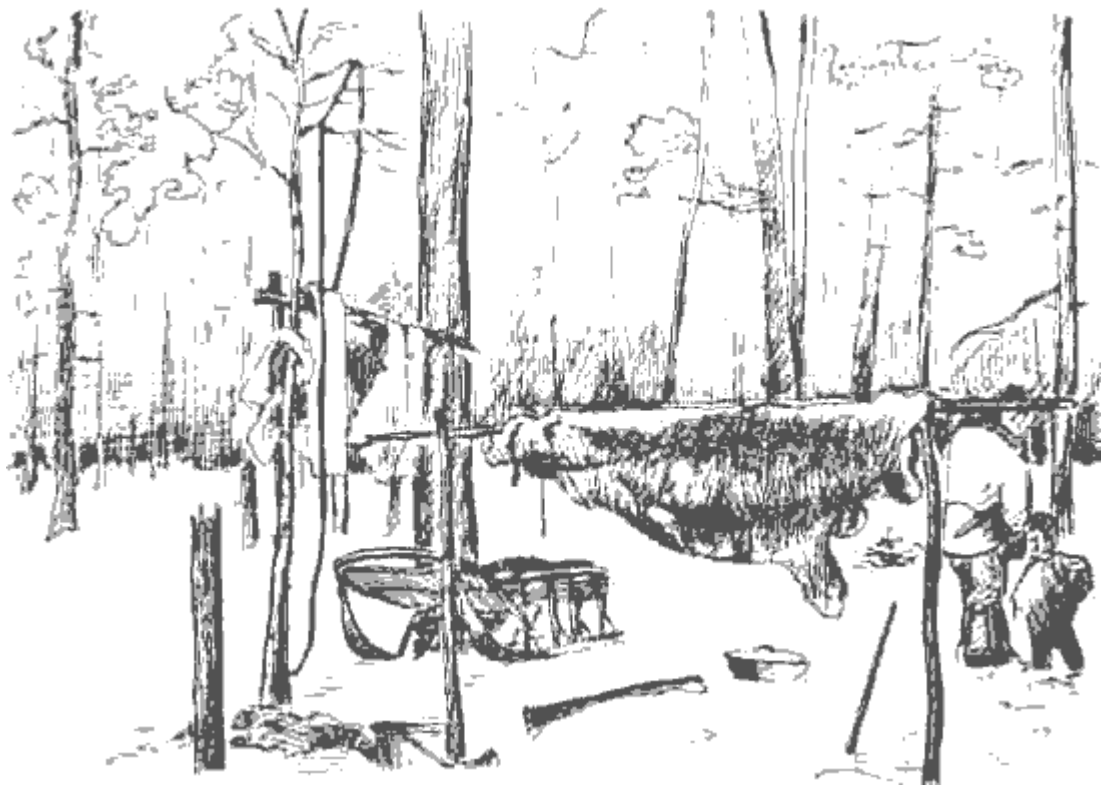

Рис. 19. На жертвоприношении Матери огня (с фото Н. Лукиной).

Богами были и фантастические человекоподобные существа. Из них наиболее известен «хозяин рыб» - Обской старик, высеченный из дерева, у которого нос был «аки труба жестяны, очеса стекляны...». Его изображение стояло у впадения Иртыша в Обь и «притягивало» рыбу носом, как хоботом. У иртышских хантов была известна своей неограниченной властью богиня *Санге*, которая пребывала в стороне восходящего солнца и вообще ассоциировалась со светом. (У восточных хантов на нее похожа *Анки-Пугос*, а у северных - *Кал-тась*.) Считалось, что с лучом солнца она посылает душу новорожденного, и только благодаря ей происходит зачатие. Это есть первая, самая главная, хотя и невидимая мать каждого человека, которая предсказывает ему жизнь в тот момент, когда младенец сощурится, впервые увидев солнце. Она отмеряет продолжительность жизни каждому человеку, ее золотой посох весь увешан нитями с узелками. Расстояние от узелка до посоха - это и есть длина жизненного пути. У хантов был известен способ благодарить *Анки-Пугос* светлой лошадью. Такую лошадь, посвященную богине, даритель просто содержал до ее естественной смерти, никак не используя.

Вполне возможно, что этот образ является не слишком древним, т. е. не местным сибирским, а привнесен из более южных районов уграми-скотоводами. Вероятно, так же обстоит дело с представлениями северных хантов о *Мув-керты-ху* 'За миром наблюдающем человеке', который объезжает землю на белом коне и наблюдает за жизнью народа, а нуждающимся оказывает помощь. Для того, чтобы эта помощь была

существенной и своевременной, каждая семья хранила небольшое изображение всадника из светлого дерева - березы. А чтобы максимально приблизить изображение к «оригиналу», каждую ногу коня ставили в серебряную тарелочку - он ведь не может ступить на грешную землю. Тарелочки, как и сам образ, явно не сибирского происхождения, но, так как ими очень дорожили, здесь они благополучно просуществовали не одну сотню лет. Финский ученый Э. Геккель и В. Н. Чернецов считают, что уже в I тыс. до н. э. охотники и рыболовы Приобья ощутили влияние культур индоиранского мира [67].

Вопрос о том, почему фигурка всадника должна быть обязательно из березы, не так прост. По традиционным представлениям хантов, как и некоторых других народов, белый цвет символизирует благополучие, здоровье, изобилие. Не случайно к числу сакральных относились имеющие чисто белый цвет горностай, лебедь, береза и др. В связи с этим береза, береста, с одной стороны, осмыслялись как повседневные вещи и были лишены сакрализации (полозья нарт, дрова и т. д.), а с другой стороны, требовали ее. На березу, например, подвешивали подарок для небесного бога или божества Санге, означающего свет, белизну. Береста играла заметную роль в шаманских представлениях. Берестяное полотнище подстилали под гроб и им же накрывали гроб с телом умершего. Считалось, что за берестяной перегородкой находится какой-то другой мир, что она навсегда отделяет ушедшего (возможного носителя болезни или смерти) и тем самым спасает живых.

По некоторым сведениям, из березы делали и посох свата. Кстати, в свадебном обряде шорцев родственники строят для молодых временное жилище из тонких березок, у которых оставлены лишь самые верхушки кроны, и покрывают их берестой. Молодожены остаются здесь три дня, а затем переходят в свой настоящий дом. Березки от свадебного жилища уносят в лес и там прислоняют к дереву.

Символике белого цвета противостоит цвет черный, и не случайно с ним связывают хозяина подземного мира - в отличие от седого небесного *Тору*. Черный цвет традиционно означал болезнь, голод, смерть. Можно предполагать тождественность символов: белый - свой, а черный - чужой. Красный цвет, как правило, амбивалентен, т. е. совмещает символизацию белого и черного. Вероятно, по этой причине цвет охры есть символ перехода из одного состояния в другое, чаще - символ возрождения. Таким образом, цветовая символика оказывается связанной с большим кругом сюжетов.

Казым-ими - хозяйка р.Казым - многие столетия считалась покровительницей хантов этого района, но весть о ее могуществе давным-давно вышла за его пределы, и ей стали жертвовать дорогие украшения, меха и золото ханты соседних рек. Где-то в глухом месте стоял священный амбарчик с приношениями *Казым-ими*, но ни одному исследователю не удалось взглянуть ни на нее самое, ни на ее имущество. По некоторым

предположениям, се когда-то называли Золотой Бабой. Правда, старые ханты говорили, что *Казым-ими* вовсе не золотая, а, как и фигурки других духов, изготовлена из дерева, название же свое получила потому, что сильно почиталась. Верховного бога *Торума* тоже называют «Золотой Свет».

На каждой реке в каждой группе хантов было свое священное место, где, по древним представлениям, обитал хозяин этой местности. Более или менее одинаковыми выглядели амбарчики - жилища хозяев-идолов. Изображения же хозяев, их одежда и подносимые подарки несли на себе печать индивидуальности, хотя в ритуале и аксессуарах было и много общего. Полагали, что они, как и люди, в общем-то любят блестящие металлические украшения, бусы, бисер, дорогие меха, стрелы, наконечники, трубку с табаком. Мифическому богатырю *Урту*, который, согласно героическим сказаниям, отстоял хантов в борьбе с ненцами, жертвовали кроме стрел шапку и пояс из лисьего меха. Еще и поныне в некоторых местах у хранителей традиций можно увидеть на чердаке старинные сундуки, большие и малые, окованные узкими полосками железа, в которых хранятся этикие диковинные предметы. Даже неискушенному человеку ясно, что сундуки эти русского производства.

Когда-то изображения *Урта* со всеми приношениями хранились в берестяных кузовах, подобных тем, с какими ходили по ягоды. И находились они не на чердаке, а в жилище, причем на самом почетном месте. Но это было в те времена, когда никто в хантской семье ни на минуту не мог усомниться в том, могут ли оказать действенную помощь *Урт* или *Анки-Пугос*.

Такие мифические фигуры можно назвать божествами, потому что это были существа высшего ранга. Они были стражами не только местного, но и мирового порядка, их можно было только просить, но наказать их человек был бессилён.

Рис. 20. Фигурки духов (с фото А. Андрианова).

С существами более низкого ранга, которых почему-то на русском языке называют духами, отношения строились на принципе взаимной услуги, по формуле: «Дай, и тебе будет дано». Это существа в виде человекоподобных фигур разного уровня и назначения: личные, семейные, родовые и более крупных социальных подразделений. Семейного, или домашнего, духа чаще всего символизировала деревянная фигурка в форме человека либо сверток из тряпок с бляхой на месте лица (рис. 20). Возможно, это были изображения основателей родов или каких-то других объединений, возможно, их следует связывать с культом предков. Хранил идолов и заботился о них мужчина - глава семьи, но были известны и «бабьи идолы». Домашние духи различались по своим силам и способностям. Нередко добычливость какого-нибудь человека объяснялась способностями его домашнего духа, который приобретал славу, и к нему начинали обращаться из других семей. Так семейный дух приобретал статус общественного. Хозяин угощал своего духа, просил у него благополучия семье, удачи в промысле. Более 200 лет тому назад один из первых исследователей культуры хантов молодой студент Василий Зуев писал: «Все в чуму, не выключая баб и девок, имеют одного или несколько деревянных болванов, которых по обыкновению своему ежедневно тешат» [68]. «Тешат»- это и есть проявление заботы о живом деревянном существе, потому что сколько заботы будет проявлено о нем, столько же заботы будет проявлено им о тебе.

Более сильными и могущественными по сравнению с домашними духами считались общественные. Каждое социальное объединение имело своего сверхъестественного покровителя. Их изображения помещали там, где они, по предположению хантов, обитали: в густых рощах, охотничьих угодах, устьях рек или глубоком омуте. А.М.Кастрен отметил в своем путевом дневнике: «Ехавши в Обдорск, сразу попал в общество остяцких богов, стоявших под густой сенью лиственниц» [69]. Во время экспедиций и нам приходилось неоднократно видеть фигуры различных по значимости духов-хозяев. Одни из них были упрятаны в таких местах, что путь к ним отыскивали только опытные охотники, другие стояли в амбарчиках рядом с домами. Ясно одно: семейный дух должен быть в семье, родовой - в деревне. Но где может обитать хозяин местности? На Вахе нам объяснили, что раньше были особые люди - сновидцы-гадатели, которые во сне видели духов, обитающих в том или ином месте. Вот эта территория и объявлялась священной, здесь устанавливали фигуру хозяина, сюда приносили подарки.

Духами-хозяевами мест наделялись примечательные участки окружающей природы: берега больших озер, пещеры, возвышенности, острова среди болот. Духи эти имели видимый образ - будь то красивое дерево, диковинный камень, поставленный человеком столб либо вырезанная из дерева антропоморфная фигурка. К ним обращались за помощью по конкретному поводу либо приносили жертву «на всякий случай», и поодиночке, и коллективно. Жертвоприношение с молением происходило на священных местах - там, где «жил» дух - природный или рукотворный.

Существовало деление на мужские и женские священные места, но были и общие. Нужно отметить, что коллективные святыни не были закрыты и для поклонения представителей других народов. Однако последние нередко грабили и разоряли святилища, поэтому ханты стали скрывать их местонахождение.

За последние 400 лет было три исторических момента особого социального напряжения на этой почве: в начале XVIII в. при насаждении христианства, в 1930-х гг. в ходе атеистической кампании и в 1970-1980-х гг. в процессе индустриального развития Западной Сибири.

Проводя политику христианизации, Петр I специальным указом предписывал уничтожать общественные культовые места. Этот сокрушительный удар пришелся главным образом по южным хантам. И хотя при этом как будто не затрагивались ни семейно-брачные отношения, ни материальная сфера жизнедеятельности, ни экономические отношения, связи внутри большого социального организма были нарушены, и он стал ослабевать, теряя способность к отражению духовной экспансии. Это яркий пример того, насколько прочна связь между бытием и верованиями, стоящими на страже этого бытия.

Деформация культуры, связанная с преобразованиями в советский период, охватила практически все сферы жизни традиционного общества. Они базировались, как известно, на представлениях о первичности материального и вторичности духовного. Таким образом, удар оказался нанесен по давно устоявшимся формам собственности и чувству собственности. Кроме того, атеистическая пропаганда была направлена на отказ от традиционных духовных ценностей, самого мировоззрения народа. Ханты продолжали проводить общественные обряды втайне. Легче оказалось соблюдать традиционные верования в сфере поклонения личным духам, хранящимся в семье.

Отношения с личным духом всегда строились проще. Его можно было даже наказать побоями, если он плохо помогал в делах. Сложнее было с семейным, родовым духом, а еще сложнее - с хозяином всей реки, т. е. всех хантов, проживающих в ее бассейне. Ведь в случае беды трудно понять, кто и в чем провинился, а коли так, то вины духа, скорее всего, нет. А раз вины духа нет - виноват кто-то из людей. Осенью 1980 г. пожилые ханты с р. Юган устроили было кровавое жертвоприношение такому духу. Пожертвован был баран, привезенный издалека. Но перед самым заклинанием он отвязался и жертвоприношение оказалось неудачным. Причину этого видели в том, что кто-то из присутствующих при езде в лодке накануне сделал разворот на реке не в ту сторону. Иногда причину отыскивали в отдаленном прошлом, например старик мог вспомнить, что в молодости он прошел однажды мимо духа и не уделил ему должного внимания.

Оказать внимание духу можно тремя путями: потить его самому, передать подарок через кого-либо и, наконец, обратиться к нему с просьбой, находясь далеко от изображения. Последний способ стал практиковаться

сравнительно недавно, потому что он связан со способностью духа быть вездесущим, т. е. со способностью души покинуть тело. Вероятно, археолог М.Ф.Косарев прав, когда считает, что представления об отделении души от тела формируются у сибирских народов в конце новокаменного века [70]. Следовательно, им не более 4-5 тыс. лет. Но есть и другая точка зрения. Венгерский ученый И.Диенеш полагает, что даже на самой ранней стадии своего развития люди видели в предмете и материальную часть, и заключенную в ней свободную «душу» [71]. Такие представления, по его мнению, являются фундаментальными окаменелостями человеческой мысли. А это значит, что представлениям о самостоятельных душах многие сотни тысячелетий.

Сейчас сложно судить, кто прав, но ясно одно: обычай делать изображения духов-хозяев очень древний, независимо от того, наделяли предки хантов своих идолов свободной душой или не наделяли. Деревянная фигура, очень похожая на современную хантыйскую, была найдена при раскопках на севере ФРГ. Немецкий археолог А. Руст отнес ее к переходному этапу между древним и новым каменным веком, его поддержала В.И.Мошинская [72]. Бесспорно также, что представления о блуждающих душах у хантов стали распространяться, когда началось их массовое крещение в XVIII в. Кроме того, христианизация, проведенная в довольно короткий срок, с 1714 по 1720 г., способствовала оформлению и превращению в центральную фигуру малоизвестного ранее *Нуми-Торума*. Из существа, обитающего на небе и меняющего времена года, а также определяющего погоду, он превратился за два с лишним столетия в абсолютное божество, которому, как считают ханты, подчиняются все: люди, животные, духи. Под влиянием христианства он стал стражем мирового порядка. Когда один из исследователей - И.И.Огрызко - изучил в 1930-х гг. документы Тобольской консистории, он обратил внимание на то, что ханты накануне христианизации были далеки от признания единого бога [73]. То же самое отмечали пленные иностранцы, попавшие в Сибирь в XVII в. Один из них писал: «Остяки до крещения поклонялись воздуху, небу и богу, но все эти три понятия обозначались одинаково *Тором*» [74].

Несмотря на все старания миссионеров, христианские догматы не были усвоены хантами так, как хотелось бы деятелям русской церкви. Охотники и рыбаки считали древних идолов и шаманов куда более надежными помощниками, чем Иисус Христос или Богородица. А учение о блаженстве одних умерших в раю и вечном мучении других в аду и вовсе никак не вязалось с привычными представлениями о том, что живые на земле и мертвые под землей одинаково занимаются охотой и рыбной ловлей. В.Н.Татищев, наблюдавший быт новокрещеных, не случайно писал в начале XVIII в.: «Митрополит Филофей Лещинский не более сделал, как их перекупал, да белые рубашки надел, и оное крещение почитал» [75].

И все-таки за два с лишним века, прошедших с начала христианизации, традиционные воззрения затейливо переплелись с некоторыми элементами

христианства. Например, к христианским иконам ханты стали относиться так же, как к духам воды и леса: им приносили жертвы в виде кусков ткани и украшений. Бог *Торум* ассоциировался со святым Николаем. Ханты так его и называли: *Микола-Торум*. Считали, что по небу он ходит на подбитых лыжах (по Млечному Пути), следит за миропорядком, наказывает за нарушение древних норм поведения. Возвращаясь с добычей, *Микола-Торум* сам распределяет ее поровну между членами своего рода. Хантыйская богиня *Анки-Пугос* стала восприниматься как Богородица. А Богородица, в свою очередь, оказалась наделенной функцией ясновидения. Это произошло потому, что в хантыйской среде были уважаемы женщины, которые по сновидениям предсказывали будущее.

В первые десятилетия после установления Советской власти у хантов, как и у других народов Сибири, традиционные формы верований были распространены еще довольно широко. Именно поэтому стало возможным собрать и ввести в научный оборот богатый материал по данному разделу культуры. Однако на протяжении последующих десятилетий происходят существенные изменения, связанные с разрушением традиционного религиозного мировоззрения. Особенно интенсивно этот процесс происходил с 1950-х гг., и начался он с исчезновения практики общественных жертвоприношений. «Шайтанские» избушки еще сохраняются, и иногда возле них устраиваются индивидуальные жертвоприношения. Некоторые культовые вещи перекочевали из священных амбарчиков в музеи.

В измененном виде сохраняются обряды, сопутствующие промысловой деятельности, причем относящиеся к ним верования забываются. Так, медвежий праздник приурочивается теперь к отстрелу зверя по лицензии. Лосиный праздник, в отличие от медвежьего не имевший развлекательной части, в последние десятилетия исчез совсем. День оленевода, приуроченный в некоторых местах ко Дню Советской Армии, включает в себя столь много традиционных элементов, что ханты советуют начать знакомство с их культурой именно с посещения этого праздника. Объявляемые охотуправлением периодические запреты на отстрел того или иного вида животных местное население соблюдает, но не связывает с предписаниями религиозного характера.

В настоящее время традиционные ритуалы отправляют в основном только лица самого старшего возраста. Лучше всего сохранились обряды погребального комплекса и все то, что связано со здоровьем и личным благополучием. Отсутствие общественных культовых мест для пожилых людей компенсируется наличием индивидуальных. И далеко не все среди хантов встали на позиции атеизма по той причине, что он полностью разрушает привычную для них систему взглядов. Одновременно идет поиск компромиссов, которые поддерживают контакт прошлого с настоящим и сохраняют психологическую устойчивость индивида. Например, молодой охотник с р. Пим рассказывал, что раньше люди были неграмотные и верили, будто мамонт, который живет под водой, может проглотить целый пароход.

Сам охотник в это не верил, но допускал, что мамонт может перевернуть лодку. Действительно, не только у этого человека, но и у других очень устойчивы представления о живущем в воде чудовище-мамонте, рога-бивни которого находят по сей день в береговых отложениях. Однако, религиозными эти представления можно назвать лишь с большой натяжкой, и параллели им легко найти в современном так называемом «цивилизованном» мире.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО СОСТОЯНИЯ

*Пришла весна, земля начала обновляться,
и душа женщины Мось заползла в землю.
Там, где она заползла, скоро начал расти красный цветок.
Тут проходила медведица и съела красный цветок.
Медведица забеременела и родила ребенка,
произвела на свет хантыйскую девочку
- женщину Мось из одинокой избушки.
Из хантыйской сказки*

Как можно объединить вещи и существа при первом знакомстве с ними? Конечно, по внешнему сходству и способности двигаться. Ученый-социолог конца XIX в. Г.Спенсер [76], которого тогда называли властителем дум, обобщил опыт этнографов и построил схему развития представлений о живом: движение - самопроизвольное движение - целесообразное движение. Позднее, когда были проанализированы данные лингвистов, оказалось, что форма предметов имеет в этом смысле столь же большое значение, как и способность к движению.

Что является живым с точки зрения древнего предка ханта? Упрощая ответ, можно сказать так: живое - все движущееся и все то, что похоже на движущееся. Наш проводник, рассказчик и переводчик одновременно без запинки перечислил живые предметы: человек, зверь, птица, дух, снег, вода, гром, лед, камень. Отсюда можно сделать вывод о том, что вокруг нас все живое. Однако подобное обобщение оказалось неверным. Если мы припишем даже далеким предкам современного человека одушевление всех предметов и явлений, то обедним мир их представлений. Благодаря нашим переводчикам этот вопрос несколько прояснился. Вот что кроется за словами рассказчика: человек, зверь, птица живые потому, что двигаются. Двигаются же они потому, что имеют соответствующую форму. Следовательно, все, напоминающее по форме эти существа, будет живым, т. е. сможет оказывать влияние на другие предметы. Живым считается камень, похожий на медведя. Снег живой, пока падает, а лежачий снег - не живой. При таянии снег превращается в воду и оживает. Вода в реке живая, но она умирает,

превращаясь в лед. Лед живой (трещит!), но умирает, превращаясь в воду. Вода в посуде мертвая, в ней не живут рыбы.

Итак, вечное движение, вечное перевоплощение одного в другое. Жизнь - в движении, в изменении. Идол недвижим, но его оживотворяет форма. Лето живет, но умирает, превращаясь в осень. Осень живет, но умирает, превращаясь в зиму. Казалось, мы постигли тайну древнехантыйского миропонимания. Но почему тогда некоторые предметы считаются живыми, хотя и не обладают «нужной» формой и не обнаруживают движения? Более того, вообще не обнаруживают ни одного признака явно живого: так, камень даже не запотел от утреннего солнца после ночной прохлады. Разгадка пришла не сразу. Оказалось, что если невидимый дух вселился в неживой предмет, то последний стал живым.

Перейдем теперь к человеку. Он хоть и равное со всеми остальными существо, но познается первым, когда человек задается вопросом: что такое я сам? Понимание хантами сущности человека и окружающего мира позволяет понять, как происходило очеловечивание природы и как человек уравнивался с ней. Такая философия вполне соответствовала способу существования небольших коллективов среди безбрежного моря тайги, общества людей среди общества зверей. Именно общества зверей, потому что васюганские ханты словом *сур* обозначали место, где люди собирали ягоду, где пасутся олени и лоси, где бродит в поисках пищи лесной дух. Кладбище и прилегающее к нему место тоже называлось *сур*: здесь ночью умершие собирали ягоды и упавшие орехи - это было пастбище для мертвых. А заселенное людьми место называлось *ях*. Так же назывались общество, собрание, группа людей. Но не только людей. *Ях* - это заселенное место, независимо от того, кем оно заселено: людьми или зверями. *Лонтын-ях* - это река, где держатся гуси; *Мах-ях*, современная Махня,- река, заселенная бобрами.

С точки зрения такой философии человек не является венцом природы. Мы увидим, что, согласно представлениям хантов, природу вообще никто не венчает, а раз у нее нет венца, то и нет вообще никакой иерархии.

Человек, как правило, подвижен, энергичен, он все время что-то делает или собирается делать. Он манипулирует руками, передвигает ногами, а думает... нет, не умом он думает. Человек думает лицом! Люди думают по-разному потому, что они не похожи внешне. Если у некоторых народов при желании подчеркнуть недостаток собеседника постукивают пальцем по виску, то хант обводит пальцем вокруг лица - мол, что-то у тебя здесь не все в порядке, парень.

Этот жест пронесен хантами через тысячелетия. Такой же древностью отдает, по всей вероятности, и латинская пословица: «В здоровом теле - здоровый дух».

По представлениям хантов, человек, как и другие живые существа, активен и деятелен при наличии двух жизненных сил. Одна из них есть внешность, а другая спрятана внутри, в теле. В некоторых исследованиях

первую не без основания называют тенью, а вторую - душой. Этнограф по призванию и сибирский генерал-губернатор по должности Н.Л.Гондатти зафиксировал: «У человека есть тень *ис* и душа *лили*» [77]. Обе силы хотя и независимы, но неразрывно связаны друг с другом. Да и понятно почему: скажем, много ли сделает человек, если он без руки или без ноги? А с другой стороны: много ли сделает спящий? Конечно, ничего не сделает, хотя тело в полной сохранности. У спящего нет души. Он потому и спит, что душа покинула тело, а во сне он видит то, что видит на самом деле блуждающая душа.

Надо сказать, что такие представления - не самые древние. Этнографы обнаружили и еще более архаичные представления, по которым засыпающего покидают глаза. Когда они нагуляются вдоволь, то снова возвращаются на прежнее место - как птица в гнездо.

Больной тоже малоактивен. Это оттого, что злой дух либо проникает в тело и теряет душу, либо он схватил ее, блуждающую по лесу. Плохо тому, чья душа не сможет вырваться сама или ее не сможет отобрать шаман. Человек, душа которого погибла, с одной лишь внешностью долго не проживет. Точно так же и покалеченный не проживет долго, хотя с его душой не случилось ничего плохого. Душу можно выгнать из тела искусственно. Для этого не требуется большой хитрости: можно просто внезапно испугать человека. Чем дальше отскочит душа, тем дольше человек не будет полноценным. А полноценный - это тот, кто способен пойти на охоту.

Если человек не может пойти на охоту, это значит - он заболел или умер. К.Ф.Карьялайнен приводит в своей работе много словосочетаний для обозначения понятия «мертвый человек». Среди них есть и такое: «сходивший неудачно на охоту». Исследователь разъясняет, что это тот, который ничего не может сделать. Однако, по самым архаичным представлениям, между мертвыми и живыми существует взаимопомощь. Следовательно, мертвые не так уж и беспомощны...

Что касается болезней, то одной из причин может быть просто механическое повреждение тела, т. е. нарушение формы. Однако повреждение не бывает случайным. Ни один человек не желает себе плохого, поэтому ранение приписывается злему духу *Тарэч*. Он может находиться и вблизи человека, подтолкнуть топорище во время работы, не так направить нож или молоток. Он невидим, поэтому уберечься от случайных ранений можно только одним способом: вывешивая в дар этому духу красную ткань. Дух *Тарэн* является причиной любого кровопролития, и богиня войны у иртышских хантов носила это мужское имя.

Почему существует запрет оставлять на снегу отпечатки своего тела, колоть собственную тень острыми предметами? Оказывается, тень и отпечаток - это части внешности, тела. На Вахе все это называется одним словом *курр*. А ведь известно, что любая часть связана с целым. Следовательно, если весной растает отпечаток, то заболит или исчезнет само

тело. Точно так же обстоит дело и с тенью. С точки зрения древнего человека, тень - часть тела, отслоившаяся в виде тончайшей пленки. На основе этой посылки возникает представление, что человек может навлечь болезнь на своего недоброжелателя. Для этого достаточно сделать из дерева изображение и слегка поранить его. Много находили и других причин, вызывающих заболевания, в том числе самостоятельный уход души. Но самой распространенной причиной считалось похищение души или поедание части тела злым духом *Кынь* (*Хинь*). Это, собственно, сама болезнь и в то же время некое существо - человекоподобное, черное, с заостренной головой. К людям он якобы приходит ночью из нижнего мира. Несколько лет тому назад нашей этнографической группе необычайно повезло. Опытный проводник с р.Юган привел нас на удаленное священное место. Там сохранился старинный амбар на высоких стойках, в котором обитал дух *Кынь-ики-пах* 'Старик болезней'. Называют его и по-другому: *Пых-тан-саккын-ики* 'В черной одежде старик', *Кынь-кон* 'Болезней царь', *Кэллох-торум* 'Мертвецов бог', *Атым-лунг* 'Плохой дух' и, наконец, *Ыл-лунг* 'Нижний дух'. Все названия верно отражают представление о духе: местом его обитания является мрачный подземный мир, где все ходят в черной одежде, и вообще там все черное, живут одни покойники, и *Кынь-лунг* - главный среди них.

Вход в амбарчик *Кынь-лунга* был завешен большой черной тряпкой, слева от него снаружи стоял черный от сажи старинный котел для варки мяса жертвенного животного. Проводник рассказал, что в прежние времена здесь собирались раз в год ханты не только с Югана, но и с соседних рек. Каждый привозил какой-нибудь подарок для *Кыня*, чтобы тот не заходил в его жилище.

В левом углу домика мы увидели вытесанную из дерева фигуру самого *Кынь-ики-пах*, вернее, его бюст. Голова заострена, и на ней надето семь колпаков из черной ткани. Рядом с ним большие стрелы с костяными и железными наконечниками - подарки духу. Тут же доска с небольшим углублением и палочка для добывания огня вручную. Клади в углубление сухой мох, трут, вставляй палку и вращай ее ладонями, пока не запахнет дымом. Разводи костер, забивай оленя, вари мясо, ешь сам и корми *Кыня*. Никаких спичек здесь не может быть, все должно быть как в древности. Перед *Кынем* лежат отрезки черной ткани.

В правом углу фигурка матери духа *Эвут-ими*. Это небольшая деревянная фигурка, обмотанная бесчисленными лоскутами. Рядом с ней подарки, многим из которых не одна сотня лет. Тут и ситец, и китайский шелк, и царские монеты, и бисер, и бобровый мускус, и собольи меха. Наш проводник рассказывал об этом священном месте, что здесь ханты не избавляли себя от недугов, а лишь проводили необходимую профилактику. Лечение осуществляли шаманы и сами люди народными средствами, но уже находясь дома.

Однако профилактика далеко не всегда давала ожидаемый эффект, как не всегда давало его и лечение. Тогда больной переходил в другое состояние,

которое отличается от болезненного еще меньшей степенью активности. Переход этот был таким же постепенным и незаметным, как переход из здорового состояния в болезненное. Полное отсутствие движения и дыхания свидетельствует о том, что человек умер. Самые пожилые ханты и по сей день подносят иногда ко рту больного оленью шкуру. Если дыхания нет, то говорят: *-Концах, концах - сурам* 'Болезел, болел - умер'.

Но это совсем не значит, что больной из бытия ушел в полное небытие. Он переходит в другое бытие, в инобытие. Потому-то пожилой хант на вопрос, есть ли у него родители, может ответить: «Есть, но они мертвые».

Ханты говорят об умершем: *Том Торма птые* К другому Торуму ушел', к упомянутому выше *Кэллох-То-руму*. Такая информация опять-таки небезынтересна. Бог мертвых Галли встречается у древних народов Передней Азии, например у шумерийцев [78].

Умершие, потерявшие способность двигаться, вновь обретают эту способность в другом - нижнем мире. Там происходит все наоборот, это зеркальное отражение мира земного. Что здесь мертвое - там живое, здесь поврежденное - там невредимое, здесь день - там ночь. Даже время там течет в обратном направлении. И конечно, умершего надо снабдить всем необходимым, чтобы он смог приспособиться к новым условиям. Но посуду, нож, трубку, чтобы ими можно было пользоваться в том мире, нужно слегка испортить.

Делали даже изображения умерших - из дерева, тряпок или волос покойного. Их одевали, кормили и держали некоторое время дома, а затем хоронили в земле или помещали в миниатюрные домики.

Даже в настоящее время для пожилого ханта переход в потусторонний мир не является большой трагедией: ведь он уходит от одних родственников к другим. Тем более, что рано или поздно он вернется назад, благодаря обратному течению времени. Отец нашего проводника Кузьмы Прасина, старик *Муйт-ики*, был человеком, который нисколько не сомневался, что так оно и есть. Уже дважды он, по древнему обычаю своих предков, уходил в лес легко одетый и без огнива, чтобы попасть в нижний мир. Дважды его, обессиленного, возвращал в чум Кузьма и дважды выслушивал рассказ о том, что ему, старику, на том свете будет так же хорошо с дочерью, как и на этом свете с сыном. И даже будет лучше: старик начнет обретать легкость и подвижность. И вот Кузьма, который всему научился у отца и беспрекословно подчинялся ему во всем, подражая каждому жесту и движению с того момента, как помнит себя, впервые с отцом не согласен. Кузьма хочет, чтобы отец жил на этом свете, а отец старается улучшить момент, как малое дитя, чтобы убежать в запретное место. Вопреки древнему обычаю - дать возможность уйти престарелому в лес, появился обычай, запрещающий оставлять такого человека одиноким... антигуманно, с точки зрения *Муйт-ики*. Появление новорожденного - это ли не доказательство того, что похороненный когда-то глубокий старик «дожил» там до момента своего рождения и теперь начинает новую жизнь? В разных местах был

разный временной эквивалент. На Тром-Агане, Ка-зыме считали, что на том свете человек живет столько же, как и в реальной жизни. В других местах земной год равнялся полугоду «там», в третьих метаморфоза происходит еще быстрее, ибо год раскручивается назад в течение одного дня.

Таким образом, ханты считали, что жизнь идет во всех трех мирах - верхнем, среднем и нижнем. В верхнем мире все белое, там растет только березовый лес, а духи и бог *Торум* вечно живут и никогда не умирают. Но они могут умереть, попав на землю, в средний мир. Там происходит не только добро. В среднем мире есть и белое, и черное, поочередно сменяются жизнь и смерть; и среди людей, и среди зверей есть и добро, и зло. Здесь вечный кругооборот, и великая Обь где-то далеко на севере уходит вниз, течет в обратном направлении и появляется у своих истоков маленьким ручейком, потому что отдала притокам воду, как старый человек отдал силу своим детям. А в нижнем мире живут только мертвые, там только черное, отсюда зло, там *Кынь-лунг*, вечный противник небесного *Торума*. И, придя с кладбища, нужно перешагнуть через огонь, окурить себя дымом, чтобы отпугнуть невидимых посланников злого *Кыня*.

Впрочем, модель так называемого вертикального (этажного) членения вселенной у коренных народов Сибири не является единственной и изначальной. Уж очень заметна в этой системе иерархия: у *Торума* имеются помощники, сам он по небу скачет верхом на коне, у *Кынь-лунга* тоже есть слуги и посланники за душами. И противостояние *Торума* с *Кынь-лунгом* тоже мало похоже на первоначальные представления о мироздании. Большинство исследователей полагает, что воззрения об этажном характере мироздания - это результат влияния южных, индоиранских культур. Исконно сибирскими были представления о горизонтальном членении вселенной; верх связывался с верховьями рек и, как правило, с югом, а низ - с севером. Страна мертвых, по таким воззрениям, находилась где-то в устье Оби.

Об этой стране Матрена Себурова из пос. Тугияны говорила: «Мой отец сильно болел три дня подряд. Так болел, что чуть не умер, терял сознание. Когда пришел в себя, то рассказал, что долго шел вниз,- и рассказчица показала на север. - Там подошел к морю, долго брел по воде и наконец подошел к сторожу. Сторож был верхом на черном коне. Впереди отец увидел много дыма, стоит котел, деготь варят. Там слышен крик гусей и лебедей, но не птицы то были. Это плакали люди, которым хотелось вернуться назад. Но те, которых сторож пропустил к Кынь-ики, вернуться уже не могли. Моего отца сторож не пропустил, отец долго еще жил».

В разных, но во многом схожих вариантах рисует нижний мир и фольклор хантов. Ученые полагают, что в мировоззрении хантов уживались разные толкования низа и верха. Однако причины этого явления не выяснены. Например, американский этнолог Э. Ходингейм полагает, что северные народы вообще никогда не видели высоко над собой небесные светила, поэтому у них и не могли развиться представления о вертикальном членении вселенной [79]. В шаманских картинах также рисуется мир «по

вертикали», а ведь известно, что истоки шаманизма находятся далеко за пределами Сибири.

Впрочем, несовместимость воззрений в общей концепции мироздания характерна не только в понимании строения вселенной. Например, согласно одним представлениям, все в мире основано на абсолютном равенстве: человек уравнен со всеми естественными и сверхъестественными существами; согласно другим - все держится на строжайшей иерархии и общинные принципы не могут быть оправданы; согласно одним представлениям, ведущим в системе социальных отношений является принцип альтруизма, согласно другим - принцип эгоизма. Это может свидетельствовать об устойчивости разных традиций: местной сибирской и привнесенной из индоиранского мира. Но вернемся к шаманам и верхнему миру.

- Да что там спутники и полеты космонавтов на луну?- отреагирует хантыйский старец.- Зачем расчеты?

Все это давным-давно, задолго до А.Эйнштейна, было известно хантыйским шаманам. Они «летали» на бубне вверх и вниз, сжимали пространство, поворачивали вспять время, находили потерявшиеся души, лечили людей, возвращали к жизни умерших, предсказывали будущее, проделывали фокусы, играли на цитре, пели песни и рассказывали сказки.

Зимой 1970 г. наш проводник и переводчик Кузьма Прасин привез нас на оленях в стойбище своего отца, по имени *Муйт-ики*. Как говорили, ему было 114 лет. Когда, обогрвшись в чуме, мы включили радиоприемник, старик от неожиданности вздрогнул, услышав голос из пластмассового ящика. Но дальнейшее его ничуть не удивило. Голос рассказывал о посадке людей на Луне и о том, как выглядит Земля из космоса. Старик попросил сына перевести ему на хантыйский язык, а затем равнодушно отвернулся и стал что-то говорить сам себе. По нашей просьбе Кузьма перевел его слова.

- Мой отец говорит, что раньше, когда он был молодым, он видел много шаманов. Они так быстро летали к *Торуму*, что свистело в ушах, мелькали звезды. Вон то большое озеро, из которого вытекает река Корлики, казалось с чайное блюдце. Они летели быстрее, чем стрела, пущенная из туго натянутого лука. Ни один космонавт не видел *Торума*, а шаманы на орле или бубне, пронзая небеса, подлетали к золотому жилищу, открывали золотые двери и входили к седовласому старцу. Они обращались к нему за помощью, и никого не оставил без внимания *Торум*. Через своих духов-помощников он следил за справедливостью, наказывая виновных, и это слышал *Муйт-ики* от живых людей-шаманов, а не от пластмассовой голубой коробки.

История хантыйского шаманства не поддается расшифровке, несмотря на старания венгерских, финских и советских ученых. Ясно лишь одно: когда Сибирь была присоединена к Русскому государству, да и в последующие времена шаманство у разных народов этого обширного края было развито в разной степени. Его наиболее развитые формы, включая богатый костюм, сложную символику деталей и рисунков, длительный обряд камлания и

разные способы приобретения шаманского дара, многие исследователи наблюдали у народов Алтая, Нижнего Амура, тунгусов, но только не у хантов.

Еще в 50-е гг. нашего столетия пожилой шорец из любого аила мог уверенно объяснить, зачем внутри бубна железная скоба и почему снаружи бубна нарисованы черные и красные фигурки. Также и нивх сказал бы, что в нижней части бубна шаман рисует черных человечков потому, что это изображение подземного царства, а в верхней части - фигурки светлых тонов. Почти на всех бубнах зигзагообразная линия является символом небесного свода, за которым начинаются другие миры, неведомые ни богу, ни шаманам.

О символике основных частей бубна шаманы всех народов как бы договорились, хотя этнические, т. е. национальные, отличия, несомненно, есть. Это, кстати, и является аргументом в пользу той точки зрения, что шаманство проникло из одного центра. Бубны у разных групп хантов разные и почти всегда без рисунков, а особого шаманского костюма, как выяснила, задавшись специально такой целью, Е.Д.Прокофьева, вообще не было (рис. 21). На Вахе у шаманов были бубны, похожие на кетские, у нижнеобских хантов - на ненецкие, во многих местах бубнов не было вообще. Интересен бубен р. Васюган, принадлежавший шаману Афанасию Милимову из юрт Озерных. В 1969 г. мы приобрели его для Томского музея. По всем признакам бубен явно тунгусский. В 1984 г. в Финляндии был опубликован на немецком языке дневник поездки У.Т.Сирелиуса на Васюган [80]. Оказывается, он держал в руках тот самый бубен еще в прошлом веке, и ему сказали тогда, что бубен делал тунгусский мастер.

Но ведь в лексиконе хантов есть термин для обозначения человека, который бьет в бубен, созывает духов-помощников и лечит больного! Этот термин - *ел, ёл-та-ку* (у северных хантов *чертан-ку, терден-хой*), что буквально означает 'ворожит человек'. «Ёла!» - не то просят, не то приказывают люди, собравшиеся вечером у костра возле жилища шамана. Поворожи! - так это звучит на русском языке. И шаман должен выполнить их просьбу. А если не выполнит, то его собственные духи-помощники, которые под видом зверей, птиц и букашек беспрекословно подчиняются и разбегаются в поисках души, вдруг выходят из повиновения и хлещут своего хозяина по лицу ремнями, царапают когтями.

Нелегко шаману отказаться от своего призвания. Стоит хотя бы раз отвернуться от духов, прогнать их, как придет их еще больше. Они будут являться во сне, заглядывать в окна, красть пищу, вернее, не саму ее, а то, что насыщает едока, - дух пищи. Избранник будет недосыпать, недоедать и наконец умрет. Уж лучше согласиться!

Вот это и есть одна из особенностей хантыйского шаманства. У других народов шаман повелевает людьми, т. е. стоит над обществом, а здесь он сам находится под контролем общества. Хантыйский шаман занимался охотой, рыбной ловлей и вообще обеспечивал полностью себя сам. Никаких привилегий: на медвежий праздник - наряду с другими, на похороны - наряду

с другими, а после камлания получал лишь небольшой подарок в виде кисета, рубахи, трубки. Не то что у алтайцев, где одно камлание стоило чуть ли не стада баранов. Отсюда и роль, вес, место хантыйского шамана: он не носитель идеологии общества, а скорее отражатель ее. Да и об идеологии говорить здесь надо с известной осторожностью, так как это понятие относится к обществу социально расчлененному. О каком же расслоении можно говорить, если шаманы работали наряду со всеми? Поэтому историки-первобытники чаще пользуются терминами «мировоззрение», «миропонимание» и т. д.

Рис. 21. Нагревание бубна у костра (фото В. Кулемзина).

Основной обязанностью шамана было лечение: различные состояния человека объясняются состоянием его души и действиями всевозможных духов. Общество находит особых лиц, которые якобы видят духов, невидимых для прочих людей. Они и становятся посредниками между

людьми и духами. Ценность научных материалов, собранных среди хантов, которые когда-то видели шаманов «в работе» или шаманили сами, заключается в том, что эти материалы показывают процесс становления шаманства, иначе говоря, процесс общественного расслоения. В сферу общественного бытия шаманы входят еще робко. Например, на Агане считалось, что шаманы даже и не лечат. Здоровье зависит от *Торума*, а шаман может лишь просить его, чтобы тот, в свою очередь, попросил *Кынь-лунга* отпустить похищенную душу. А бубен шаману нужен лишь для того, чтобы придать громкость и силу словам - ведь до *Торума* так далеко...

Северные ханты полагали, что излечивает местный дух - Вежакорский старик, а шаман может лишь перевести его слова людям и указать, какую жертву просит этот старик. В других местах, например на Вахе, шаманство было развито больше, поэтому упомянутый нами *Муйт-ики* имел возможность общаться с шаманом, который улетал сам (вернее, душа) к богу *Торуму*.

Но почему же шаманы с бубнами в обществе хантов были менее заметными фигурами, чем у других народов? Здесь - еще одна особенность хантской культуры.

В специальной литературе, посвященной религиоведению, появлялись отдельные сведения о каких-то необычных личностях, которых шаманами назвать нельзя. У тунгусов - это предсказатели *толкин*, у шорцев - сказочники *кайчи*, у селькупов - ворожеи *сомбырни*. У хантов К.Ф.Карьялайнен тоже различал провидцев, колдунов и ворожеев [81]. Он считал, что появление таких фигур есть следствие деградации некогда сильно развитого шаманства. По его мнению, хантские шаманы в далеком прошлом обладали множеством функций, но потом каждую из функций «присвоили» лица узкой специализации: одни стали колдовать, другие - ворожить, глядя на огонь, третьи - проделывать различные фокусы.

Позднее оформилась совершенно противоположная концепция. Ее основоположником стал В.Н.Чернецов [82]. Он высказал мнение, что у обских угров никогда не было развитого шаманства, и обратил внимание на то, что в их необычайно развитом фольклоре совсем не фигурирует бубен, а затем привлек и другие данные в пользу своей точки зрения. Задача оказалась столь интересной и захватывающей, что многие этнографы и у нас, и за рубежом подключились к ее решению.

Прежде всего нужно было выявить, описать и расположить хронологически всех лиц, которые своими действиями отличаются от рядовых членов коллектива. Были они выявлены и у хантов. Мало того, у хантов их оказалось больше, чем у соседних народов, да и сохранились они лучше. Подробные сведения удалось собрать о сказочниках *мантье-ку* 'сказка-человек', исполнителях героических песен *арэхта-ку* 'песня-человек', сновидцах-предсказателях *уломверта-ку* 'сон-делать-человек', предсказателях промысла *нюкулына-ку*, фокусниках *исылта-ку*, заставляющих людей плакать. Считалось, что сказочники и исполнители

былин способны ощущать физическое и духовное состояние своего собеседника, поэтому они одновременно являлись и лекарями. Во время сеанса лечения сказочник и его пациент садились друг против друга, при этом их обязательно должен был разделять костер. Например, в сказке шла речь о том, что герой заболел, нарушив правила обращения с собакой или другим животным. И если слушатель-больной чувствовал в этом месте облегчение, значит, причина была установлена. После признания своей вины должно наступить выздоровление.

Арэхтаку излечивал песней или игрой на музыкальном инструменте *панан-юх*, *нарс-юх*. Продажа его считалась равносильной продаже души. Само искусство игры передавалось будто бы от духов, и овладение им было связано с тяжкими испытаниями. Некоторые особо одаренные люди соединяли в себе функции *мантье-ку* и *арэхта-ку*. Так, в 1982 г. мы с венгерской фольклористкой Евой Шмидт по совету местных жителей обратились к семидесятилетнему старику в пос. Полноват. Он исполнил нам даже запретные, так называемые идольские, песни. В них пелось о том, как идолы - хозяева хантыйских поселений договаривались о встрече, как в человекоподобном виде они ехали на оленях, а когда превращались в зверей, то бежали подобно зверям. В другой, незапретной песне говорилось о жизни самого главного духа *Урта* - второго по величине после *Тору́ма*. Его дом висит на цепях между небом и землей и качается от ветра по линии юг - север. *Урт* скачет на пестром коне и видит, кто в чем нуждается (рис. 22). Помогает он только тем, кто его вспоминает время от времени и делает подарки. Но *Урт* не поможет тому, кто вспоминает о нем только тогда, когда уже попал в беду. Так заканчивалась длинная песнь.

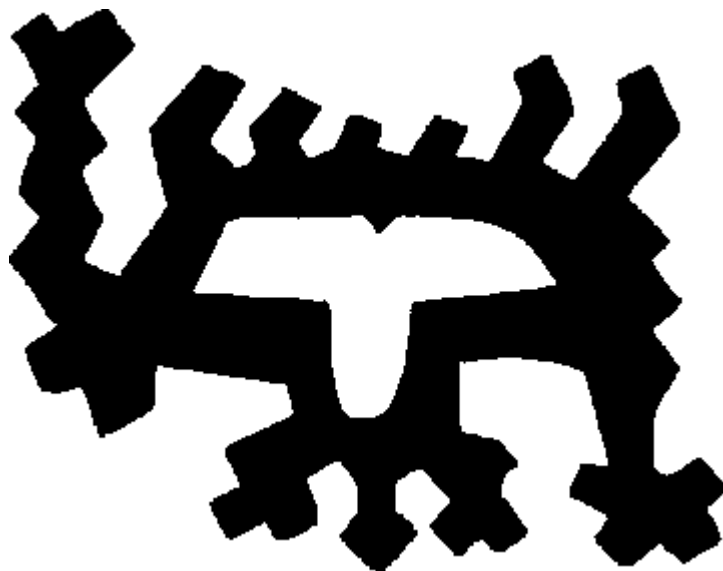

Рис. 22. Изображение божества *Урта* (по: [Иванов С.В., 1954]).

Сновидцами-предсказателями были, как правило пожилые женщины. К ним обращались с самыми разными вопросами: как будет со здоровьем, скоро ли приедут родственники и т. д. Женщина-ворожейка, ложась спать,

просила своего духа прийти к ней во сне и рассказать, как все будет. Утром оставалось только передать содержание беседы человека с духом. Так ханты узнавали грядущее. В процессе работы нам хотелось выяснить, где же грань между истиной и воображением. На самом ли деле человек во сне видит духа в виде человека, умершего родственника либо деревянного идола, какого-то животного. Да. Это была истинная правда! Человек, который верит и надеется на помощь своего духа, видит его во сне. Причем не только случайно, но даже и «по заказу», т. е. когда у него возникнет в этом потребность.

- Почему же мы не видим во сне духов?- спрашивали мы неоднократно хантов.

- Потому что вы в них не верите,- всегда был ответ.

Не менее интересна фигура предсказателя добычи на промысле. Охотничий промысел для хантов был столь необходимым и серьезным занятием, что существовали особые лица, которые специализировались на предсказании его результатов. Среди наших многочисленных помощников и рассказчиков, к сожалению, не встретилось ни одного *нюкулына-ку*, хотя с очевидцами его сеансов разговаривать довелось. Сглаживается впечатление, что предсказателем был опытный в охотничьих делах человек. Сеанс устраивался в затемненном чуме. Присутствующие сидели на разостланной бересте, поэтому были хорошо слышны звуки от «вызванных» предсказателем зверей: шорох мелких грызунов, тяжелая поступь медведя, продавливание бересты копытом лося. Люди слышали, как зверьки бегают и по покрытию чума снаружи, издавая характерные звуки. Сзывая их, вернее, духов зверей, *нюкулына-ку* подражал их голосам. Сомневаться в реальности происходящего и выражать сомнение вслух не рекомендуется - его лапой тронет медведь. Собрав всех зверей, *нюкулына-ку* обращался, например, к белке: «Белка, я стреляю, упали».

И было слышно, как ударилась о руку тетива лука. Если белка падала, то промысел должен быть хорошим, а если продолжала цокать и прыгать, то промысел предполагался неудачным.

Своеобразной категорией были лица *исылта-ку*. Своими фокусами они могли заставить людей плакать, почему и получили такое необычное название. Рассказывают, что они могли проколоть себя насквозь, вскрыть живот и достать кишечник, поймать на лету стрелу и ружейную пулю. Такое умение позволяло им лечить многие болезни. «Вскрыв» живот пациенту, *исылта-ку* якобы удалял причину болезни: показывал больному извлеченного духа - носителя болезни в виде червяка или чего-то в этом роде. Носителя болезни он немедленно съедал, потому что все духи считались бессмертными и могли быть уничтожены только шаманом.

Нам приходилось разговаривать с одним из *исылта-ку* - ваховским хантом Алексеем Куниным. По нашей просьбе он продемонстрировал свои способности. Мы договорились с вечера, а появившись утром, он нанес первый психологический удар. Алексей говорил своим голосом, но на себя

не был похож: лицо опухшее, глаза-щелки спрятаны за повисшими веками. Обязательная связь между внешностью и голосом была нарушена. *Исылта-ку* был страшен, но все это необходимо, потому что со временем страх исчезал, а пришедшее на его место спокойствие было предвестником сна. Да и его трюки заставляли поверить в необыкновенную силу *исалта-ку*. Алексей стал ходить по единственной маленькой комнате, делая бесконечные круги «по солнцу». Призывный клич: «*Га-га-га, гай-гай-гай*», обращенный к его невидимым духам-помощникам, увенчался успехом: приползла невидимая змея *мёнкам*. Именно она и поедает духа - носителя болезни.

- *Мёнкам* пришел, дай мне нож,- обратился он ко мне.- Змею надо посадить сюда,- указал Алексей пальцем в грудь.

Я подал более безопасную, как мне казалось, вещь - напильник, который Алексей вставил в яремную вырезку и с хрустом вогнал его в грудь. Я отметил про себя, что звук был издан скрежетанием зубов, а лицо постепенно приобретает нормальный вид. Очевидно, Алексей долго висел вниз головой. Я обратил внимание на след, оставленный ремнем на меховой обуви. Раздвинув ворот рубахи, можно было видеть небольшое красное пятно, оставленное напильником.

- Змея теперь в руке, можно лечить,- сказал *исылта-ку*.- Я лечил много женщин, у которых были тяжелые роды, много мужчин, у которых болел желудок. Никто из них не ушел навсегда к подземному богу *Кали-Торуму*. Скоро ты будешь долго-долго-долго спать, и я лягу рядом с тобой: дорога к *Кали-Торуму* полтора дня туда и полтора дня назад. Ты будешь спать три дня, *Кали-Торуму* я передам твой подарок - трубку и табак, скажу ему, чтобы он тебя не брал.

Тут *исылта-ку* поставил перед собой две эмалированные кружки с теплой водой и бросил в одну из них засушенную пленку от гриба-мухомора, в другую - сам гриб без пленки. Сильное галлюциногенное и одновременно наркотизирующее вещество было готово. Но это все только для него: пока будет спать пациент, ворожей должен бодрствовать, иначе пациент не вернется к небесному богу, или попросту умрет. *Исылта-ку* по следний раз подбрасывает в печь дрова, чтобы пациент от тепла быстрее сомкнул глаза, а далее сон будет проходить в холодной комнате.

- Никакой русской кружки не должно быть,- вдруг спохватился ворожей.- *Панк*, указал он на мухомор,- должен быть в деревянной чашке, в снеговой воде.

Впрочем, мне уже было все равно: поволока стала застилать глаза и вместо комнаты чудились бесконечные северные просторы с белесым мхом и чахлыми деревцами. «Не капнул ли по дружбе в чай колдовского отвара мой милый доктор»,- подумал я про себя и впал в забытие...

- Вставай, вставай, *Руть-ики*, окликал меня *исылта-ку*, называя просто «русский».

Он растирал мои ладони, иногда щупал пульс на шее, и это было особенно странно, непривычно - ведь пульс обычно щупают на запястье руки.

- До *Кали-Торума* мы не пойдем, вставай сейчас, ты уже посмотрел, как лечит *исылта-ку*. Вставай и ходи по солнцу, потом пойдешь на улицу.

Руть-ики оторвал от стола голову и обнаружил у рта кусок оленьей шерсти: по колебаниям ворса *исылта-ку* тщательно следил за дыханием, которое должно было постепенно угасать, но все-таки не гаснуть до конца. *Исылта-ку*, конечно же, было не до сна в столь ответственный момент, ибо нужно постоянно следить за пульсом и дыханием пациента: кровяное давление не должно опускаться ниже допустимого. Вероятно, на этот предел указывала оленья шерсть. *Руть-ики* сделал несколько кругов по солнцу и тогда услышал, как прошептал *исылта-ку*: - *Мёнкам* ушел.

Это означало, что змей-помощник уполз из своего убежища - руки Алексея. По всей вероятности, прошло всего несколько минут и забытье длилось недолго. По-прежнему было жарко, горела печь. *Руть-ики* спросил:

- *Исылта*, зачем ты мне растираешь ладони, шею, щеки?

- Ты видел, как замерзшие мужчины подходят к костру? Они над огнем держат руки. Тепло у мужчин идет от рук, и мерзнуть мужчины начинают от рук. Женщины к костру поворачиваются спиной и греют зад, поэтому когда приходится лечить женщину, растирать надо ягодицы. Растирать нужно обязательно и долго, потому что в помещении должно быть холодно. Тело надолго уснувшего человека становится холодным, негибким и синим, его нужно сделать подвижным, значит, живым.

Как толково, со знанием дела *исылта-ку* действовал, так же толково он старался ответить на вопросы этнографа. Выяснилось, что весь сеанс состоит из трех этапов: усыпление пациента, его сон и возвращение к жизни. Каждый этап сложен и ответствен. Самым сложным *исылта-ку*, как правило, считают второй этап. Для Алексея же большую сложность представлял этап «оживления», так как пребывание в состоянии бодрствования в течение двух-трех суток при правильном употреблении мухомора для него не составляло особого труда. Впрочем, есть, вернее, были ворожеи, для которых наибольшую трудность представлял первый этап. Именно поэтому наследственная передача необходимых способностей часто себя не оправдывала: родной брат Алексея Иван не стал *исылта-ку*.

Что же все-таки происходило во время так называемого лечения, что оно из себя представляло? Ведь и на самом деле принявшие сеанс не отрицали улучшения своего состояния. На этот вопрос ни сам Алексей, ни его жена и никто другой, безусловно, не могли дать исчерпывающего ответа, соответствующего современному уровню развития медицины. Можно лишь предполагать, что сведенное к минимуму кровяное давление сильно затормаживало все физиологические процессы и некоторые органы, видимо, практически не функционировали, а потому и «отдыхали». «Возвращенный к жизни» не случайно испытывал такое ощущение, словно «заново родился».

Непонятным остается и способ введения пациента в нужное состояние, а также тот факт, что сеанс от начала до конца проводил один и тот же человек, т. е. вернуть к жизни мог только тот, кто усыпил пациента.

Со слов очевидцев известно и о других «специалистах». Одни из них могли понимать плач ребенка, другие предсказывали будущее по треску костра либо по кошащему мурлыканью. Существовали и своеобразные мухоморщики, которые ели мухомор и в полубредовом состоянии общались с духами. Многие из этих лиц находят аналогии в древних культурах Египта, Передней Азии.

Мы уже говорили о том, что относительно того, что мы видим у хантов, существуют две противоположные концепции: распад шаманства - формирование шаманства. Больше оснований предполагать, что оно развивалось не только из описанных древних форм. Шаманы использовали приемы всевозможных сновидцев, фокусников для укрепления своего авторитета. О том, что функции эти древнее собственно шаманских, свидетельствует своеобразная связь этих людей с духами: их духов можно трогать, брать в руки. Это скорее не духи, а сами животные. В шаманских же воззрениях духи невидимы, нематериальны - это скорее образы, чем сами существа.

Шаманы, как и народ в целом, довольно быстро уяснили, что внутренних ресурсов народной жизни явно недостаточно для того, чтобы отразить мощную экспансию чужой культуры. Царской администрацией и последующими преобразованиями разрушались общественные религиозные институты, культ их социальной значимости. Связи между коллективами ослабевали, исчезали вовсе. Вслед за этим постепенно исчезало и то, что не подвергалось преследованию.

ОХОТНИКИ - СОЗДАТЕЛИ ЭПОСА

*Живущий там, на краю земли, какую песнею, какую сказкою
ты был завлечен в эту священную страну, куда не добежать доброму духу, в
эту чудесную страну, куда не по силам добраться и злому духу?
Из героического сказания*

В миропонимании хантов сказка и песня обладали такой силой, что могли занести героя в недоступные для человека места. Сказки отождествлялись с самой жизнью героя, и фольклорная формула «если моей сказке продолжаться...» означала «если буду жив».

К сожалению, в нашей отечественной науке хантыйскому фольклору не повезло. Единственная крупная публикация текстов и исследование С.Патканова по фольклору южных хантов вышли у нас в начале XX в. [83] а многотомные зарубежные издания практически не используются советскими учеными [84]. Теоретические исследования фольклора хантов, как и других

сибирских народов, затруднены кризисом понятия «жанр». Становится все более очевидным, что определения жанров мифа, сказки и т. д., разработанные на европейском материале, не отражают сибирскую специфику. Не исключено, впрочем, что эти трудности созданы учеными искусственно; ведь у каждого народа есть собственная классификация жанров, и, может быть, следует опираться на нее.

Рассмотрим перечень прозаических жанров, записанных нами у приуральских хантов летом 1989 г., и попробуем определить наиболее подходящий жанр из научной классификации. *Йис-потар* 'старинный разговор', т. е. миф об очень древних временах, когда зарождалась земля, появились животные, были созданы первые предметы и т. д. *Катра-ёх-потар* 'старых людей разговор', т. е. предание, - например о возникновении хантыйских родов, о сражениях богатырей. *Мось-потар* 'сказочный разговор' и *мось* 'сказка' (о животных, о событиях с налетом волшебства). *Нях-потыр* 'смешной разговор', т. е. быличка, - о действительных случаях с добавлением вымысла. Включаются в эту систему и заимствованные сюжеты, например есть *Репка-потыр*.

В мифах отражено деление вселенной на главные космические зоны - небо, землю и подземный мир - либо горизонтальное членение, по которому на юге находится животворная теплая страна, а на севере - холодный нижний мир. Согласно главному космическому мифу, первичным состоянием мира была водная стихия, а земля появилась из кусочка ила, который принесла со дна океана гагара. Солнце в хантыйской мифологии - это женщина, а Луна - мужчина. Созвездие Большая Медведица - это мифический шестиногий лось, на которого охотился герой древности, оставивший след лыжни (Млечный Путь). Из природных стихий наиболее ярко рисуется огненный потоп, уже бывший на земле и ожидаемый в будущем. Нужно сказать, что сюжет о конце света буквально в последние годы переместился из мифологии в современное устное народное творчество хантов. Слагаются песни-мифы о будущем, которое настанет после того, как нефть и газ будут выкачаны, новые города опустеют и вместе с брошенными машинами зарастут травой, а на ней снова будут расти ягоды и ягель, и ханты заживут как прежде.

Для хантыйского фольклора характерно, что один и тот же сюжет исполняется либо в прозаической, либо в песенной форме. От сказителя можно было услышать: «Это героическая песнь, но я изложу ее как сказание». Кроме того, существовала переходная форма - ритмизированная проза. Древние песенные произведения исполнялись в ритуальной обстановке, как считалось, в присутствии сверхъестественного существа, которому посвящалась песня. И певец, и слушатели впадали при этом в состояние, близкое к экстазу. Оно вызывалось монотонным, как бы бесконечным мотивом, частыми повторами не только строк, но и целых отрывков - в общем, песня строилась так, словно ее невозможно закончить. Исполняя ее от первого лица, т. е. от имени духа, певец уносил слушателей в давние времена, как бы воссоздавая их своим пением. Продолжительное

пение отключало и исполнителя, и публику от окружающей действительности, в них происходило нечто вроде катарсиса. Приходя в себя, они чувствовали, словно и они, и миропорядок рождены заново. Существовали также «мухоморные» песни. Для приведения себя в состояние экстаза человек съедал мухоморы, и те «пели» ему песнь, которую он повторял для слушателей.

Исполнение ритуальной песни было существенной частью многих обрядов. Рассмотрим здесь медвежий праздник, один из наиболее ярких у хантов.

Медведь в миропонимании хантов - это не только лесной зверь, но и возвышенное существо. Когда в детстве он жил на небе, его неудержимо влекла земля. Отец - верховный бог - уступил просьбам сына и опустил его в люльке на землю, поручив блюсти здесь порядок и справедливость, не причинять вреда людям. Однако медведь нарушает некоторые установки отца, его убивают охотники и, как предписано богом, устраивают в честь небесного зверя обрядовый праздник.

Как следует из рассказов охотников и многочисленных описаний, отправляясь за медведем, охотники проходили обрядовое очищение с произнесением соответствующих заговорных текстов. Для всего, что связано с медведем, был разработан тайный язык, в который, по подсчетам специалистов, входило около 500 слов. Самого его называли «зверь», шкуру - «изготовленная матерью мягкая одежда», снег - «белая пыль», ружье - «гремящая вещь», медведя не убивают, а «низводят» из леса в селение.

Подъем зверя из берлоги - обязательное условие его добычи. Шкуру с убитого медведя снимали с головой и везли в селение. Здесь «медведя» встречали приветственными выстрелами, а охотников обрызгивали водой или порошили снегом. Медведя заносили в дом, укладывали носом на лапы, надевали на голову шапку или платок, украшения, на когти кольца, на глаза - берестяные кружочки или бляшки. Ставили и угощение. Медведя извещали, что его убила стрела или русская пуля, просили не пугать женщин в лесу.

Веселье начиналось под вечер, на него съезжались издалека. Программа начиналась с песен, рассказывающих о небесной жизни медведя и его земных деяниях. Утром медведю пели песню пробуждения, затем исполнялись и хвалебные; попавший сюда русский мог спеть частушку. Затем начиналась следующая часть медвежьего праздника - драматические представления. Актерами были только мужчины в масках, при исполнении женских ролей они надевали поверх своей одежды женскую. В течение нескольких вечеров разыгрывалось по десятку сцен из повседневной жизни хантов: изображали трусливого охотника, неудачное сватовство, объевшегося черемухой, столкновение с чиновником и т. п. Некоторые сцены были сексуального содержания. Никто не смел обижаться, если насмешливая сцена относилась к нему. В промежутках между песнями и сценами устраивали танцы под музыку. Проводилось и гадание об охоте. В конце праздника мясо медведя варили и съедали. Выносили медведя (шкуру) через

окно с определенными предосторожностями. Череп, а иногда и шкуру хранили в специальных постройках.

Наиболее полно структура медвежьего культа раскрыта в диссертации Евы Шмидт, где выявлено около 30 мотивов его восприятия [85]. Образ медведя как бы рассеян по разным сферам и мирам, предстает в разных ипостасях - медведеподобного духа, медведя-человека, небесного медведя, лесного, земного и подземного.

Обряды, исполняемые на медвежьем празднике, несут не только сакральную нагрузку. Одновременно это праздник, на котором радуются большой добыче и воздают должное мужеству человека и его отваге при добыче медведя: ведь в представлениях хантов этот зверь - существо почти сверхъестественное. Не менее важно и то, что медвежий праздник позволяет встретиться людям, живущим в этих редконаселенных местах. Праздник медведя, как и другие, вносил разнообразие в трудную повседневную жизнь, снимал психическое напряжение. Комически-критические сцены играли развлекательную и воспитательную роль. По современным понятиям, это фольклорный праздник. И в настоящее время отдельные традиционные сцены медвежьего праздника исполняются на концертах во время официальных торжеств, на фестивалях народного творчества.

В фольклорных сюжетах о медведе фигурируют люди *Мось* и *Пор*. Согласно священному сказанию, женщина *Мось* была рождена медведицей в дочеловеческую эпоху. У северных групп сложено много сказок о соперничестве женщин *Мось* и *Пор*. Еще одна серия фольклорных произведений посвящена одному из наиболее популярных героев, который фигурирует под разными именами и наделяется разными функциями. В мифах и религиозных обрядах он носит имена *Урт-лонк* 'Князь-дух', *Кантых-кан* 'Хантыйский князь', *Торум-пах* 'Сын бога', *Мастерко*, Купец верхнего света - Купец нижнего света и пр. Он выступает как инициатор создания земли и человека, учитель в промыслах, добывании огня и т. д.: он же - посредник между мирами, первый шаман. В сказках под именами *Ими-хиты*, *Альвали* он выступает как выдумщик, волшебник, обманщик. Одурачивая окружающих, совершая даже мелкие преступления, он все равно остается любимым героем, так как его проделки направлены в основном против сил, враждебных людям.

Сейчас дети заучивают наизусть биографии известных современников из среды своего народа; так, однажды в чуме мы услышали из уст девочки биографию хантыйского поэта Р.Ругина. Но традиционной формой изложения биографии того или иного человека была «песня судьбы», сочиненная им самим. Это лишь один из жанров так называемых бытовых или индивидуальных песен, мужских и женских. Среди них были и лирические, и эпические, и нечто среднее между этими категориями. В них мы нередко видим пространное описание какого-либо события. У хантов принято было петь на пиршестве после приезда песню по поводу поездки собственного сочинения. Слагались также похвальные песни, песни-жалобы,

любовные, социально-конфликтные, песни, посвященные ребенку или животному. Важнейшей функцией индивидуальной песни было сохранение имени автора - так в древних обществах подчеркивалась ценность, незаменимость индивида. Песни имели стабильный текст, который выучивался другими исполнителями. Существовали и песенные импровизации, однако не прав тот, кто считает, что ими и ограничивается песенный фольклор хантов. Песенный жанр довольно гибок и открыт новой тематике. В XX в. были сложены песни о колхозах, о Ленине, сейчас в них речь идет о новых городах и профессиях, отражается тревога за будущее.

Музыкальная культура хантов богата, но исследована она слабо. Больше всего известно о музыкальных инструментах. Они были нескольких типов. *Тумран*, или *конколь-лонколь*, - это костяная либо деревянная пластинка с прорезанным язычком и привязанной к нему ниткой. Его подносили ко рту и, подергивая за нитку, извлекали негромкие звуки, в том числе подражания голосам животных, стуку копыт и т. п. Существовали две разновидности струнных смычковых инструментов с деревянным корпусом: у *нин-юх* и *хум-юх* корпус был овальный, а у *кугель-юх* - с выемкой, наподобие скрипки. Две-три струны делались из сухожильных нитей либо конского волоса, который натягивали и на смычках. *Нин-юх* - камерный мужской инструмент, играли на нем в небольшом обществе по вечерам.

Более звучны два широко известных мужских инструмента: *нарс-юх*, *панан-юх* типа цитры и *тор*, *тороп-юх* типа арфы. У первого корпус выдолблен из цельной плахи и напоминает плоскодонную лодку с выступающей нижней частью. Верхняя часть раздвоена и соединяется перемычкой. Три, а чаще пять струн изготовлены из сухожилий либо оленьих кишок, проволоки. Под этот инструмент исполнялись героические песни, танцы на медвежьем празднике. Им пользовались также шаманы и певцы-музыканты-лекари *арэхта-ку*.

Тор, *тороп-юх* имеет птицеобразный внешний вид и называется по-русски «лебедь», «гусь», «журавль» (рис. 23). Это дугообразная арфа с корпусом и шейкой из цельного дерева, на конце шейки вырезана птичья, а иногда конская голова. В угловом пространстве между корпусом и шейкой натянуто от 9 до 13 струн. Есть у хантов и духовой инструмент - деревянная труба, видимо, охотничья. В качестве музыкального инструмента использовался и бубен.

Рис. 23. Игра на «арфе» (с фото Г. Лебедева).

От школьных учителей и специалистов-музыковедов нам приходилось слышать о музыкальной одаренности хантов. Об этом могут судить и те, кто смотрит выступления современных фольклорных и хореографических ансамблей «Арэнг мосьнэ», «Ешак най», «Сорни най», «Хатал най» и многих других.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Много еще остается белых пятен в тысячелетней истории хантов, но ее основные вехи в науке все-таки обозначены. И обозначены, как было видно, благодаря труду этнографов, археологов, лингвистов, фольклористов и, конечно, рассказчиков из народа.

Каковы эти вехи? Самая ранняя, известная науке территория предков хантов находилась в лесостепи Западной Сибири. Это было в IV тыс. до н. э. Тогда предки всех ныне родственных хантам народов не были разобщены, они составляли так называемую прафинно-угорскую общность. Все племенные объединения занимались охотой, рыболовством и кроме собаки не знали никаких домашних животных. Однако южная часть этих племен находилась в соседстве и даже в определенных связях с ираноязычными скотоводческими племенами. В специальной литературе их именуют андроновцами - по названию археологической культуры. Они разводили лошадей, коров, овец и, кроме того, занимались земледелием. В степях и

лесостепях Казахстана и юга Западной Сибири предки угров создали особую форму коневодства, сочетая его с охотой, т. е. это были конные охотники.

В конце II тыс. до н. э. в связи с потеплением граница скотоводства отодвинулась к северу и дошла до Среднего Иртыша. В середине I тыс. до н. э. угорская общность распалась. Предки венгров ушли на запад, а предки хантов и манси - в районы Нижней Оби. В V в. н. э. правенгры попадают в южно-русские степи, а затем на территорию современной Венгрии.

Какова же судьба другой группы угров? В условиях Севера им пришлось поменять коногонный кнут на охотничий лук. Они смешались с древним местным населением, которое издревле занималось охотой и рыболовством. Поэтому в археологических культурах на территории хантов и манси отчетливо представлены два разных пласта - степной и таежный. Самая типичная из этих культур - *усть-полуйская*, относящаяся к последним векам до нашей эры и первым векам нашей эры. Похожие культуры открыты археологами и в Среднем Прииртышье. Рассматривая свои находки, археологи удивлялись: изображения конных всадников лежат здесь рядом с охотничьими стрелами, колчанами, луками. А в фольклоре сюжеты о воинах в кольчугах перемежаются с сюжетами об охоте на лосей. Обо всем этом еще не так давно пели исполнители эпических произведений.

Хантыйская земля сегодня - это страна контрастов. Здесь есть такие места, где, как и много столетий назад, охотник в спокойном сосредоточении читает замысловатую вязь собольих следов. Здесь время сохраняет свой прежний темп. Но в отдельных местах от хантыйской культуры не осталось и следа. Там на охотничьих угодьях висят буровые вышки, а на местах рыболовных запоров установлены мощные дренажные системы. Много из того, что являлось необходимой частью бытия, из чего состояла культура в целом, ушло безвозвратно. Кое-что уходит прямо на наших глазах, заменяется вовсе нетрадиционными вещами или материалами: входят в быт пенопласт, текстолит, полиэтилен, и из всего этого - с непривычными для хантыйского слуха названиями - делаются привычные поплавки, обласки, хозяйственные мешки. Некоторые вещи и материалы не нашли себе замены и продолжают существовать, например олени нарты или подбитые мехом лыжи.

Ситуация, в которой оказался хантыйский народ к концу XX в., вызывает тревогу. Эта ситуация характерна и для других народов Севера, и она активно обсуждается в научной литературе, средствах массовой информации. Вот как ее оценивает бюллетень «Сибирские вопросы», выпускаемый Центром по изучению Сибири Института Советского мира в Париже: «Судьба сибирских народов - это вопрос номер один среди всех тех, которые ставит Сибирь эпохи перестройки... Народы Сибири и Севера СССР исчезают в результате варварской эксплуатации природных ресурсов, и территории, на которых жили их предки, превращаются в реальные пустыни, перерезанные газопроводами, залитые нефтью и теряющие всякую

экономическую ценность. Такого рода пустыни, искажающие лицо Арктики, несут к тому же экологическую угрозу планетарного масштаба» [86].

Таково же мнение жителей Тюменской области, опрос которых провел Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН. Судьба коренных народов в массовом сознании людей неразрывно связана со всем комплексом экологических проблем. А выход из создавшейся ситуации большинство опрошенных видит в необходимости принимать во внимание пожелания самих коренных народов Севера [87].

В 1989 г. в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах созданы ассоциации «Спасение Югры» и «Ямал - потомкам». В это общественное движение включилось не только коренное население, но и представители разных народов, приехавшие в Сибирь и болеющие за нее душой. Ассоциации выступают за защиту и уважение национальных культур, обычаев и языка граждан всех национальностей, проживающих в округе. Ассоциации отстаивают право коренных народов сохранять на своей этнической территории исторически сложившийся образ жизни и культуру, оберегать национальную самобытность.

Для нормального функционирования традиционного хозяйства предлагается выделить обширные биосферные заповедные территории, где приоритетное право пользования землей и ее ресурсами должно принадлежать коренному населению. Реализация этого предложения наталкивается на сопротивление промышленных ведомств, которые нередко пользуются поддержкой органов власти разных уровней. Но все-таки уже есть примеры выделения, а точнее, возвращения охотничьих и рыболовных угодий их потомственным хозяевам. Создаются новые формы коллективного труда - национальные кооперативы.

Одновременно поставлена цель воссоединения прерванных социальных связей и восстановления обрядов, запрещенных в последние десятилетия, но хранимых в глубине народной жизни. Оживают общенародные культовые центры, снова проводятся традиционные праздники. В 1990 г. впервые фольклорная группа хантов и манси принимала участие в зарубежном фестивале - в Венгрии. Огромный труд и ответственность за сохранение и возрождение национальной культуры взяла на себя хантыйская интеллигенция. Она стремится также к развитию профессиональных искусств, образования и науки среди своего народа, к овладению методами управления и политической борьбы. Чтобы народ не ушел в небытие, предстоит долгая работа.

Смысл технического прогресса должен заключаться не в том, чтобы разрушить традиционные культуры, а в том, чтобы облегчить в их рамках существование человека. Компромисс между человеком и природой, выработанный предками хантов, должен быть достигнут на их земле и в современных условиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Основные показатели развития экономики и культуры малочисленных народов Севера (1980-1989).- М., 1990.

2 Языки народов СССР.- М., 1966.- Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки.- С. 320.

3 Новицкий Гр. Краткое описание о народе остяцком, сочиненное... в 1715 г.- Спб., 1884.

4 Ahlquist A. Forschungen auf dem Gebiet der ural-altaischen Sprachen.- Helsingfors, 1880.- Т. 3: Uber die Sprache der Nord-ostjaken.

5 Ahlquist A. Unter Wogulen und Ostjaken.- 1883.

6 Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север.- Тобольск, 1911.- Т. 3: Этнографический очерк местных инородцев.

7 Патканов С.К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям.- Спб., 1891; Patkanov S. Die Irtysch-ostjaken und ihre Volkspoesie.- Spb., 1897, 1900.- Т. 1, 2.

8 Papay J. Eszaki-osztjak nyelvtanulmányok.- Budapest, 1910; Papay J. Oszttjak nepkoltesi quujtemenv.- Budapest; Leipzig, 1905; Papay J., Erdelyi I. Ostjakische Heldenlieder.- Budapest, 1972; Papay J., Fazekas J. Eszaki-osztjak medveenekek.- Budapest, 1934; Reguly A., Papay J., Zsirai M. Oszttjak (chanti) hosenekek.- Budapest, 1944.- Bd 1; 1951.- Bd 2; 1965.- Bd 3.

9 Sirelius U. T. Ornamente auf Birkenrinde. und Fell bei den Ostjaken und Wogulen.- Helsingfors, 1904; Idem. Uber die Sperrfischerei bei den finnisch-ugrischen Volkern.- Helsingfors, 1906.

10 Sirelius U. T. Reise zu den Ostjaken.- Helsinki, 1983.

11 Karjalainen K. P., Toivonen Y. H. Ostjakisches Worterbuch.- Helsinki, 1948.- Т. 1, 2.

12 Karjalainen K. P. Die Religion der Jugra-Volker.- Helsinki; Porvoo. 1921-1927.- Т. 1-3.

13 Wogulische und Ostjakische Melodien/Phonographisch aufgenommen von Kannisto A. und Karjalainen K. P., herausgegeben von Vaisanen A. O.- Helsinki, 1937.

14 Karjalainen K. P., Vertes E. Sudostjakische Textsammlungen.- Helsinki, 1975.- Т. 1.

15 Paasonen H., Vertes E. Sudostjakische Textsammlungen.- Helsinki, 1980.- Т. 1-4.

16 Martin F. R. Sibirica.- Stockholm, 1897.

17 Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала.- М., 1964, 1971.- Ч. 1, 2.

18 Источники по этнографии Западной Сибири/Подгот. к изд. Н. В. Лукиной, О. М. Рындиной,- Томск, 1987.

19 Старцев Г. Остяки.- Л., 1928.

- 20 Шатилов М. Б. Ваховские остяки // Т пуды Томского коаевого музея.- 1931.- Т. 4.
- 21 Прыткова Н. ф. Одежда хантов // Сборник Музея антропологии и этнографии.- 1953.- Т. 15.
- 22 Народы Сибири.- М.; Л., 1956.
- 23 Stemitz W. Ostjakologische Arbeiten/Herausgegeben von G. Sauer und R. Steinitz.- Berlin; Budapest, 1975-1980.- Bdl-4.
- 24 Терешкин Н. И. Очерки диалектов хантыйского языка.- М.; Л., 1961.- Ч. 1: Ваховский диалект; Он же. Словарь восточно-хантыйских диалектов.-Л., 1981.
- 25 Vahter T. Ornamentik der Ob-ugrier.- Helsinki, 1953.
- 26 Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX - начала XX в.- М.; Л., 1954; Он же. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX - начала XX в.)// Народы Сибири и Дальнего Востока.- М.; Л., 1963; Он же. Скульптура народов севера Сибири XIX - первой половины XX в.- Л., 1970.
- 27 Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII-XX вв.: Проблемы фратрии и рода.- М., 1983.
- 28 Соколова З. П. Путешествие в Югру.- М., 1982; Она же. Страна Югория.- М., 1976.
- 29 Gulya J. Eastern Ostjak Chrestomathy.- Bloomington, 1966; Redei K. Northern Ostjak Chrestomathy.- Bloomington, 1965.
- 30 Redei K. Nord-ostjakische Texte (Kasym-Dialekt - mit Skizze der Grammatik).- Gottingen, 1968.
- 31 Honti L. Chrestomathia Ostiacica.- Budapest, 1984.
- 32 Bakro-Nagy M. Sz. Die Sprache des Barenkultes im Obugrischen.- Budapest, 1979.
- 33 Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты.- Томск, 1977; Они же. Материалы по фольклору хантов.- Томск, 1978.
- 34 Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов.- Томск, 1984; Он же. Шаманство васюганско-ваховских хантов // Из истории шаманства.- Томск, 1976; Лукина Н. В. Альбом хантыйских орнаментов.- Томск, 1979; Она же. Формирование материальной культуры хантов.- Томск, 1985; Она же. Мифы, предания и сказки хантов и манси.- М., 1990.
- 35 Patkanov S. Die Irtysch-ostjaken...- S. 48.
- 36 Вербов Г. Д. Лесные ненцы // Сов. этнография.- 1936.- № 2.
- 37 Steinitz W. Tolemismus bei Ostjaken in Sibirien // Steinitz S. Ostjakologische Arbeiten... - Bd 3.
- 38 Соколова З. П. Социальная организация обских угров (к истории вопроса) // Социальная организация и культура народов Севера.- М., 1974.
- 39 Там же.
- 40 Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XV-XVII вв. // Бахрушин С. В. Научные труды.- М., 1955.- Т. 2.
- 41 Papay J., Erdelyi I. Ostjakische Heldenlieder.

- 42 Шатилов М. Б. Ваховские остяки.- С. 86.
- 43 Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь.- М., 1882.- С. 358.
- 44 Лопуленко Н. А. Борьба за землю как фактор сохранения и развития этнического самосознания у эскимосов США и Канады // Экология американских индейцев и эскимосов.- М., 1988.- С. 211.
- 45 Sirelius U. T. Uber die primiliven Wohnungen der finnisch-ugrischen und ob-ugrischen Volker // Finnisch-ugriscne Forschungen.- 1906-1911.- Bd 6-9, 11.
- 46 Новицкий Гр. Краткое описание... - С. 37.
- 47 Древние поселения Урала и Западной Сибири.- Свердловск, 1984.
- 48 Новицкий Гр. Краткое описание... - С. 57.
- 49 Патканов С. Тип остяцкого богатыря...
- 50 Леви-Строс К. Структурная антропология.- М., 1983.- С. 317.
- 51 Чеснов Я. В. Жест, тело и вещь // Религиозные представления в первобытном обществе: Тез. докл.- М., 1987.- С. 51-52.
- 52 Арсеньев В. К. Дерсу Узала. Сквозь тайгу.- М., 1972.- С. 266.
- 53 Там же.- С. 250.
- 54 Радлов В. В. Из Сибири.- М., 1989.- С. 500.
- 55 Шульц Л. Г. Салымские остяки// Зап. Тюменского о-ва научного изучения местного края.- 1924.- Вып. 1.- С. 183.
- 56 Тульвисте П. Э. Типы мышления и традиционные занятия // Культура народностей Севера: Традиция и современность.- Новосибирск, 1986.- С. 194.
- 57 Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII века.- М.; Л., 1947.- С. 85.
- 58 Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Материалы по фольклору... - С. 146.
- 59 Ahlquist A. Uber die Kulturwörter der obischen-ugrischen Sprachen // Journal de la Societe Finno-Ougrienne.- Helsinki, 1890.- № 8.
- 60 Дмитриев-Садовников Гр. Береста и изделия из нее у остяков р. Ваха // Живая старина.- Спб., 1916.- Вып. 1.
- 61 Титов А. Сибирь в XVII веке.- М., 1890.- С. 73.
- 62 Чемякин Ю. П. Новый могильник в Сургутском Приобье // Сов. археология.- 1980.- № 3.- С. 277.
- 63 Новицкий Гр. Краткое описание... - С. 83.
- 64 Молданова-Видинова Т. А. Линейный орнамент хантов реки Казым // Материалы по этнокультурной истории Западной Сибири/Том. ун-т.- Томск, 1988.- Деп. в ИНИОН АН СССР 17.8.88, № 35180.
- 65 Морган Л. Первобытное общество.- Л., 1934.- С. 6.
- 66 Karjalainen K. F. Die Religion der Jugra-Völker.- S. 40.
- 67 Чернецов В. Н. О проникновении восточного серебра в Приобье // Тр. Ин-та этнографии. Нов. сер.- М.; Л., 1947.- С. 114.
- 68 Зуев В. Ф. Материалы по этнографии... - С. 41.

69 Кастрен А. М. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири // Магазин землеведения и путешествий.- Спб., 1860.- Т. 6, ч. 2.-С. 186.

70 Косарев М. Ф. Некоторые аспекты развития древнего мировоззрения (по сибирским материалам) // Религиозные представления в первобытном обществе: Тез. докл.- М., 1987.- С. 36.

71 Диенеш И. Поединки и экстатические души шаманов // *Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum, 6 Studia Hungarica. Syktyvkar, 1985: Acta Sessionum. Sectio archeologica, antropologica et historica.*- Budapest, 1985.- С. 60-61.

72 Мошинская В. И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири.- М., 1976.- С. 52.

73 Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII веке.-Л., 1941.

74 Титова З. Д. Дневник Т. Кенигсфельда - этнографический источник первой половины XVIII в. по народам Сибири // *Сов этнография.*- 1975.- № 6.

75 Цит. по: Огрызко И. И. Христианизация...- С. 101.

76 Спенсер Г. Основание социологии.- Спб., 1876.- Т. I.- С. 141.

77 Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири.- М., 1888.- С. 38.

78 Василевич Г. М. Языковые данные по термину хэл-кэл // *Сб. Музея антропологии и этнографии.*- Л., 1941.- Т. 2.- С. 156.

79 Ходингеим Э. Древний человек и космос // *Общественные науки за рубежом.*- М., 1986.- Сер. 5: История.- С. 191.

80 Sirelius U. T. *Reise zu den Ostjaken.*

81 Karjalainen K. F. *Die Religion der Jugra-Volker.*- Bd 3.

82 Чернецов В. Н. Рецензия на книгу: *Popular Beliefs: Folklore Traditions in Sibiria.*- Budapest, 1968 // *Сов. этнография.*- 1969.- N95.-С.93.

83 Patkariov S. *Die Irtysch-Ostojaken und ihre Volkspoesie.*

84 Лукина Н. В. Зарубежные публикации фольклора обских уг-ров // *Финно-угорский музыкальный фольклор: Проблемы синкретизма.*- Таллинн, 1982.

85 Шмидт Е. Традиционное мировоззрение северных обских угров по материалам культа медведя: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.- Л., 1989.

86 *Questions siberiennes.* - Paris, 1990.- № 1.- P. 5.

87 Бакштановский В. И., Согомонов А. Ю., Чурилов В. А. Общественное мнение о судьбах народов Севера: Поиск справедливого решения.- Тюмень; Ханты-Мансийск, 1989.- С. 34, 41.

Научно-популярное издание

Кулемзин Владислав Михайлович Лукина Надежда Васильевна

Знакомьтесь: ХАНТЫ

Редактор издательства Л. В. Островская Художник А. И. Смирнов
Художественный редактор В. А. Реймхе Технический редактор А. В.
Сурганова Корректор Н. М. Горбачева

И Б № 42623

Сдано в набор 19.07.91. Подписано в печать 20.03.92. Формат 84X108 1/32.

Бумага типографская. Гарнитура Тайме. Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,1.

Усл. кр.-отт. 7,4. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 9415 экз. Заказ 892. С148.

Ордена Трудового Красного Знамени ВО «Наука»,

Сибирская издательская фирма. 630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.

Новосибирская типография № 4 ВО «Наука». 630077 Новосибирск, ул.

Станиславского, 25.

ББК 63.5(2) К90

Рецензенты

доктор исторических наук Я. Я. *Гемуев* кандидат педагогических наук *Е. А.*

Нёмысова

Утверждено к печати Объединенным институтом истории, филологии и
философии СО РАН

Кулемзин В. М., Лукина Н. В.

К90. Знакомьтесь: ханты.- Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская
издательская фирма, 1992.- 136 с. ISBN 5-02-029778-X.

В книге рассматривается традиционная культура одного из древних
народов Сибири. Проанализированы хозяйственная, социальная и духовная
сферы культуры, их место в современной жизни народа. Дана история
изучения хантыйского этноса отечественной и зарубежной наукой.

Издание адресовано как специалистам - этнографам, археологам,
историкам, так и широкому кругу читателей.

К 0505000000 -148 -~~(042)02-92~~-- полугодие

ББК 63.5(2)

ISBN 5-02-029778-X

© В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина, 1992 © Российская Академия наук,
1992